ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 42 ОКТЯБРЬ 1981

Директор Кольской атомной А. П. Волков и начальник смены В. Г. Ширбанов

«Сердце» атомной электростанции.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 42 (2831)

17 ОКТЯБРЯ 1981

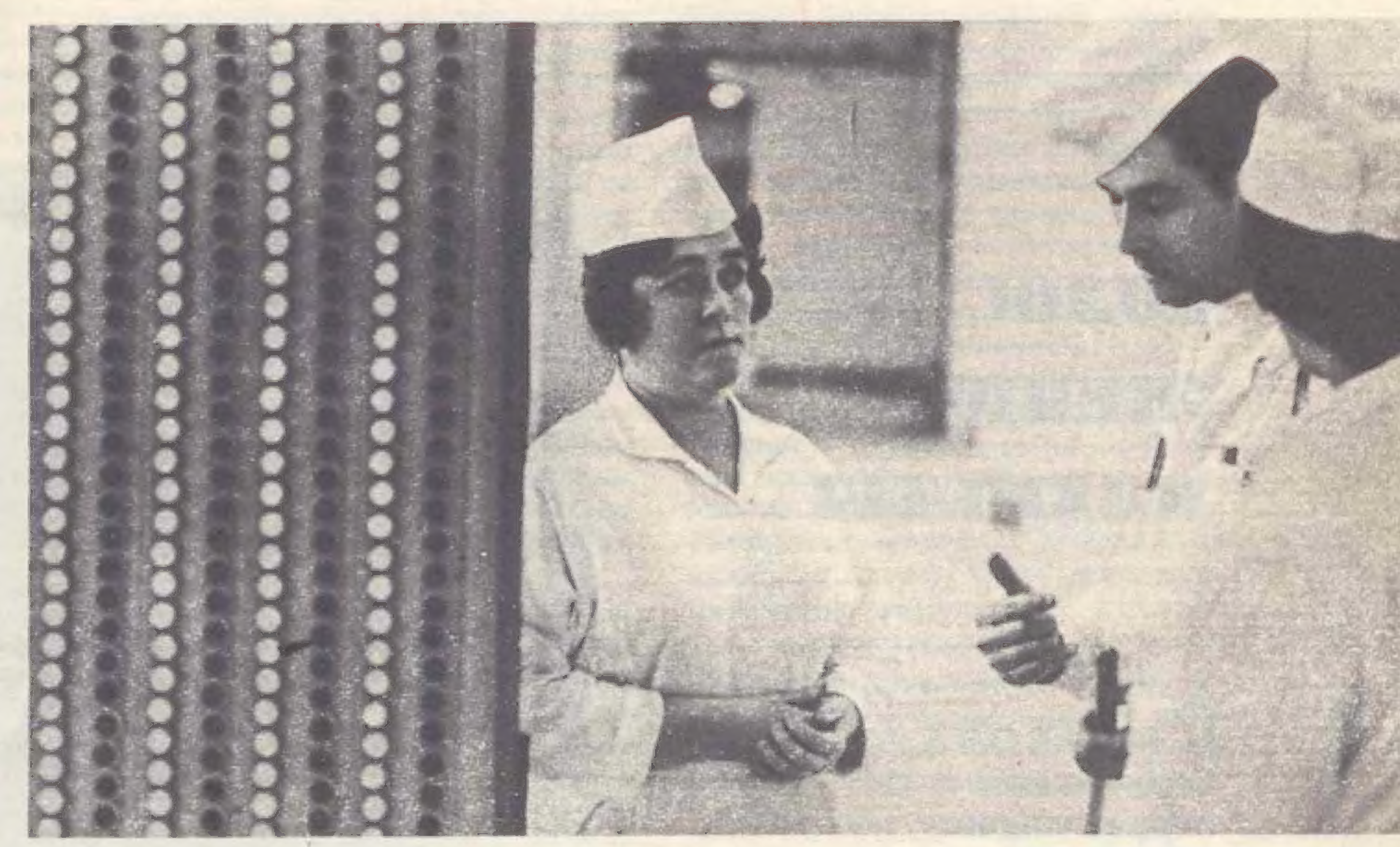
© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», «Огонек», 1981

Эдуард Весел (слева).

Адреса великих свершений

КОЛЬСКОЕ СИЯНИЕ

А. М. Пушкина и дозиметрист А. А. Евсеев.

Трудящиеся Советского Союза! Ознаменуем одиннадцатую пятилетку ударным трудом!

Пусть еще сильнее, богаче и краше станет наша великая Родина!

Все для блага человека, все во имя человека!

Из Призывов ЦК КПСС к 64-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции.

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото Геннадия КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Дежурная кастелянша Клавдия Михайловна Паршина протягивает мне пластиковые бахилы, нижнее белье, плотный облегающий комбинезон, носки, белый чепец и, отыскав в списке свободную кабину, вручает ключ с номером 321. Теперь я должен переодеться, и только тогда мне выдадут

Продолжение см. на стр. 3.

БЕСЕДА Л. И. БРЕЖНЕВА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ОБЪЕДИНЕНИЯ НЕМЕЦКИХ ПРОФСОЮЗОВ (ФРГ) Г.-О. ФЕТТЕРОМ

ГОЛОС ЖЕНЩИН ПЛАНЕТЫ

Н. КРЫЛОВА,
специальный корреспондент «Огонька»

8 октября, в день, когда в столице Чехословакии открылся Всемирный конгресс женщин, в родильном доме, что на одной из улиц Праги, родилось 11 детишек: шесть мальчиков и пять девочек. Их мамы еще не решили, как назовут новорожденных. Но вот что известно совершенно точно: с первых же минут о каждом ребенке будет заботиться вся страна, социалистическое государство, гражданином которого он является. О нем и о женщине-матери, которая имеет равные права с мужчиной: при социализме это норма жизни.

Но есть еще страны, где дети умирают от голода. 55 миллионов детей от 6 до 14 лет примерно в ста странах вынуждены работать. Миллионы женщин не умеют ни читать, ни писать, а за одинаковую работу получают меньше, чем мужчины.

Матери и дети гибнут сегодня под бомбами в Ливане и Анголе, томятся в тюрьмах Южной Африки, Чили, Сальвадора. Не хватает больниц и школ, питьевой воды и жилищ. И в то же время в мире расходуется свыше 400 миллиардов долларов в год на оружие. По данным ООН, восьми — десяти процентов этих затрат было бы достаточно, чтобы ликвидировать голод, болезни, неграмотность на всем земном шаре...

«За равенство, национальную независимость и мир»—под этим девизом проходил в Праге Всемирный конгресс женщин. Этот девиз, говорится в послании, которое направил участникам конгресса Л. И. Брежнев, «в единой формуле объединяет важнейшие лозунги борьбы народов. В условиях обострившейся международной обстановки лозунг мира приобретает особое значение. В наше время понятие «мир» стало ценностью поистине всеобъемлющей. Именно в условиях мира могут осуществляться все надежды и чаяния людей на лучшую жизнь и светлое будущее грядущих поколений. Самая важная задача сегодня — сделать все, чтобы ядерное оружие не было пущено в ход, устранить нависшую над миром военную опасность, защитить саму жизнь».

В пражский Дворец культуры, где работал форум, съехались более 1200 делегатов почти из всех стран мира.

«Мы говорим на разных языках, у нас разные традиции, разные привычки,—сказала, открывая конгресс, Фрида Браун, президент Международной демократической федерации женщин.— Но мы едины в желании сделать все для сохранения мира на нашей планете!»

Зинаида Никифоровна Рыдлевская, член советской делегации, показывает мне фотографию. На ней две девушки (причем одна совсем еще подросток) с винтовками за плечами и бородатый мужчина с ленточкой на кубанке. «Партизанская семья Рыдлевских»,—написано на обороте снимка, который сделан в 1944 году в одном из партизанских отрядов в Белоруссии.

— Маленькая, справа — это я,— говорит Зинаида Никифоровна,— рядом моя сестра Ольга и наш отец Никифор Терентьевич. Наше село сожгли фашисты, и все мы ушли в лес к партизанам. Двое моих братьев погибли на фронте.

После войны Зинаида Никифоровна стала учительницей в сельской школе. Сейчас у нее уже две внучки.

— Я здесь для того, чтобы они никогда не узнали, что такое война! — сказала моя собеседница.

Мы разговаривали в перерыве после заседания, на котором выступила Венке Соренгер, одна из организаторов «Марша мира-81». Зал стоя приветствовал ее, когда она вышла на трибуну. Венке — тоже учительница. Живет с мужем и пятилетней дочкой в Осло.

— Почему вы решили организовать этот поход?

— Нельзя сидеть сложа руки. Мы живем как на пороховой бочке. Я и мои подруги обратились к женщинам Скандинавии с призывом пройти по городам Европы, чтобы выразить протест против размещения на континенте американских ракет. Этот марш начался 21 июня в Копенгагене, а завершился 6 августа, в день Хиросимы, в Париже... Я приехала на конгресс потому, что мы должны защищать жизнь наших детей. Мы чувствуем, что представляем собой силу, и можем это доказать.

В один из дней работы конгресса я встретилась с представительницей Сальвадора. Я не могу назвать ее имя. Эта женщина — боец патриотического фронта.

— Называйте меня Мария,— говорит она.— За нами охотится полиция, солдаты хунты. Сегодня в Сальвадоре люди боятся выходить на улицу: никто не уверен, что вернется домой. У моей подруги убили двух братьев: одного схватили на улице, другого — дома. Их мучили, пытали. И так почти в каждой семье.

Мария привезла на конгресс фотодокументы — снимки убитых, замученных, расстрелянных.

— Это должен увидеть весь мир,— говорит она.— Пусть люди

13 октября Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле председателя Объединения немецких профсоюзов (ФРГ) Гейнца-Оскара Феттера, находящегося в Советском Союзе по приглашению ВЦСПС, и имел с ним беседу.

Состоялся обмен мнениями по вопросам развития отношений между СССР и ФРГ и по некоторым проблемам современного международного положения, затрагивающим интересы и условия жизни трудящихся стран Европы.

Беседа проходила в теплой, товарищеской атмосфере. В ней приняли участие кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, председатель ВЦСПС А. И. Шибаев, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров, а также заведующий Международным отделом Федерального правления ОНП Э. Кристофферсен.

Во время беседы.
Фото В. Мусаэльяна и Э. Песова (ТАСС)

знают о зверствах хунты, поддерживаемой правительством США.

Лусия Паим приехала в Прагу из Анголы. Мы говорили с ней по-русски: Лусия окончила в Виннице медицинское училище, получила специальность фармацевта. Многие из ее подруг сейчас на фронте — Ангола отражает агрессию южноафриканских расистов. За их спиной — тоже американский империализм.

А вот что сказала мне делегатка Палестины Джехан Хелоа:

— Быть беженцем — значит не иметь ни крова, ни школы, ни работы, ни защиты от произвола. Это судьба тысяч и тысяч палестинцев.

12 октября делегаты Всемирного конгресса женщин посетили мемориальный комплекс Лидице, созданный на месте уничтоженного гитлеровцами чехословацкого поселка. Здесь, на площади у Вечного огня, состоялся митинг под лозунгом «За жизнь в мире». Участники митинга приняли заявление, в котором, в частности, говорится:

«Мы осуждаем гонку вооружений, развязанную империализмом, с гневом и возмущением протестуем против решения американской администрации начать производство такого антигуманного оружия, как нейтронная бомба, против решения НАТО разместить в Западной Европе новое американское ракетно-ядерное оружие.

Мы всем сердцем приветствуем и поддерживаем мирные инициативы, выдвинутые Советским Союзом и другими странами социалистического содружества, направленные на обеспечение мира, продолжение процесса разрядки, на разоружение».

Пражский конгресс стал ярким свидетельством солидарности женщин всего мира с борьбой народов за свободу, независимость, за социальный прогресс.

Прага. По телефону.

На снимке: Выступает глава советской делегации В. В. Николаева-Терешкова.
Телефото ЧТК—ТАСС

Начало см. на 2-й стр. обложки.

КОЛЬСКОЕ СИЯНИЕ

разрешение на проход в зону атомного реактора.

Из узкого полутемного коридора, соединяющего гардероб с зоной, доносится ровный гул. Позже я узнаю, что это работает специальная вентиляция, а пока... По бокам длинного коридора насколько хватает глаз мерцают сигнальные огоньки. Дремлющее чувство самосохранения неожиданно пробуждается, воскрешая в памяти кадры кинохроники, рассказывающей об аварии на американской атомной электростанции в штате Пенсильвания: такой же длинный коридор с мириадами дрожащих огней, вой сирен, спасательные команды в просвинцованных скафандрах...

С деланным спокойствием я туже затягиваю ремень, подчеркнуто неторопливо укрепляю бахилы. Инженер Александр Шандарюк, которому поручено быть моим гидом, чутко улавливает перемену в настроении гостя и деликатно, как бы между прочим замечает: «Журналистам небезынтересно знать, что на нашей атомной станции, по оценкам самых придирчивых специалистов, вероятность аварии составляет менее одного случая на десять тысяч лет работы реактора. К тому же каждый атомный агрегат станции снабжен безотказной системой аварийной защиты и всеми необходимыми техническими средствами, обеспечивающими его быструю остановку и охлаждение». Сашины глаза излучают такое спокойствие и убежденность, что мне становится неловко за свое разбуженное воображением чувство самосохранения.

Полы, стены, потолок коридора облицованы светлым пластиком. Ноги в пластиковых бахилах скользят, и я еле поспеваю за инженером, который, судя по всему, чувствует здесь себя как дома. А ведь работает он на Кольской атомной, что называется, без года неделю. До этого А. Шандарюк жил в Нарве, имел прекрасную квартиру, приличное жалованье, солидное положение занимал. Но потянуло его к новому делу, и, не долго думая, собрался он и махнул в Заполярье. Успешно прошел стажировку, безболезненно вписался в коллектив заполярных атомников.

Начальник смены дозиметристов, неторопливый и обстоятельный Володя Вершинин вручает мне новенький КИД (контрольно-измерительный дозиметр) за номером 158 и желает успеха. Несколько этажей вверх по лестнице, и мы оказываемся в непосредственной близости от «атомного сердца». Цистернообразная, закованная в железобетон капсула реактора на три четверти по вертикали «утоплена» в пол. Весь процесс получения гигантской энергии (почти сорок миллиардов киловатт-часов выработала Кольская атомная за восемь лет своего существования) практически недоступен человеческому глазу. Но ощущение былинной мощи, таящейся в сердце реактора, не покидает тебя ни на минуту. Здесь с особой остротой и почтением начинаешь относиться к понятию «мирный атом».

В зоне, где мы находимся, почти не видно обслуживающего персонала. Изредка покажется человек в белом комбинезоне и бесшумно исчезнет. И это не случайно — процент автоматизации на Кольской АЭС очень высок.

Через несколько минут А. Шандарюк знакомит меня со своим коллегой. «Эдуард Весел»,— представляется молодой, спортивного склада человек. Эдуард работает начальником смены, и на его плечах в эту смену лежит груз ответственности главного инженера АЭС. Телефон и селектор то и дело прерывают нашу беседу. Начальнику смены постоянно докладывают о положении дел на всех участках, и мой собеседник молниеносно принимает необходимые меры.

Пока Э. Весел решает очередную проблему, я записываю детали его биографии. Он окончил Томский политехнический. В институтских лабораториях, сталкиваясь с трудностями научных поисков (преподаватели института умело расставляли «ловушки», ревниво следя за тем, чтобы их подопечные своим умом доходили до каждого открытия), Эдуард учился непрерывному их преодолению. Сегодня это помогает ему чувствовать себя на своем месте. Не раз за годы работы на АЭС приходилось Э. Веселу и умом раскидывать и плечо подставлять. Вместе со строителями сооружал он третий блок станции, участвовал в пусконаладочных работах.

— А сейчас мы заглянем в самое сердце реактора,— говорит А. Шандарюк. Я следую за ним по узкой лестнице вниз. Обращает на себя внимание прямо-таки хирургическая чистота вокруг.— Это заслуга наших дезактиваторщиц, — поясняет Александр.— Самоотверженные женщины трудятся у нас на этом участке. Не последнее слово принадлежит им в поддержании на станции идеальной атмосферы. Кстати, с одной из них я вас сейчас познакомлю.

Застенчивая и приветливая Анна Михайловна Пушкина приехала на Кольский полуостров из Иркутска. С детства в семье приучали ее к аккуратности и чистоте, прилежности и трудолюбию. Умение поддерживать порядок не только дома, но отныне и в зоне первой очереди АЭС по достоинству оценено в коллективе. Не однажды руководство атомной отмечало работу лучшей дезактиваторщицы благодарностями и денежными поощрениями. По итогам десятой пятилетки Анна Михайловна была награждена медалью «За трудовую доблесть».

— Покидая зону, мы должны не забыть возвратить дозиметристам КИДы,— напоминает А. Шандарюк.— У них же узнаем дозу полученного облучения. Внимательно следите за стрелкой на пульте контрольно-измерительного прибора. Если она полезет вправо, значит...— Голос Саши приобретает неестественную серьезность, и я догадываюсь, что Александр подтрунивает над моим чувством самосохранения.

Володя Вершинин берет из моих рук стальной сигарообразный карандаш, вставляет в гнездо на приборном щитке и... Чувствительная стрелка, не шелохнувшись, «определяет диагноз».

— Вот видите,— торжествующе говорит А. Шандарюк,— не зря нашу АЭС считают одной из самых «чистых» в стране.

Блочный щит управления, с помощью которого мы «опустимся» в шахту реактора, где взрываются и дробятся ядра урана-235, выглядит замысловато и внушительно. Начальник ЭВМ, выпускник Московского института радиотехники, электроники и автоматики Сергей Зиновьев, невысокого роста, степенный и малоулыбчивый «физик», держится с достоинством, но без позы, о привычных вещах рассказывает «лирикам» увлеченно, но не назидая.

— Одной из достопримечательностей нашей станции,— говорит Сергей,— является то, что она управляется отечественным автоматизированным комплексом «Уран-2», который зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Вот только один пример. Контролируя работу реактора, «Уран-2» по требованию оператора всего за четыре секунды проводит сбор информации более чем с двух тысяч датчиков, наблюдающих за работой «атомного сердца», и мгновенно в обработанном виде выдает ее на экран монитора. Зиновьев подходит к пульту управления, нажимает одну из клавиш, и на цветном изображении появляется многоквадратная «сота», напоминающая сетку незаполненного кроссворда.— Каждая клеточка этого «кроссворда»,— поясняет Сергей,— соответствует одной кассете с урановым топливом. За несколько секунд вы можете узнать температурный режим любой из кассет и, если в этом есть необходимость, вмешаться в ее деятельность.

Я прошу разрешения самому нажать нужную клавишу. Вспыхнувший в уголке экрана оранжевый квадратик, пробежав по одной из вертикалей «кроссворда», смещается влево и оккупирует крайнюю клетку. И тут же поступает сигнал на пульт.

— Режим работы кассеты, которой вы интересовались, соответствует норме,— комментирует старший дежурный инженер лаборатории ЭВМ Анатолий Зылев.

— Но ведь здесь десятки, сотни всевозможных клавишей и кнопок. Оператор может ошибиться в последовательности выдачи задания электронно-вычислительной машине,— говорю я.

— В таком случае будет и соответствующий ответ,— поясняет А. Зылев. С этими словами он нажимает какую-то кнопку, и на экране вспыхивает надпись: «Некорректный запрос».

Последняя встреча на Кольской атомной «Полярные Зори» — с ее директором А. П. Волковым. Он увлеченно рассказывает о делах кольских атомников. Рассказывает и о поселке Полярные Зори, где выросли кварталы красивых многоэтажных домов, поликлиника, многопрофильное ПТУ, где есть и Дворец культуры, и плавательный бассейн, и музыкальная школа.

...Известна огромная роль атомных электростанций в создании океана отечественной энергетики. Кольская атомная — одна из них.

ЭХО КАИРСКИХ СОБЫТИЙ

Павел ДЕМЧЕНКО

Политические убийства уже давно перестали быть редкостью на Ближнем Востоке. Их совершают различные экстремистские группировки, израильские и некоторые другие спецслужбы, например, для уничтожения палестинских лидеров. Словом, выстрелом из-за угла, взрывом бомбы в автомашине или на митинге там трудно кого-либо удивить. Однако то, что произошло в Каире 6 октября, повсюду было воспринято как большая сенсация.

В тот день в египетской столице состоялся традиционный военный парад по случаю восьмой годовщины начала войны 1973 года. Мимо трибун, переполненных почетными гостями, прошли танки и ракеты, шеренги десантников и курсантов. Все было обычно и размеренно, как и в прошлые годы, до того момента, пока в воздухе не появились самолеты. Все взоры обратились вверх, но главное событие совершилось на земле, где вслед за бронетранспортерами подошла артиллерийская часть. Один из грузовиков вдруг остановился у центральной трибуны. Из кабины выскочил офицер, подбежал к ограждению и швырнул две гранаты. И тут же выпрыгнули из кузова солдаты, открыли огонь из автоматов, целясь туда, где находился президент А. Садат. Растерявшаяся поначалу президентская охрана все же сумела поразить офицера. Были убиты также два или три солдата, остальные схвачены. А на трибуне общее число убитых и раненых превысило 40 человек.

По мнению очевидцев, вся эта быстротечная драма продолжалась тридцать или сорок секунд, но она вызвала по всему миру огромный политический резонанс. Президент Садат, доставленный на вертолете в военный госпиталь, скончался, не приходя в сознание. Это означало уход с политической арены деятеля, который считался в последние годы главной опорой американской политики в арабском мире. Неудивительны поэтому различия в той реакции, которая последовала за рубежом.

В Вашингтоне известие из Каира вызвало, как писал один американский журналист, не только переполох, но и подлинный шок. Там ведь хорошо знали, что действия Садата, подписавшего вместе с американским президентом и израильским премьер-министром так называемые кэмп-дэвидские соглашения, изолировали его в арабском мире и привели к расколу египетского общества. И тем не менее за океаном продолжали делать ставку именно на него. Теперь перед Вашингтоном возникло немало тревожных вопросов: пойдут ли новые лидеры Египта тем же путем? Не начнут ли они сближаться с другими арабскими странами, страдающими от израильской агрессии? С теми, от которых Садат отвернулся, предпочтя сепаратный «мирный договор» с Израилем.

Первой американской реакцией был приказ о приведении в состояние боевой готовности вооруженных сил, находящихся на Ближнем Востоке или подготовленных для переброски туда. В восточную часть Средиземного моря и поближе к Персидскому заливу заспешили десятки кораблей с самолетами и десантниками на борту, в том числе авианосец «Нимитц» с сопровождающими его судами и двумя тысячами морских пехотинцев.

Для чего все это? Ведь то, что произошло в Египте, даже при всей драматичности случившегося,— внутреннее дело этой страны. Но в Вашингтоне, судя по всему, рассуждают иначе. На сей раз демонстрация силы адресована прежде всего самим египтянам, чтобы они, не дай бог, не вздумали освобождаться от американских объятий. Советское правительство сделало заявление правительству США, в котором решительно осудило любые попытки вмешиваться в дела Египта.

Не менее американцев встревожен официальный Тель-Авив, который, по словам премьер-министра Бегина, потерял своего «лучшего друга» в арабском мире. Естественно, что в арабских столицах отклики при всей их неоднородности иные. Так, премьер-министр Ливана Ваззан оценил случившееся следующими словами: «Это событие представляет собой исторический урок». Газеты Сирии, Ливии, Алжира пишут о крахе сепаратного решения ближневосточного кризиса.

Что же касается положения в самом Египте, то, судя по многим сообщениям, в стране происходит глубокое политическое брожение, хотя властям и удалось сохранить конституционный порядок передачи власти. Официальные представители стараются показать, что покушавшиеся — это лишь небольшая изолированная кучка людей, не принадлежавшая ни к какой организации. Сначала объявили, что их было восемь, затем шесть, наконец, сократили цифру до пяти.

Такую версию ставят под сомнение египетские журналисты. Например, каирская газета «Аль-Ахбар» пишет, что следствию предстоит выяснить: как, несмотря на постоянные осмотры, продолжавшиеся в течение тридцати дней, нападавшим удалось взять в машину боеприпасы и гранаты, каким образом машина оказалась в самом ближнем к главной трибуне ряду, как нападавшим удалось точно разведать место парада, несмотря на то, что это держалось в тайне тридцать дней. Лондонская «Таймс» эти же вопросы ставит более откровенно, считая, что заговорщики не только знали план парада, но и отрепетировали покушение. И что особенно важно, они знали время начала воздушного представления, во время которого и совершили свою акцию. По мнению газеты, подозрения падают на экстремистскую мусульманскую организацию «Искупление и хиджра», которая уже совершила несколько террористических актов.

Пока это только предположения и гипотезы, которые еще ждут своего подтверждения. Фактом же остается то, что Садат своей политикой создал оппозицию и слева и справа. Он, по словам премьер-министра Индии И. Ганди, пользовался большей поддержкой за границей, чем у себя дома. И не случайно, что находящийся в эмиграции лидер Египетского патриотического фронта генерал аш-Шазли призвал нового президента отменить чрезвычайные законы, освободить политических заключенных, изменить внешнеполитический курс страны.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Владимир КОВНАТ, корреспондент-кинооператор Советского телевидения на Ближнем Востоке

Фото автора

28 мая 1981 года в 16 часов заведующий отделением ТАСС в Бейруте Вячеслав Корзелев сообщил мне по телефону, что израильская авиация бомбит Дамур.

Судя по характеру налета и тому, что оттуда сообщают, это продлится долго... Теперь уже и я сам хорошо слышал гул самолетов и тяжелые удары, доносившиеся с южной стороны Бейрута. В эти дни воздушные тревоги были в столице Ливана обычным делом. Много раз мы снимали ужасающие последствия бомбардировок южных городов и деревень. Но пока еще ни разу не удавалось непосредственно увидеть и снять действия израильских самолетов. Обычно мы наблюдали их летящими на большой высоте.

Вся дорога до Дамура, расположенного рядом с Бейрутом, заняла не более двадцати минут. Известковая пыль и запах взрывчатки еще висели в воздухе. Санитарные машины увозили раненых и убитых.

Командир расчета счетверенного зенитного пулемета посоветовал нам немедленно покинуть город:

— Наверняка будет еще налет, он может начаться в любую минуту...

— Но вы ведь не покидаете своих позиций по этой причине?

— Мы защищаем детей, женщин и стариков. Вы же сами знаете...

Отъехав к окраине города, мы заняли собственную «позицию», удобную для съемки: весь Дамур был перед нами как на ладони. Некоторое время в городе царила тревожная тишина. Внезапно, опережая грохот своих турбин, над крышами домов промчались серыми тенями два самолета. Уходя от зенитного огня, бомбардировщики повернули к низкому уже солнцу и исчезли в слепящем мареве.

Через несколько секунд «фантомы» коротко мелькнули на фоне неба, раздались пусковые удары и зловещий шорох идущих на город ракет. Мощные взрывы подняли на огромную высоту обломки зданий, целые облака рыжего дыма и пыли... Визжа покрышками по асфальту, останавливались машины, и люди, пригибаясь, бросались к ближайшим укрытиям. Еще один заход — и еще два тяжелых взрыва... Эта бомбардировка, которую на другой день увидели зрители телевизионной программы «Время», была лишь пробным шаром израильских пилотов — они подбирались к Бейруту...

Вскоре после налета на Дамур на развалинах одной из школ появились необычные листовки. Вот их содержание: «Разыскивается по обвинению в убийстве Мена-

Агрессия расширяется

хем Бегин. Участник террористической организации «Иргун».

Это перепечатка старой английской листовки 1946 года, когда террориста Бегина разыскивала английская полиция. Запятнанная кровью невинных жертв профашистская организация террористов «Иргун Цвай Леуме» Менахема Бегина действовала на территории Палестины еще до образования государства Израиль.

Было бы неправильно и просто безответственно даже предполагать, что теперешний господин премьер-министр до сих пор носит на поясе штурмовой нож и пистолет с глушителем, а в карманах жилетки — взрывчатку. Безусловно, нет! Теперь это пожилой и весьма респектабельный, глубоко верующий человек и, как он часто говорит, большой друг американского президента. А что касается терроризма... Он просто отдает приказы своей армии. И от иных его приказов у самих граждан Израиля подчас волосы встают дыбом. Ведь они не могут не помнить вторую мировую войну. Ведь они не могут не знать, что надежда на безнаказанность, основанная на уверенности в своей силе,— это обманчивая надежда. И наконец, кто не знает о Нюрнбергском процессе? У народов Земли есть традиция наказывать военных преступников.

Но, видимо, не всем, у кого палец так и тянется к спусковому крючку — а вернее, к пусковой кнопке,— уроки истории пошли на пользу. Пока что правительство Бегина втягивает свой народ в опаснейшие военные авантюры.

Недавно израильское радио сообщило своим несколько шокированным на этот раз слушателям, что теперь так называемая «Армия обороны Израиля» будет приобретать оружие, «которое позволяет наносить удары вдали от территории Израиля». Это заявление было сделано уже намного позже бомбардировки ядерного научно-исследовательского центра в Багдаде и вскоре после позорной бомбардировки жилых кварталов Бейрута. Кстати, и в том и в другом случае израильские летчики использовали новейшие американские боевые самолеты, ракеты «воздух — земля» и тяжелые авиабомбы. Эту технику массового убийства Израиль получил от США в качестве... средств обороны. В Америке — как и во всем мире — раздались протестующие голоса. Поставки боевых машин были приостановлены, но ненадолго. Как же это возможно, уважаемые господа конгрессмены? Куда, позвольте спросить, подевались велеречивые филантропы, почему не дудит во все трубы и не стучит во все барабаны американская Армия спасения? Напротив, господин Менахем Бегин радостно принят в Белом доме, ему обещаны новые американские самолеты и другие средства массового уничтожения «вдали от территории Израиля». Как раз в те дни, когда израильская правительственная делегация совершала свой столь успешный визит в Вашингтон, в Бейруте и на юге Ливана продолжались раскопки руин. И сегодня под развалинами многоэтажных домов еще лежат останки ливанцев, виновных лишь в том, что их страна слабее вооруженного до зубов Израиля.

...Массированный удар израильских ВВС продолжался сорок пять минут. Это было 17 июля. Жертвой был избран бейрутский район Факхани. Самолеты подавили огонь противовоздушной обороны, и пилоты, за плечами у которых было уже немало бомбардировок мирных городов и деревень, принялись за безнаказанное разрушение и убийство. До сих пор бульдозеры пробивают дорогу к подвалам, засыпанным сотнями тонн бетонных обломков. Каждый день из-под развалин извлекают изуродованные тела погибших. Нужно иметь очень крепкие нервы, чтобы делать такую работу, чтобы просто видеть все это...

Целые семьи раздавлены плитами этажных перекрытий. Останки, разорванные острыми осколками бетонных плит, проткнутые насквозь прутьями разорванной взрывами арматуры... Не это ли объективная картина американо-израильской «мирной» политики на Ближнем Востоке?

А дети?.. После бомбардировки, помимо убитых, осталось множество детей — раненых, оглохших, перепуганных, забывших, как их зовут, или настолько маленьких, что они даже не могли назвать себя. Теперь их ищут в госпиталях чудом выжившие в этом кошмаре родители. Интересно, что думают об этом американские и израильские мамы? Осуждают, разумеется. А господин Бегин получает новые военные поставки... Так израильская военная авиация добавила к своему «боевому» счету еще около четырехсот убитых, около тысячи раненых и множество разрушенных жилых домов. Одновременно с налетом на Факхани ударами с воздуха уничтожены мосты через реку Литани на юге Ливана, подвергнуты зверской бомбардировке южные населенные пункты. Под одним из мостов укрывались, как обычно во время налетов, несколько десятков жителей соседнего поселка. Взрыв тяжелой ракеты обрушил бетонный пролет прямо на головы несчастных людей.

Для проведения всей акции израильский генеральный штаб выбрал такое время, когда большинство мужчин было на работе. Жертвами воздушных атак стали дети, женщины и старики. Причем главным образом не палестинцы, а ливанцы...

Израильские самолеты постоянно пролетают над полосой ливанской земли, занятой «голубыми касками», то есть силами ООН в Ливане. Над ними же пролетают и снаряды из орудий правохристианских военных формирований майора Хаддада, те самые снаряды американского и израильского производства, которые разрушают ливанские города Набатию, Тир, Сайду. Известно, что ооновцы добросовестно регистрируют такие (частые) случаи и докладывают о них по начальству. И даже сами несут потери — это правда. Но жертвам агрессии от этого ничуть не легче! Когда израильскому командованию нужно, его диверсионно-террористические группы легко проникают на территорию Ливана — с моря, с воздуха или просто пешком.

Решительный отпор оказывают им бойцы Национально-патриотических сил Ливана и Палестинского движения сопротивления. Это они охраняют сегодняшние рубежи страны от израильских командос. Так же, как и зенитчикам, бойцам НПС—ПДС зачастую приходится стоять насмерть. Уже давно не секрет, что армия Израиля имеет разработанный план оккупации ливанской земли — бронированный кулак занесен над Ливаном...

Израиль — военизированная страна, а хорошо вооруженная и тренированная армия, постепенно привыкающая сражаться с мирным населением, может зайти далеко. Слишком далеко! Не пора ли народам и правительствам всего мира всерьез задуматься о том, что происходит в Ливане? Не пора ли наконец прислушаться к советским предложениям по достижению прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке?

Бейрут.

Здесь была школа.

АТАКУЮЩАЯ КНИГА

Всеобщий интерес в нашей стране и за рубежом вызвало появление в свет книги «КПСС и права человека» (Издательство АПН, 1981 г.). Интерес этот вполне закономерен. Прежде всего потому, что она принадлежит перу одного из руководителей КПСС и Советского государства, дважды Героя Социалистического Труда Константина Устиновича Черненко. Примечателен и сам факт выхода книги в преддверии юбилейного года — года шестидесятилетия создания Союза Советских Социалистических Республик, даты, которую будет отмечать все свободолюбивое прогрессивное человечество. И наконец, эта книга — мощный удар по тем зарубежным фальсификаторам истории, клеветникам, советологам и кремлеведам, которые надеются обмануть миллионы трудящихся дезинформацией, антисоветскими фальшивками, пытаются обвинить коммунистов в нарушении прав человека, антидемократизме, международном терроризме.

За последние годы партийная публицистика добилась больших успехов в пропаганде идей ленинизма, пропаганде советского образа жизни. Вдохновенная трилогия Леонида Ильича Брежнева «Малая земля» — «Возрождение» — «Целина», ныне известная всему миру, переведенная на многие десятки языков, подняла на новую ступень публицистику, очерк, документальную повесть. Книга К. У. Черненко «КПСС и права человека» идет в фарватере этой замечательной публицистической прозы и посвящена той же благородной теме — героическому характеру советского человека, партийной заботе о людях, деятельности КПСС, направленной на благо страны и всего человечества.

Для публицистики К. У. Черненко характерно умение увлекательно излагать сложнейшие проблемы. Талант пропагандиста помогает автору не только логически безупречно построить систему своих неуязвимых аргументов, но и убедительно доказать несостоятельность, лживость, порочность идеологии антисоветчиков.

«Проблемы свободы личности и демократии, прав человека, равноправия и гуманизма относятся к числу важнейших проблем современности. Они находятся на острие идейного противоборства двух систем — социализма и капитализма, нового и старого мира» — так начинает свою книгу К. У. Черненко. И далее, отметив, что правительство США, объявив «защиту прав человека» важнейшим элементом своего внешнеполитического курса, решило «сосредоточивать свой огонь на нарушениях прав человека в коммунистических странах», автор пишет:

«Что ж, навязанная нам дискуссия предоставляет хорошую возможность для сравнения социалистического и буржуазного образов жизни, для сопоставления реальных прав и свобод, которыми обладают трудящиеся Советского Союза и США».

В идеологической борьбе для коммунистов неприемлемы оборонительные стратегия и тактика. Мы наступаем, мы ведем встречный бой, мы атакуем. И книга К. У. Черненко композиционно выстроена с полемической резкостью: у нас — у них. Цифры и факты сшибаются лоб в лоб, и каждое столкновение приносит поражение нашему идейному противнику.

Пожалуй, впервые в советской публицистике так полно и безукоризненно четко показана упорная и бескомпромиссная борьба партии за создание советского законодательства, гарантирующего свободу личности и права человека, многотрудная работа над воплощением этого законодательства в жизнь.

Автор рассказывает об основах нашей советской демократии — о дружбе и братстве народов, равноправии женщин, о правах и свободах, гарантированных гражданам СССР Советской Конституцией.

«Важнейшей гарантией осуществления прав трудящихся является руководящая роль Коммунистической партии,— пишет К. У. Черненко.— От ленинских документов периода становления революционной партии рабочего класса до решений партийных съездов и постановлений ЦК КПСС последних лет забота о благе человека, о всестороннем, гармоническом развитии личности составляет главное содержание всей ее теоретической и практической деятельности, будь то вопросы внешней политики, решение сложного комплекса экономических, социально-политических или идейно-воспитательных задач. Именно партия явилась инициатором и организатором создания всех советских конституций».

Темпераментный разговор с читателем, одновременно — дискуссия с оппонентом из другого идеологического лагеря. Факты — упрямая вещь. И автор таким образом строит свое повествование, чтобы каждый тезис был всесторонне доказан, а клеветнические аргументы врагов лишились какой бы то ни было фактической и логической опоры.

В начале XIX века Шарль Фурье так писал об английской Великой хартии вольностей — основополагающем документе первой буржуазной революции: «Бедняк не может заменить недостающий ему обед чтением хартии».

К. У. Черненко цифрами и фактами доказывает, как конституции капиталистических стран только на бумаге гарантируют народам своих стран подлинное равноправие, демократические свободы и права.

В Коммунистическом манифесте К. Маркс и Ф. Энгельс определили главный принцип будущих социалистических конституций: «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех».

Именно поэтому в книге большое внимание уделено созданию новой исторической общности — советского народа.

«Эта общность знаменует собой более высокую ступень социально-политического единения всех наций и народностей Советского Союза,— пишет К. У. Черненко.— Ее выражением служат такие понятия, как «советский человек», «советская экономика», «советский характер», «советский патриотизм», «советский образ жизни», возникшие за годы социалистического строительства. Советский — значит общий, присущий каждой нации и народности нашей страны».

Советский народ не только новая социальная, но и интернациональная общность. Его рождение и развитие стало возможным лишь благодаря идеологической, политической, организаторской деятельности КПСС, партии интернационалистов.

Рассказывая о личных правах и свободах советских людей, гарантированных Конституцией, автор находит убедительные примеры, ярко характеризующие самые различные стороны нашей жизни. Он приводит замечательные слова Леонида Ильича Брежнева: «...Что могут противопоставить... реальным достижениям развитого социализма апологеты капиталистических порядков? Каковы действительные права и свободы, которые обеспечивает широким массам трудящихся современное империалистическое общество? «Право» десятков миллионов на безработицу? Или «право» больных обходиться без врачебной помощи, которая стоит огромных денег? Или «право» национальных меньшинств на унизительную дискриминацию в труде и образовании, в быту и в политической жизни?»

К. У. Черненко, анализируя нападки на социализм защитников капиталистических прав и свобод, особо останавливается на «неугодном» для наших врагов одном из положений Конституции СССР: «Использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан».

В слиянии прав и свобод граждан с их обязанностями критики Советской Конституции видят «недопустимое ограничение» прав личности, противоречие демократии. Но ведь неразрывная связь прав и обязанностей — общепризнанный принцип демократической организации общественной жизни. Он сформулирован во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 году. В ней записано: «...Каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности. При осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе». Международные же пакты о правах человека, в которых детально разработаны положения Всеобщей декларации и которые ратифицированы многими государствами, в том числе и СССР, до сих пор (что весьма знаменательно!) не признаны «поборниками демократии» из Соединенных Штатов Америки.

Леонид Ильич Брежнев говорил:

«Мы еще не достигли коммунизма. Но весь мир видит, что деятельность нашей партии, ее устремления направлены на то, чтобы сделать все необходимое для блага человека, во имя человека. Именно эта высочайшая, гуманная цель партии роднит ее с народом, соединяет ее со всеми советскими людьми прочными, неразрывными узами».

Необычайно своевременная, яркая, убедительная, атакующая книга К. У. Черненко — прежде всего о непоколебимом единстве партии и народа.

Не умалчивая о трудностях, которые пришлось, да и ныне приходится преодолевать партии, государству в борьбе за укрепление мира на нашей планете, эта книга полна оптимизма и твердой уверенности в правоте нашего святого дела — в грядущей победе коммунизма.

С. МЕДУНОВ

Первый секретарь Приморского крайкома КПСС В. П. Ломакин и руководитель писательской делегации В. М. Озеров в мемориальной комнате Александра Фадеева.

Новое здание музея А. А. Фадеева в селе Чугуевка.

ДНИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ПРИМОРСКОМ КРАЕ

НА ФАДЕЕВСКОЙ ЗЕМЛЕ

Юрий ОСИПОВ, фото Владимира КУЗНЕЦОВА, специальные корреспонденты «Огонька»

«Дальний Восток у меня в крови,— часто повторял Фадеев.— Здесь находится село, в котором я вырос, здесь я прошел школу партизанской войны, вступил в партию, оформился как большевик. Здесь живые люди — герои моего романа».

В этом году Александру Александровичу Фадееву исполнилось бы 80 лет. Но сколько ни минет еще десятилетий, он по-прежнему будет олицетворять собой молодость, романтику, мечты, подвиг. Об этом говорилось с трибуны Всесоюзной творческой конференции во Владивостоке, тема которой называлась «Героика борьбы и созидания. Революционно-патриотические традиции советской литературы и творческое наследие А. Фадеева».

Жизненный путь и художественное наследие выдающегося советского писателя стали предметом серьезного, обстоятельного разговора более 150 видных прозаиков, поэтов, критиков из разных союзных республик.

Один за другим поднимались на сцену краевого драматического театра имени М. Горького, чтобы сказать взволнованное слово о фадеевских книгах, шагающих с ними по жизни, его сегодняшние земляки — моряки, рабочие, пограничники, колхозники. Пересекаясь, сливаясь, дополняя друг друга, выступления литераторов и тружеников края высветляли преемственность служения идеалам, которые утверждал своим творчеством Александр Фадеев.

«Личность писателя-коммуниста, общественного деятеля и борца за мир,— подчеркнул первый секретарь Приморского крайкома КПСС В. П. Ломакин,— его постоянные связи с земляками, продолжавшиеся на протяжении всей жизни, служат ярким примером того, что только сопричастность делам народа... может быть источником вдохновения для художника».

«До «Разгрома» в нашей литературе еще не появлялось произведений, в которых революция была бы с такой впечатляющей силой показана «изнутри»,— этот тезис секретарь правления Союза писателей СССР В. Озеров обосновал на обширном материале, указав, что «опыт Фадеева демонстрирует непредвзятый подход к проблеме героического — без помпезности и без статики».

Разговор об уроках Фадеева продолжили первый секретарь Ленинградской писательской организации А. Чепуров, секретарь правления Союза писателей Украины В. Коротич, доктор филологических наук Б. Бялик, первый секретарь правления Союза писателей Башкирии А. Мирзагитов и многие, многие другие. О фадеевской традиции в дальневосточной прозе рассказал ответственный секретарь Хабаровской писательской организации В. Александровский.

От лица приморских судоремонтников директор крупнейшего предприятия города — «Дальзавода» Ю. Удовиченко призвал участников конференции учиться видеть героическое в обыденном, напомнив о долге писателей перед строителями кораблей, ведь, кроме кочетовских «Журбиных», не назовешь пока равного произведения, посвященного им.

...День за днем шла напряженная работа конференции. А когда ее участники покидали зал заседаний, их уже ждали на кораблях и рыболовецких базах, в университете и в воинских частях, на улицах и площадях города, расцвеченного багряными красками дальневосточной осени. Много нового, интересного узнали для себя гости о щедром, но суровом крае, где, как любят поговаривать местные жители, «широта — крымская, а долгота — колымская».

Эти встречи, равно необходимые и писателям, и читателям, явились полновесным продолжением разговора о фадеевских традициях, выходящих за рамки чисто литературных устремлений и особенностей стиля. И, конечно, на встречах с читателями звучали стихи и проза, обсуждались замыслы будущих книг. Армянский поэт Г. Эмин передавал эстафету своему белорусскому коллеге Р. Бородулину, С. Залыгину, Ю. Рытхэу, А. Адамовичу, а Б. Куняев прочел только что оконченное стихотворение — «Владивосток, ты не оторванный листок от дерева России...».

Закрылась конференция, и писательская делегация, разбившись на группы, отправилась в таежные дали на Дни советской литературы в Приморском крае — к уссурийским земледельцам и спасским цементникам, шахтерам Партизанска и металлургам Дальнегорска. Но прежде специальный поезд доставил всех гостей в Чугуевку, куда учащийся Владивостокского коммерческого училища Саша Фадеев приезжал на каникулы к матери и отчиму и куда летом 1919-го он вернулся семнадцатилетним уже в составе партизанского отряда, членом РКП(б).

Среди односельчан и сотен людей, съехавшихся из Владивостока, Хабаровска, Благовещенска, приморских городов и поселков на торжественную церемонию закладки памятника А. Фадееву, были те, кто знавал его еще у партизанских костров, встречался с ним в последующие годы. Именно в этом селе юный революционер вступил в «Особый Коммунистический отряд» под командованием легендарного И. Певзнера, одного из прототипов Левинсона в романе «Разгром». Облик родной Чугуевки писатель любовно воскресил на страницах «Разлива», «Последнего из удэге».

Жители села, родины шести героев Советского Союза, бережно хранят память о своем выдающемся земляке. Именем Фадеева названы здесь библиотека, средняя школа, где действует клуб «Фадеевец». Первыми в стране чугуевцы создали литературно-мемориальный Дом-музей писателя, в котором собрано около 6 тысяч фотографий, писем, книг, документов, подробно освещающих его жизнь и творчество.

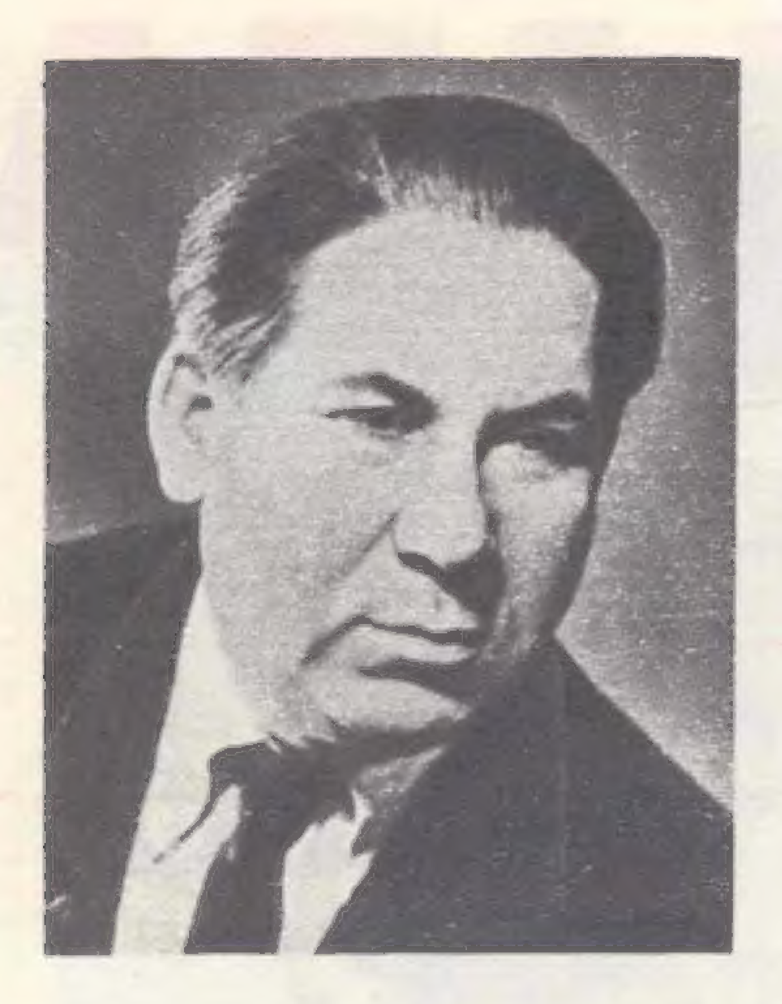
Открытие прекрасного нового здания музея стало главным событием праздника. Гости передали в дар музею различные материалы и личные вещи Фадеева, оставив первую благодарственную запись в книге посетителей. Завершился праздник в Чугуевке большим литературным концертом.

Впереди — Спасск-Дальний. «Мне пришлось сражаться за этот маленький городок, и я был в первый раз ранен на одной из его улиц... Штурмовые ночи Спасска до сих пор стоят в моей памяти»,— писал А. Фадеев. Тогда его знали по подпольной кличке Булыга. Второе ранение он получил на кронштадтском льду.

Встречи, стихи, автографы. И как самое дорогое — нестареющая партизанская песня «По долинам и по взгорьям...» на месте былых боев. Отблески костра освещали лица поющих, и казалось, что из сгущающейся темноты шагнет сейчас в тесный кружок молодой стройный комиссар, перетянутый портупеей, а с ним — Метелица, Бакланов...

Владивосток — Москва.

А. БАСМАНОВ

АНДРЕЙ ПОЛЮШЕНКО

Его отец был путевым обходчиком, и детство прошло на станции Тихорецкая: пыльный горячий ветер, стальная, уходящая к горизонту нитка железнодорожного полотна, знойный звон кузнечиков, дурманные запахи полыни и небо — то ослепительно голубое, то в розовопенных хлопьях, то черное, степное, лишь звезды величиною с яблоко.

Потом, когда Андрей Полюшенко станет профессиональным живописцем, он придет, вернее, как бы вернется именно к пейзажу, к тому, что всегда внушало ему любовь и доверие, к природе, жизнь которой он хорошо знал с самых первоначальных своих лет.

Талант Полюшенко созревал в тридцатых годах, в которых все сильней и сильней зазвучали голоса художников из глубинки, особенно с волжских мест: Ярославля, Костромы, Горького — того самого Горького, или по-старинному Нижнего Новгорода, где молодой живописец оказался после смерти отца. Степные просторы юга, что запечатлелись в истоках памяти, сменились красотами зеркальных, горящих под солнцем червонным золотом излучин, обрывистых или плоских берегов и перламутровых, оранжевых либо изумрудных — в зависимости от времени года — далей.

Здесь, в Горьком, случилось и подлинное его приобщение к высокой культуре, поскольку местный художественный музей обладал первоклассным собранием русской и западной живописи. В тот день, когда Полюшенко увидел впервые работы Саврасова, Левитана, Нестерова, Коровина, Кустодиева, он, как вспоминал сам, ушел потрясенный.

Начало мастерства, умения обращаться с карандашом и кистью, ремесла в лучшем смысле слова — тоже волжское, горьковское, ибо, как раз тут была его первая художественная школа — студия Сергея Павловича Соколова, пейзажиста вдумчивого и тонкого, обученного самими Шишкиным и Клодтом, заботливого покровителя начинающих, всю потом жизнь не забывавших о законе ответственности, точности, правдивости при передаче жизни природы, о нескончаемом изучении формы, рисунка, постижении гармонии живописных отношений.

Здесь были также и пробы профессионального дела — в газете «Нижегородская коммуна» в качестве иллюстратора, содружество с поэтом Безыменским при работе над агитационными плакатами, потом оформление клубных спектаклей. Но пейзаж как тема, жанр, наконец, художническая судьба все-таки тянул неумолимо.

Теперь, говоря о Полюшенко, критики единодушно отмечают, что он обладает «чувством природы», как бы даже музыкальным к ней слухом, видит ее неповторимые черты в самых разных проявлениях не только суток, но и часов. Тут, в мотивах его полевых просторов или тихих деревенских околиц, задумчивых лесных опушек или всего-навсего в каком-нибудь одном мокром и тяжелом от дождя кусте вечерней сирени желание постичь необъятность мира, показать, пусть в скозывающем абрисе рамы частицу того, что на самом деле бесконечно. Отсюда — философичность и несуетность кисти, масштабность, отсюда тяга к созданию не этюдов, но пейзажей-картин, выливающихся в законченный образ природы. Если хотите, именно отсюда начинается художник Полюшенко как личность — убежденный последователь русской школы реалистического пейзажа.

Его первая по-настоящему серьезная работа «Снег выпал» была показана в Москве в 1940 году на выставке художников периферии: где-то на окраине села или маленького уездного городишки в сырой и густой, сумеречной свето-воздушной среде, меж рельефных силуэтов деревянных изб и сараев по бережку маслянисто-черной речки действительно ощутим первый и еще не холодный снег, липкий, резкий в своей белизне. От этой простенькой на первый взгляд композиции веяло истинной поэзией.

Полюшенко тогда повезло. Картину заметил знаменитый живописец Крымов, и именно с нее начался их союз как учителя и ученика. С тех пор прошло сорок лет, но до сих пор Полюшенко помнит свой первый приход к старому мастеру, восхищение от натуральных и живых красок увиденных полотен, до сих пор старается соблюдать его заветы. «Хороша ли картина? — говорил Крымов.— У нас бытуют разные и ничего не говорящие, пустяковые определения достоинств и недостатков произведения. Говорят: «вкусно», «интересно», «мягко», «свежо», «любопытно», «жестко», «сухо» и так далее. Все это чепуха! Должно быть «правда» и «верно». Если правдиво, то верно. Если верно, то правдиво.

Есть горе-мудрецы, которые толком «веретена»,— так он называл кисть живописца,— в руках держать не умеют, а требуют: подавай им «синтез». Подлинная оригинальность появляется тогда, когда художник о ней не думает...»

Тут, в этих незатейливых словах, кредо подлинного реализма, ставшее для Полюшенко общим принципом искусства. Возьмите его четко продуманные, законченные композиции — экспрессивный, исполненный порыва «Ветреный день» или достоверно передающие наполненную жизнь неба «Октябрь», «Зеленя», «Ясную осень», и вы обязательно почувствуете то классическое сплетение реальности с личными эмоциями живописца, традицию, завещанную еще Левитаном.

Но, кроме того, по некоторой жесткости линии, по напряженной декоративности насыщенных, звучных красок, по как бы эпичности самого живописного пространства, составленного из крупных колористических масс, быть может, к Крымову или Рылову и близок талант Полюшенко, оставаясь одновременно абсолютно оригинальным — в том, что при этой явной декоративности и обобщениях произведения его на редкость интимны, лиричны и камерны. Здесь видятся смелые поиски формы.

Таков идиллический «Вечер» с остывающей водой озера, уже спящими прибрежными соснами и мирно пасущейся лошадью. Такова грусть и «Весеннего вечера» — пылающий закат, заросли сирени на переднем плане и одинокая, затерявшаяся в сумерках женская фигура.

Душевность — вот ключ ко многим полотнам Полюшенко, пусть иногда и не лишенным просчетов, ключ, который открывает тонкое настроение, несмотря на кажущуюся иногда грубость колорита, подчеркнуто громкое его звучание. По сути, в этом и состоит индивидуальность Полюшенко как мастера, метод, определяющий то для художника важнейшее, что называют стилем. Душевность — антитеза равнодушию, и потому волнение автора, его поэтический лад, настрой непременно передаются и зрителю, образуя вокруг холстов некое напряженное лирическое поле, какое в пейзажном жанре можно назвать «левитановским началом».

Все сделанное, изображенное Полюшенко — о России. «Другой темы,— говорит он,— у меня нет». Вот вечереет, и прозрачные копья последних лучей скользят по верхушкам деревьев, а вот на западе из-за багровой кромки леса встает бледная заря. Вот с полей, и это ощущаешь почти физически, потянуло влажным и пряным запахом цветов и трав, или, наоборот, показана раскаленно-сухая, хозяйская жизнь солнца в июльском зените. Посмотрите «Дорогу», «Лето», «Облачный день», «Полевую рябину», посмотрите «Утро на реке». Простейшие сюжеты, но сколько в них чувства родины, ненавязчивой и негромкой, но настоящей любви к своему дому. Сколько общего с пронзительной русской лирикой — пушкинским «уж роща отряхает...», тютчевскою «праздной бороздой» или бунинским «последним мотыльком»...

Сам Полюшенко так и говорит о себе: «Всю жизнь я учусь изображать состояние природы, пытаюсь передать мелодию пейзажа. Какой абсолютный слух был у старых мастеров! Как верно они доносили зрителю музыку натуры! Они выражали человеческие ощущения, подобно тончайшим художникам слова».

Россия — и творческий стимул и личная судьба Полюшенко, его университет. Когда в молодости судьба свела его с замечательным писателем Пришвиным, он навсегда усвоил, что не просто пребывание на родной земле, но ее постижение, интуитивное и кровное, единственное счастье быть с нею духовно слитым и есть главная философическая разгадка бытия — то, что Пришвин называл веществом жизни: «Можно всю жизнь докапываться до этого вещества, но понять его можно только, если оно явится в какой-нибудь форме: почка ли это на ветке любимого дерева, или заяц выскочит, или тень колеблемой веточки...»

Позже дорога дела привела художника пусть через практически чистый пейзаж, но к прямому, страстному, патриотическому и гражданскому осознанию нерушимой связи земли с современностью и историей отечества,— так родились циклы картин (которым предшествовали неоднократные длительные поездки), посвященных Каменной степи и целинным землям, выставленных в 1954 году, так появилась серия произведений о Бородинском поле, о мотивах последней войны.

Остановитесь у полотна «На земле бывших боев» — здесь всего лишь навсего уходящий извив проселочной дороги да скромный обелиск со звездой. И нескончаемая череда проплывающих где-то в вышине облаков — над бархатной пылью колеи, над деревцем, выросшим неподалеку от могилы,— ничто не нарушает тишины перед памятью.

А рядом — совсем иная композиция: притихла деревенька на берегу, в спокойной глади воды катится пестрое, сине-розовое небо. «В наш век,— говорит Полюшенко,— когда ураган информации обрушивается на всех нас, мы не можем, не имеем права проходить мимо чарующей красоты природы, дающей человеку душевное равновесие, так необходимое для жизни».

Сегодня работы Андрея Петровича Полюшенко, народного художника России, лауреата Государственной премии имени Репина, находятся в пятидесяти трех наших музеях и за границей. Они утверждают прочное место мастера в ряду пейзажного искусства, обучают молодых живописцев, дают пример искренней и горячей преданности, любви к природе.

Творческий путь, пройденный Полюшенко,— это искания, то есть тяжелый душевный и физический труд, работа над холстами большими и малыми, в мастерской и под открытым небом, в лютую стужу и обжигающий зной — часами, днями, годами. Это достижения и неудачи, радости и разочарования — одним словом, судьба художника, которая привела его к зрелости мысли и принципов, неподдельному крепкому мастерству и самобытности.

А. Полюшенко. Род. 1911. ВЕЧЕР. 1978.

А. Полюшенко. ОКТЯБРЬ. 1978.

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

УРАГАН

Через пятнадцать минут старший лейтенант Соколов доложил:

— Товарищ майор! Убитых 21 человек, раненых 12, трофейных автоматов подобрано 96, танков подбито и сожжено 8, уничтожено 102 гитлеровца.

— Наши потери тоже не маленькие, — тяжело вздохнул Млынский.

— Товарищ майор! Люди очень устали. Убитых, раненых и трофеи нам не донести.

— Что ты предлагаешь?

— Я думаю, что убитых нам нужно похоронить здесь. Тогда раненых и оружие мы сможем взять с собой.

Млынский задумался. Долго молчал, потом произнес:

— Пожалуй, ты прав, Соколов. Идем в тыл к врагу, не к своим. Похороним здесь, у оврага, могилу нанесем на карту. Кончится война, поставим памятник. А сейчас распорядитесь быстро сделать носилки, положить на них раненых, нести будем по очереди. Что касается немецкого оружия, ночью пришлем сюда взвод красноармейцев, они доставят его в лес.— Млынский направился к месту, где лежали раненые, сказал: — Спасибо, братцы, что стояли насмерть. Потерпите немного, мы доставим вас в лес, а там наши медики вас подлечат.

Катя Ярцева, услышав слова Млынского, сказала:

— Товарищ майор! Я уже здесь начала их лечить, раны промыла и забинтовала. А сейчас, с вашего разрешения, даже по глотку спирта дам. Я все берегла для промывки, но теперь, когда бой закончился, можно ребят подкрепить.

Млынский в знак согласия кивнул головой. Катя наливала в маленькую мензурку, склонялась над ранеными, приговаривала:

— Выпей, голубчик, сразу полегчает. Всем налью по одной, а потом, что останется, разолью поровну.

— Спасибо, сестричка, спасительница ты наша, вот кончится война, приезжай в Таджикистан, гранатовым соком угощу, — проговорил пожилой солдат Каландаров.

— Обязательно приеду, миленький.

Млынский подошел к убитым, снял шапку, поклонился, тихо сказал:

— Спасибо вам, не подвели!

Быстро вырыли братскую могилу, бережно положили убитых товарищей. Склонили головы в молчании.

— Спасибо великое вам за подвиг, за героизм. Мы еще вернемся к вам, мы вас не забудем... Клянемся за вас отомстить!..

Млынский первый бросил в могилу ком мерзлой земли...

— А теперь в путь, в Сижельские леса,— сказал он, когда землю на могиле убитых разровняли, забросали еловыми лапами, присыпали снегом, чтобы немцы не обнаружили и не надругались над трупами. Все вновь встали на лыжи, подняли носилки с ранеными, распределили трофейное оружие, медленно двинулись вперед.

Дул сильный ветер, разгоняя на небе тучи. Ерофеев, натянув на лицо подшлемник, сказал Млынскому:

— По всему видно, погода завтра будет хорошая.

— Ты что, шаман, погоду предсказываешь?

— Шаманов у нас в роду не было, а вот опыт кое-какой старики накопили. А я возле них полжизни провел. Примета есть такая в народе: снег перестал идти, мороз крепчает, ветер тучи гонит,— значит, завтра будет ясная погода.

— Это для нас плохо. Немцы на поиски батальона могут бросить авиацию и карателей. Нужно быстрее уходить на запад, подальше в тыл врага, там будет спокойнее.

— Ваша правда, — поддакнул Ерофеев, поднимая воротник полушубка и ускоряя шаг.

Вернувшись в лес, Дед собрал партизан и, когда они полукольцом сгрудились возле него, сообщил:

— Товарищи партизаны! Мы встретились с комиссаром Красной Армии Алиевым. Их красноармейский отряд особого назначения прорвался через линию фронта и теперь идет по тылам врага, нанося ему серьезные потери. Сегодня ночью мы проведем совместную операцию по взрыву известного вам немецкого склада боеприпасов. Я думаю, что мы сможем оказать отряду серьезную помощь, и наконец рванем этот проклятый склад. Сейчас попрошу остаться командиров, все остальные пока свободны.

Когда партизаны разошлись, Дед объяснил каждому командиру его задачу и место действия во время операции.

— Всем подтянуться на исходные позиции в 02 часа 50 минут. «Сабантуй» начнется ровно в 03. Вопросы есть?

— Все ясно, — ответил за всех начштаба Самойлов.

— Тогда за дело! — закончил Дед.

Алиев взглянул на часы. На светящемся циферблате стрелки показывали 03. Он нажал на зуммер, взял трубку:

— Третий, третий, я первый, отвечайте!

— Первый, первый, я третий, слушаю вас внимательно, — раздался в трубке голос Бейсамбаева.

— Я первый, время 03, начинайте «Сабантуй», — твердым голосом проговорил комиссар.

— Вас понял, будет исполнено, — ответил Бейсамбаев, и телефон затих.

Алиев обратился к Деду:

— Петр Степанович, ваши люди уже подтянулись на исходные позиции?

— Думаю, что да, сейчас проверим. Пятый, пятый, я второй, отвечайте!

— Второй! Я пятый, слушаю вас.

— Пятый, где вы находитесь? Отвечайте.

— Второй, второй, я пятый, нахожусь вместе с лейтенантом Гонцей у северной стороны забора, ждем проходов,— доложил Самойлов.

— Что-то затянули с проломами — уже прошло 15 минут, — заметно нервничая, сказал Дед.

Алиев снова снял трубку:

— Третий, третий, я первый, доложите обстановку.

— Докладываю, два прохода в заборах закончим через десять минут. Пространство между двумя заборами заминировано. Приходится работать осторожно. Как только закончим, сразу доложу.

— Постарайтесь работать быстрее и без шума.

— Слушаюсь, — тихо проговорил и замолк Бейсамбаев.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Дед.

— Пока все идет нормально, разминируют проходы.

— Понятно! — Дед тяжело вздохнул.

Раздался зуммер. Алиев взял трубку.

— Первый! Докладывает третий. Два прохода в заборе сделаны. На территорию складов вошла группа Михайлова, снимает часовых.

— Молодцы! — Дав отбой, снова быстро заговорил: — Четвертый, четвертый! Я первый.

— Четвертый слушает вас, — отозвался лейтенант Гонца.

— Говорит первый: четвертый вместе с пятым, немедленно вводите людей и действуйте по плану решительно и с учетом обстановки на месте.

— Есть действовать!

— За мной! — крикнул Гонца и, вбежав на территорию склада, поспешил к казарме, за ним бежали красноармейцы и партизаны Самойлова. Взлетела красная ракета, из казармы по бегущим ударили пулеметы, застрочили автоматы. Несколько человек упали, остальные залегли, открыли ответный огонь по казарме. К Гонце подполз командир пулеметного взвода:

— Дмитрий! Быстрее поднимай людей, я прикрою.

Лейтенант вскочил, за ним — Самойлов.

— Вперед на врага! Смерть немецким оккупантам! — За ними бежали партизаны и красноармейцы. Немцы дрогнули, отстреливаясь, стали пятиться назад, из-за казармы показались танки. Они шли прямо на группу Самойлова. Самойлов, изловчившись, бросил в передний танк гранату. Раздался взрыв, танк закрутился на месте.

— Уничтожайте танки, отсекайте автоматчиков! — выкрикнул Самойлов и, приподнявшись с земли, бросил вторую гранату в показавшийся из темноты танк. Но он уже не видел, как с его колес слетела гусеница. Выбежавший из-за танка немецкий офицер короткой автоматной очередью сразил его наповал. Михайлов, увидев, как Самойлов упал, вскочил с земли и что есть силы выкрикнул: «Отомстим за партизанского командира!» В едином порыве красноармейцы и партизаны поднялись навстречу немцам.

Алиев, выслушав доклад лейтенанта Гонцы, сказал:

— Любой ценой продержитесь еще десять — пятнадцать минут, пока наши подрывники заминируют склады. К вам на помощь уже повел вторую группу партизан сам Дед.

— Вас понял, — отозвался лейтенант и, передав трубку стоявшему рядом связисту, бро-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—41.

сился к сражавшимся посредине двора красноармейцам, за ним тянул связь рядовой Толкачев. Когда он подбежал к ним, сержант Михайлов пересохшим голосом проговорил:

— Товарищ лейтенант! Мы с пэтээровцами танки подбили, Самойлов сжег два, но и сам погиб. Принимайте команду, а то я уж тут совсем запарился.

Немцы залегли и, укрываясь за подбитыми танками, кучами дров, оказывали яростное сопротивление, по-видимому, поджидая подкрепления. Появившийся на левом фланге Дед, оценив обстановку, повел партизан в обход сопротивлявшихся фашистов, отрезая им пути отхода на запад. Зажатые с двух сторон и неся большие потери, они не выдержали натиска и, отстреливаясь, стали отходить к северным воротам. Высоко в морозное небо над головами дравшихся красноармейцев и партизан взвилась зеленая ракета.

— Отходим! — громко воскликнул Дед.

— Сержант Михайлов, вместе с пулеметчиками прикроешь наш отход, — распорядился лейтенант Гонца.

Подобрав убитых и раненых, которых уже заканчивали перевязывать медсестра Катя Ярцева и солдаты медсанвзвода, партизаны и красноармейцы стали быстро отходить через проломы в лес. С интервалом в пять минут за ними, отстреливаясь от наседавших немцев, отходила группа прикрытия. Как только она отошла за забор и скрылась в молодом ельнике, Алиев скомандовал:

— Всем ложись! Внимание! Взрываем!

Стоявший рядом с ним Дед проговорил:

— Комиссар! Позволь мне. Нужно отомстить за Самойлова, за всех погибших партизан и красноармейцев, — и крутанул ручку взрывной машинки.

В ту же минуту раздались один за другим огромные взрывы, поднимая вверх комья земли, камня, огня и дыма. От них вокруг содрогнулась земля. Над лежащими красноармейцами и партизанами с воем и свистом разлетались в разные стороны осколки от рвущихся авиабомб и снарядов. В воздухе запахло гарью и дымом.

Алиев встал и, обращаясь к Деду, сказал:

— Пора отходить. Если не возражаете, итоги операции обсудим завтра у нас на базе вместе с Млынским.

— Не возражаю, людям нужно дать отдых, похоронить убитых и отправить в партизанский госпиталь раненых, — ответил Дед.

— Тогда до встречи! А сейчас спасибо вам за удачно проведенную совместную операцию, — проговорил Алиев.

— Счастливого пути.— Он крепко обнял комиссара, трижды по русскому обычаю расцеловал и, хлопнув ладонью по плечу, направился к собравшимся в молодом ельнике партизанам.

Алиев выслал вперед боевое охранение, с интервалом в десять минут всей группой двинулся за ним в Сижельские леса.

И СНОВА В ПУТЬ

На рассвете группа Алиева вошла в Сижельские леса и, ориентируясь по маякам, добралась до базы. К стволам могучих вековых сосен жались палатки, присыпанные сверху снегом, замаскированные лапником. На небольшой поляне в старых, заброшенных землянках разместили раненых. Возле них хлопотали Ирина Петровна и Зина. Алиев разыскал Млынского, устало доложил:

— Товарищ майор! Задание выполнено. Резервный склад боеприпасов взлетел на воздух.

— Спасибо, Гасан, поздравляю! Подробности расскажешь потом, а сейчас занимайте палатки, располагайтесь, обогревайтесь и отдыхайте. Сегодня будем ремонтироваться. Повара уже приготовили отличный суп из трофейных консервов, так что впервые в тылу побалуемся горячим.

— Может, и по сто грамм дадим? Больно мороз дерет, да и за удачно проведенную операцию выпить не грех, — предложил Алиев.

— Не возражаю, только никак не больше. Устроишь людей, заходи в первую палатку, там мы пока разместили свой штаб. Подведем

итоги, просмотрим захваченные документы, подумаем, как лучше быть с ранеными. Словом, дел много, приходи быстрей.

У штабной палатки Млынский увидел Быстрову — она дожидалась его.

— Ирина Петровна! Хорошо, что вы здесь. Сколько всего у нас раненых?

— 58 человек, из них 29 тяжело, 18 средней и 11 легкой тяжести, эти дней через 10—15 снова будут в строю. Товарищ майор, а как быть с тяжелыми, прямо ума не приложу. Семь из них подлежат немедленной операции. Разрешите развести костер, согреть воду и начать оперировать, а то, я боюсь, потеряем время, и будет уже поздно.

— Погода ясная, как бы вы своим костром не демаскировали наш лагерь.

— Но без горячей воды не обойтись.

Млынский подумал, посмотрел на голубое морозное небо, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Есть, Ирина Петровна, выход! Ерофеич! — крикнул он. Ерофеич подбежал. — Поручаю тебе как можно быстрее обеспечить санчасть горячей водой и всем необходимым для спасения раненых, а вы, Ирина Петровна, оперируйте, спасайте товарищей.

— Есть, товарищ майор, только как быть потом? Ведь их нельзя будет транспортировать.

— Не волнуйтесь, Ирина Петровна! Положение не безвыходное, что-нибудь придумаем. Главное, чтоб сейчас мы могли сделать все, что в наших силах.

— Будем стараться, товарищ майор.

Ерофеич немедля взялся за дело. Откинув полог палатки, в которой содержались трофеи, добытые в бою, он посветил фонарем, увидел ящики с консервами, кофе, галетами, большой трехведерный медный самовар. «Вот это-то мне и нужно»,— проговорил вслух. Вытащил самовар, взвалил его на плечи и зашагал к поляне.

— Ирина Петровна! Принимайте добро. Сейчас начнем готовиться к операции. И учтите, что там, в трофейной палатке, я обнаружил три канистры спирта, одну шнапса, консервы, галеты, сахар и прочее добро. Так что ваших раненых будет чем подкрепить.

— Ерофеич, миленький, это же целое богатство! Спасибо, дорогой!

— Ладно, чего там. Через пятнадцать минут будет вам кипяток.

Зина всплеснула руками:

— Ну, молодец, Ерофеич! А самовар-то какой! Это же для санчасти настоящий клад.

Ерофеич, подкрутив усы, с гордостью сказал:

— Наш, русский! Сделан тулякам, гляньте — одних медалей не сосчитать. Разведчики у немцев отбили. Значит, готовьте посуду, Ирина Петровна, а мы беспрестанно вам будем греть теплую воду, пока не закончите обработку раненых. — Ерофеич подозвал двух хлопцев, сказал: — Ребята, тащите-ка быстро сухостой, да побольше, будем воду для раненых кипятить.— И тоже направился в лес.

Алиев вошел в штабную палатку, когда Млынский при свете разбирал трофейные документы.

— Ну, есть что-нибудь дельное? — спросил с порога.

— Считай, Гасан, что нам крупно повезло. Мы захватили важную документацию дивизии: приказы ставки и группы армий «Центр», шифры, коды и даже вот этот страшный документ.— Он показал на лежащий на столе в коричневой коленкоровой обложке приказ.— Наши переводчики во главе с Бондаренко занялись ими, но боюсь, что, пока они с этим всем разберутся, пройдет много времени! Как бы, пока мы будем двигаться по тылам, эти документы не устарели.

— Хорошо бы их переправить на Большую землю.

— Я тоже так думаю, но как это сделать?.. Выход у нас пока один: нужно подальше и побыстрее оторваться от этих мест, а то немцы начнут разыскивать нас. Но у нас раненые. Как быть с ними? Как ты думаешь, Гасан Алиевич, что если мы тяжелораненых оставим пока у партизан? Остальных, кто не может идти, уложим в сани и повезем с собой.

— Я не возражаю. Но нужно посоветоваться с Быстровой — ведь морозы-то свыше тридцати градусов. Мы в движении разогреемся, а раненые в санях могут замерзнуть. Может, и их оставить у партизан?

— Я думал об этом, Гасан, но дело это сложное. Выздоровевшие бойцы в наш отряд уже не попадут, ты это знаешь. Значит, мы теряем людей. Кроме того, это плохо действует и на здоровых. Они думают: завтра ранят в бою, и меня ждет та же участь — оставят долечиваться у местных жителей или партизан. Не возникнет ли в связи с этим у отдельных бойцов желание поберечь себя в бою, не лезть на рожон. Со стороны такой боец, может, и не будет выглядеть очень храбрым, но зато он остается в отряде.

— Иван Петрович! Пожалуй, ты прав. Тут есть над чем крепко задуматься.— Посмотрев на коричневую обложку, Алиев спросил: — Иван Петрович! А чем так страшен этот документ?

— Этот?— Млынский взял обложку в руки.— А вот послушай:

№ 002060 41 Секретный служебный документ.
Ставка Фюрера
16 сентября,
1941 года,
40 экз.
экз. № 25.

Относительно коммунистического движения сопротивления в занятых Германией районах.

1) С начала похода на советскую Россию повсюду в занятых Германией районах вспыхнуло коммунистическое движение сопротивления. Формы выступлений разнообразны. От пропагандистских мер и покушений на отдельных военнослужащих вермахта до открытых мятежей и бандитской войны.

Можно констатировать, что в данном случае речь идет о массовом движении, инспирируемом Москвой и находящемся под ее руководством. Даже отдельные незначительные происшествия в ранее спокойных районах, несомненно, имеют непосредственную связь с Москвой.

Ввиду определенной политической и экономической напряженности в занятых районах необходимо считаться с тем фактом, что националистические и другие круги используют эту ситуацию для того, чтобы создавать трудности для германских властей путем установления связей с коммунистическим движением.

Таким образом, возникает все большая опасность для военного руководства Германии, проявляющаяся прежде всего во всеобщей неуверенности, царящей среди военнослужащих вермахта.

2) Меры, принимаемые ранее, оказались не эффективными, вследствие чего для подавления движения сопротивления следует руководствоваться нижеследующими принципами:

а) В каждом случае недовольства немецкими властями, независимо от обстоятельства, рекомендуется ссылаться на происки коммунистов.

б) Чтобы задушить коммунистические происки в зародыше и с целью поддержания авторитета властей, незамедлительно принимать самые решительные меры: за жизнь одного немецкого солдата уничтожать от 50-ти до 100 коммунистов. Способы приведения приговора в исполнение должны быть устрашающие.

в) Политические отношения между Германией и указанной страной для отношения военных властей на занятых территориях значения не имеют.

Следует усилить пропагандистские средства, чтобы доказать местному населению, что только система жестоких мер помогает освободиться от коммунистических преступников, а стало быть, идет на пользу каждому, кто хочет жить в свободной Германии.

г) Местные силы оказались не пригодны для осуществления рекомендуемых мер, в силу этого все операции по уничтожению коммунистических преступников должны производиться только немцами.

з) Командующие войсками на подчиненных территориях обязаны незамедлительно довести вышеуказанные положения до сведения всех военных инстанций.

Начальник штаба Верховного главнокомандования вермахта — Кейтель.

Млынский закончил читать, снял очки, спросил:

— Ну как?

— Чудовищно! Гитлер всю свою многомиллионную армию в приказном порядке направляет на поголовное истребление населения не только на нашей земле, но и на других. И это на основании того, что люди осмелились защищать от нашествия варваров свою Родину.

— В древнем Вавилонском царстве царь Хаммурапи утвердил кодекс законов, по которому любое преступление предусматривало смертную казнь. Маркс сказал, что законы Хаммурапи написаны кровью. Но даже они бледнеют по сравнению с этим приказом. Гитлер задался целью истребить целые народы. У нас есть только один выход — победить фашизм и тем самым спасти жизнь на земле или умереть, сражаясь. Другого нам не дано. Так что позаботься, Гасан Алиевич, чтобы об этом приказе знали все бойцы нашего батальона и партизаны.

— Сделаю, Иван Петрович. Но, по-моему, приказ нужно немедленно переправить в Москву для опубликования в печати. Пусть все народы мира знают, какие чудовищные, коварные и смертельно опасные планы пытаются осуществить гитлеровцы.

— Да, это придаст силы всем, кто борется за честь, свободу и независимость своей страны. Надо непременно передать это в Москву. И, не теряя времени, быстрее двигаться на соединение с батальоном Хвата.

В ту же минуту над лесом с ревом пронеслись в сомкнутом строю несколько немецких бомбардировщиков, а в восточной стороне послышались взрывы и пулеметные очереди. Алиев и Млынский вышли из землянки.

— Неужели это бьют по подвижным частям Ермолаева?— спросил Алиев.

— Не думаю, скорее всего по лесному поселку, он как раз в этом районе. Жаль, гибнут мирные жители.

— Может, послать туда разведвзвод? Возможно, им потребуется наша помощь.

— Пожалуй. Только пусть к 21.00 вернутся.

— Добро.— Комиссар подозвал дневального, приказал:— Передайте старшему лейтенанту Бондаренко — срочно явиться к комиссару Алиеву.

— Как себя чувствуют твои разведчики? — спросил Алиев у представшего перед ним через пять минут Бондаренко.

— Отлично, товарищ комиссар! Отоспались, отмылись снегом, привели обмундирование и оружие в порядок, готовы к выполнению нового задания.

— А ты, Семен, пришел уже в себя после встречи с генералом Шварцкопфом?

— А я и не потерялся. Хотя если честно, то был один острый момент, когда он после разговора с генерал-лейтенантом Кемпе передал мне трубку. Я ему докладываю, а он не узнает мой голос. Представляете? Я похолодел, когда понял, что он лично знает обер-лейтенанта. Я положил трубку и говорю Шварцкопфу: «Разъединили». А он мне: «Я не закончил разговор»,— и снова снимает трубку. Ну, думаю, хана мне. А он почему-то раздумал говорить. Вообще-то они нас взяли на проверку, только не успели закончить, помешал Млынский... Очень жаль Тумака, Гасан Алиевич, отличный товарищ был.

— Да, это большая потеря,— скорбно сказал комиссар,— да и не только Тумака жаль, Семен, сколько ребят хороших полегло. Одно оправдание — дело сделали.

— А ефрейтор Шольц не подкачал, Гасан Алиевич. Отлично прошел проверку в бою. Теперь разрешите брать его и на другие операции, товарищ комиссар?

— Я «за», но спроси лучше у Млынского. А сейчас поднимай взвод, и шагайте в восточную часть леса. Нужно разведать, кого там немцы бомбили, может, помощь какая нужна. К 21.00 вернуться обратно. Результаты разведки доложите Млынскому.

— Понятно! Разрешите исполнять?

— Исполняйте.

Через десять минут разведвзвод встал на лыжи.

Когда Алиев зашел к Млынскому, за столом у него сидели и пили чай Дед и старший Косых. Дед поднялся навстречу Алиеву, крепко пожал ему руку, сказал:

— У нас большое горе, Гасан Алиевич. Вче-

ра во время операции погиб мой начальник штаба Самойлов. Теперь я без него как без рук. А сегодня фашистская авиация разбомбила наш госпиталь. Погибло 72 партизана, два врача и все медсестры. По докладу наших подпольщиков фашистские карательные отряды вчера днем начали жечь села и поголовно уничтожать население. Люди, спасаясь, валом двинулись в леса со всем своим скарбом. Просят дать им оружие и принять в отряд. В связи с такой обстановкой подпольный райком партии дал указание всем партизанским отрядам стать на защиту населения. Партизаны, волнуясь за свои семьи, требуют немедленно начать боевые операции против карателей, а мы сейчас выступить не можем.

— Конечно, такую операцию нужно тщательно готовить, чтоб не подставить отряд под удар.

— Вот мы и приехали к вам просить помощи и совета.

Млынский спросил:

— Из каких деревень нужно вывозить партизанские семьи?

— Из Кокташовки и Сурчевки.

Млынский линейкой измерил по карте расстояние от леса до этих деревень:

— Километров 25—28. Учитывая, что деревни эти лежат вблизи нашего маршрута на запад, мы поможем вам не пустить туда немцев, пока вы не уведете все население в лес. Учитывая, что ваш отряд будет расти, мы передадим вам 120 трофейных автоматов, 5 пулеметов, два ружья «ПТР» с патронами к ним и сто пятьдесят гранат, из них 30 противотанковых. Ну, и кое-что еще подбросим — сахар, медикаменты, палатки — из трофеев.

— Еще мы дадим вам газеты «Правда», «Известия», «Красная звезда», сообщения Совинформбюро о разгроме немцев под Москвой и другой пропагандистский материал,— добавил комиссар.

— Вот спасибо! Это прямо целое богатство. Только мы не знаем, как обращаться с «ПТР» и бросать противотанковые гранаты. Мы пока этого оружия не видали. Поэтому просим передать нам «ПТР» с расчетами. Они бы быстро подучили партизан пользоваться этим оружием. И еще, Иван Петрович...— Дед замялся.— Не сочтите за наглость. Мы остались без начальника штаба, а отряд беспрерывно растет, мы просим направить к нам на эту должность опытного командира, подкрепить нас врачом и хотя бы одной медсестрой. От имени подпольного райкома просим передать нам также радистку с радиостанцией. Отряды нашей зоны будут держать через нее связь с Москвой.— Дед выложил все свои просьбы и, утирая лицо платком, тяжело сел.

Наступила пауза. Косых обратился к Млынскому:

— Товарищ майор, я тоже челом бью. Сердечно прошу, передайте в наш отряд моего младшего сына Сергея Косых. Он вырос в этих местах, знает лес, людей. Будет нам помощником по делам партизанской разведки. Мать очень страдает. А так будем воевать всей семьей.— Косых смущенно провел рукой по пышной бороде.

— Так.— Млынский хлопнул ладонью по столу.— Оружие, медикаменты мы вам дали, а что касается людей, то посоветуемся с комиссаром, завтра ответим.

— Иван Петрович, мы ночью должны уйти,— взмолился Дед.

— По моему разумению, Иван Петрович,— заговорил комиссар,— людей нам нужно передать им сегодня. Разрешите, я посоветуюсь с командирами рот и через два часа доложу вам список.

— Согласен, действуй.

Дед повеселел.

— А как насчет Сережки Косых?

— Если он сам не будет возражать, то пожалуйста.

— Большое спасибо, товарищ майор. Жена страшно обрадуется.— Косых облегченно вздохнул, поднялся с чурбака, закурил козью ножку, спохватился:—Товарищ майор! Разрешите получить выделенное нам оружие и боеприпасы!

— Получайте.—Млынский открыл дверь палатки:— Ерофеич! Проводи партизан к Бейсамбаеву.

Продолжение следует.

СЕГОДНЯ И В ПЕРСПЕКТИВЕ

В последние два года в системе потребкооперации интенсивно развиваются новые для нее отрасли — животноводство и птицеводство. Наиболее инициативные потребсоюзы страны уже дают тысячи тонн мяса, молока, миллионы штук яиц.

В Узбекистане под опекой потребкооперации 135 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота, свиней, более двух тысяч лошадей и верблюдов, свыше миллиона птиц.

— Нам удалось развить эту производственную отрасль благодаря постоянной и конкретной помощи партийных и советских органов республики,— говорит председатель правления Узбекского потребсоюза З. Ш. Сираджев.— Показательна инициатива кооператоров Ташкентской области. Они решили создать свои откормочные базы, пять крупных птицефабрик, десять птицеферм. Бюро обкома партии поддержало эту инициативу. В большом этом деле приняли участие двадцать пять хозяйственных и строительных организаций. Ташкентские кооператоры содержат на откорме около десяти тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота, около трех тысяч свиней, более шестисот тысяч кур, гусей, индюков, уток. Уже в минувшем году они продали 8751 тонну мяса (причем за счет привеса на откорме — более двух тысяч тонн), около 150 тонн молока. Лишь за первое полугодие в продажу поступило 4258 тонн мяса — на 810 тонн больше, чем за тот же период 1980 года.

Вячеслав КОСТЫРЯ,
собственный корреспондент «Огонька»

Вместе с председателем Ташкентского облпотребсоюза С. Ф. Файзиевым едем в Калининский район, где сосредоточены новые производственные комплексы.

— Калининцы работают в постоянном контакте с райкомом партии и его первым секретарем Героем Социалистического Труда Рахматом Камбаровым,— отмечает председатель.— На комплексы не раз приезжал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Шараф Рашидович Рашидов. Деловое внимание, поддержка в решении насущных практических вопросов окрылили людей. За двадцать дней народным методом «хашара» возведен корпус птицефабрики. К услугам кооператоров и транспорт, и подсобная рабочая сила, и семенные материалы, и кормовые добавки, и участки пахотной земли, и площадки под строительство производственных помещений, жилья для обслуживающего персонала. Ныне все кооперативные животноводы пользуются теми же льготами, что и другие работники сельского хозяйства. Улучшаются бытовые условия, растут заработки.

— И, конечно, хлопоты?

— Как же без них? Само собой, хлопот поприбавилось. Животноводство, как известно, дело тонкое: упустишь по какой-либо причине грамм,— убыток на килограмм. И по конечному результату оно затяжное, долговременное. С чего мы начали? Выражаясь по-современному, с интенсификации своей деятельности. Оставаясь по-прежнему заготовителями, мы активно занялись производством. Пока кооператоры ограничивались скупкой скота, выращенного в личных хозяйствах, на каждой телке или бычке терялось до ста килограммов мяса. Дело в том, что вес купленных животных редко достигал кондиционного, а откармливать было негде, да и нечем. Сама жизнь требовала отказаться от такой практики, тем более что появилась необходимая материальная база. Мы сразу откликнулись на обращение ЦК Компартии Узбекистана и Совета Министров республики организовать откорм скота на промышленной основе в каждом райпотребсоюзе. За 80—90 дней откорма крупный рогатый скот набирает 50—60 килограммов привеса. Заня-

ПОЧЕРКОМ СЕРДЦА

Вышел в свет сборник произведений прогрессивных израильских поэтов и писателей «Пропасть терпения». Канву нового сборника составили произведения Эмиля Хабиби, Мухаммада Наффа, Самиха аль-Касема, Рашида Хусейна, Тауфика Зайяда, Александра Пэнна, Салема Джебрана — выразителей протеста против дискриминации в отношении арабов, против сионистской политики произвола, насилия и войны.

Прогрессивных израильских поэтов и писателей бросали за решетку, ограничивали в передвижении, увольняли с работы, конфисковывали их произведения. И тем не менее их стихи, песни, рассказы находили и находят путь к сердцам людей.

Повесть Эмиля Хабиби — цементирующая часть всей книги. За уже ставшими для нас привычными сообщениями о фактах террора, творимого израильскими оккупантами на арабской земле, скрывается звериный, античеловеческий облик тех, кто эти преступления организует и творит. Обличье этих преступников, их психологию талантливо показал нам Эмиль Хабиби в своей повести. Они — порождение общества насилия — общества, которое воспитало и не менее страшную фигуру аль-Муташаиля, уродливую смесь оптимиста и пессимиста. Они прибыли из космоса, считает автор, потому что они чужды порядку, установленному земной природой.

Читателю уже знакомо сочетание первых двух фамилий, творческое содружество публициста и художника, А. Агарышева и Ю. Сели-

Пропасть терпения. М., Молодая гвардия, 1981, 160 с.

лись и воспроизводством стада. Кроме мяса, молока, шерсти, уже в прошлом году получили немалый приплод — телят, ягнят, поросят, жеребят. Налаживаем производство колбасы, копченостей, мясных консервов. Первая очередь колбасного цеха уже дает ежесуточно до двух тонн сервелата и полтавской колбасы.

— Доведем до пяти-шести тонн. В ассортименте будут и окорока, и буженина, и казы,— уточнил ближайшую перспективу директор хозрасчетного объединения производственных предприятий областного потребсоюза Ю. С. Баратян.— В стадии пуска — консервный цех с новейшим оборудованием по переработке овощей и фруктов, по расфасовке меда, изготовлению маринадов, компотов, соков. Строим цех мясных консервов. Все это новые источники доходов. Вот и прибыль пошла в кооперативную кассу. Она-то и открывает широкие возможности не упускать те граммы, от которых зависят животноводческие килограммы и тонны.

— Каким образом?

— Все та же интенсификация. Куда более предприимчиво стали вкладывать материальные средства в производство. Куры, гуси... У нас их называют «быстрым мясом».

Слова моего собеседника «возможность» и «предприимчивость» сопрягались для меня с образом современного кооператора, мыслящего по-государственному, экономически образованного, влюбленного в цифирь, как в поэтические откровения.

— Если экономика в порядке, то и у нас и у покупателей настроение хорошее,— говорит Саидимухтар Файзиевич.— Очень многое зависит от умения позаботиться о завтрашней экономической конъюнктуре.

...Когда Калининский потребсоюз получал земельные участки под кормовые культуры, овощеводческий совхоз передал ему заодно и все свои неудоби: среди холмов — заболоченные озера Каракамыша — «Черного камыша». Название местности о многом говорит. Овощеводы были рады, что избавились от них, а кооператоры... Массив на земельном балансе, а отдача пока — ноль! Как быть?

Председатель райпотребсоюза С. С. Кудряшов со своим заместителем кандидатом биологических наук Шакиром Ахмеджановым не один день провели на озерах, приглядывались, прикидывали.

— Что, Сергей Серафимович, может, уток на воду пустить?

— Пробовали, не выдерживают. Совхоз в эти озера не один год отходы свинофермы сбрасывал...

— А если гусей?

...В Москве, в «Союзптицепроме», немало были удивлены, когда услышали от Кудряшова необычную для узбекистанца просьбу:

— Дайте нам племенное гусиное яйцо!

Ему ответили:

— Да такое яйцо в Краснодаре. Яйцо это «золотое», импортное, итальянское! И неизвестно, пригодно ли оно для такой климатической зоны, как среднеазиатская...

В тот же день Кудряшов прилетел в Краснодар. Вскоре несколько контейнеров с яйцами были получены. Интересы узбекских кооператоров и краснодарских птицеводов совпали, им хотелось доказать сомневающимся, что это яйцо золотое не только по цене, но и по отдаче в любых климатических условиях.

— Конечно, риск был,— улыбается Сергей Серафимович.— Вернее сказать, мог быть! Если бы это яйцо попало не в такие заботливые руки, как, скажем, у Расулы Мурадовой с птицефабрики «Хасково» да и у большинства наших птичниц. На них я и рассчитывал, уговаривая краснодарцев...

— Что же дало вам это яйцо?

— Во-первых, стадо около шести тысяч голов! Во-вторых, уже сейчас каждый гусь весит более пяти килограммов, а к осени достигнет двенадцати. По привесу мы в шутку их называем «белыми баранами»...

— А как с кормами?

— По нашему «продаттестату» получают их достаточно. Кормовую проблему, эту проблему из проблем для любого подобного хозяйства, решаем, конечно же, не только как заготовители. Теперь это моя главная забота: меня назначили начальником управления заготовок облпотребсоюза.

— От каждого — по способностям,— улыбается Саидимухтар Файзиевич, включаясь в беседу.— С учетом, что Кудряшов не умеет работать «от сих до сих». Заготавливая, думает о приумножении. Перспектива-то в собственном и все увеличивающемся производстве кормов. Для этого нам выделено более семисот гектаров поливной пашни, 250 богарных, около трехсот пастбищных и более 350 гектаров неудобий, ранее не использовавшихся в сельском хозяйстве. Так что теперь мы еще и целинники! Уже третий год имеем сено трав и люцерны, солому, силос, кормовые свеклу и тыкву, ячмень, зерно кукурузы с початками.

...На рассвете Расула Мурадова, плотно набив карманы халата зернами кукурузы, торопится к воротам огромного, с заводской цех, гусятника.

— Ню-ню-ню-ню,— звучит ее явно ласкающее гусиный слух приветствие: шум внутри помещения нарастает с каждым ее шагом.— Салам алейкум, мои беленькие! На зарядку становись! Крылья вверх! Полет на месте начали! Раз-два, раз-два, раз-два! — Расула открывает ворота, а за ними — снежная метель. В одно мгновение эта метель опадает пышным сугробом над брошенными Расулой угощениями. Она укоризненно говорит:— Ай-я-яй! Кто же завтракает до водных процедур?

А гуси, покончив с зернами и лепешкой, вытягивают шеи в сторону Расулы. И тут звучит команда: «На водные процедуры шагом марш!» — хозяйка белого царства идет к озеру, а за ней чинно, с достоинством вышагивают гуси. Белая движущаяся дорога...

— Ок юл! — говорю я вслед по-узбекски, ловя себя на мысли, что эти слова выражают не только то, что сейчас вижу,— эту «белую дорогу» из гусей. Это и доброе народное напутствие. Именно «ок юл», «светлого пути», и хочется пожелать инициативным, предприимчивым кооператорам.

Откормочная база «Чолпан-ата» Ташкентского облпотребсоюза.

Фото В. Панова

верстова. Я, наверное, не ошибусь, если скажу, что оно во многом определяет лицо новой книги вместе с таким талантливым произведением, как повесть писателя Эмиля Хабиби «Странные события, связанные с исчезновением Саида Абу ан-Нахса аль-Муташаиля».

Публицистика А. Агарышева открывает книгу. «Комсомольская правда» писала в свое время о том, как ее специального корреспондента А. Агарышева израильские власти не пустили на съезд израильского комсомола. Не пустили потому, что испугались его страстных, проникнутых глубоким интернационализмом выступлений, обличавших израильских агрессоров, сионизм. Сегодня мы уже знаем его не просто как журналиста, но и как серьезного ученого и талантливого писателя. Не эта ли многогранность творческого поиска привела его вместе с художником Ю. Селиверстовым к созданию фактически нового жанра, где сливаются воедино документализм публицистики, художественность поэзии и прозы, где факт и беспристрастность фотокадра осмысливаются взглядом философа-художника?..

К этому жанру принадлежит сборник «Пропасть терпения».

Книга выражает гневный протест против политики произвола и насилия израильских властей, поощряемых Соединенными Штатами.

Работы А. Агарышева вобрали в себя всю остроту впечатлений, полученных в тревожной обстановке Ближнего Востока. Особенность его публицистики — причастность. Личностное отношение автора к событиям делает читателя как бы участником драмы. Через борьбу арабских народов против израильских агрессоров Ближний Восток оказывает активное влияние на духовный мир современников, укрепляет веру людей в справедливость и свободу.

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС говорится, что «...нет сейчас ни для одного народа вопроса более существенного, более важного, чем сохранение мира, чем обеспечение первейшего права каждого человека — права на жизнь».

Именно эта мысль пронизывает работы А. Агарышева и Ю. Селиверстова, построенные как бы по единому плану: свидетельства — обвинение — суд. Свидетельства неисчислимых страданий, которые несет народам империализм. Обвинение против палачей. И суд, пока что лишь суд совести,— и исторический суд, который неизбежно состоится.

Графический язык Ю. Селиверстова — емкий, упругий, точный, эпически спокойный. Фантазия его неразрывна с реальностью изображенного, она приобретает характер философского осмысления действительности. В этом, пожалуй, и состоит суть его творчества.

Работы Ю. Селиверстова достаточно сложны и многоплановы,— они приглашают к раздумью. Художник встревожен судьбой человека. Его человек — продукт социальных систем, характер взаимодействия которых полон драматизма. Поэтому в иллюстрациях к сборнику «Пропасть терпения» мы являемся свидетелями дискуссии и борьбы. При этом художник всегда на стороне справедливости, любви и добра.

Н. А. КОЖИН,
доктор исторических наук,
доктор искусствоведения,
профессор

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька».
Фото автора

СОЛДАТ ВСЕГДА СОЛДАТ

БОЕВОЙ ЛИСТОК

Старший лейтенант Виктор Побожный служит в Группе советских войск в Германии. Он командир реактивной батареи. В подчинении Виктора внуки знаменитой «Катюши». Выглядят они примерно так же, только вместо направляющих — трубы. Правда, по силе и мощности они не сравнимы. На учениях «Братство по оружию-80» батарея В. Побожного стреляла так метко, что старший лейтенант получил благодарность министра обороны СССР, а старший начальник вручил Виктору подарок, без которого артиллерист не артиллерист: новенький секундомер.

Когда я попросил показать подарок, старший лейтенант тут же достал... облезлый, поцарапанный секундомер.

— Не удивляйтесь, настоящий секундомер должен выглядеть именно так,— заметив мое удивление, улыбнулся Виктор.— Ведь я без него ни шагу — ни в прямом, ни в переносном смысле. У артиллеристов отсчет времени идет на секунды: что бы мы ни делали, все подчинено строгим нормативам. И хотя наша батарея носит звание отличной, секундомеру приходится поработать,— не все расчеты действуют одинаково четко и слаженно. А ведь залп мы должны дать в точно рассчитанное время, быстро сняться с позиции, так же быстро занять новую и в строго определенное время дать новый залп.

В тот день отрабатывали два упражнения: приведение машины «к бою» и наведение в сторону цели. Лучше всех действовал расчет сержанта Василия Яловчика: нормативы, как правило, перекрывались. А вот другие расчеты отставали. Командир досадливо морщился, щелкал секундомером, объяснял солдатам ошибки, те старательно повторяли упражнения, но расчет В. Яловчика снова оказывался впереди.

Командир дал отбой... Еще перед началом занятий мы условились встретиться вечером и не спеша потолковать о службе и житье-бытье, но Виктор, извинившись, заторопился.

— Не могу. Никак не могу. Завтра, ладно?— А потом доверительно добавил:— Есть идея. Надо кое-что поискать и подготовить.

ИЗ БОЕВЫХ ДОНЕСЕНИЙ

Утром в расположении батареи я увидел «Боевой листок». И хотя солдат, конечно же, знакомили с историей подразделения, сейчас они не отрываясь читали о событиях многолетней давности.

20 ноября 1942 г. «Артиллерийский полк занял позиции под Калинином в районе деревни Лихорадово. В тот же день приняли боевое крещение. Обеспечивая артподготовку перед наступлением, 76-мм орудия и 122-мм гаубицы выпустили 3200 снарядов». 21 декабря 1942 г. «Противник перешел в наступление. Третья батарея уничтожила 4 фашистских танка, седьмая — 2 танка. Атака захлебнулась». 1 января 1943 г. «В новогоднюю ночь первая батарея подбила 3 танка... Корректируя огонь третьей батареи, лейтенант Глинистый попал в окружение и вызвал огонь на себя. Лейтенант Глинистый ранен. Огнем батареи уничтожено 9 танков противника. Прорыв ликвидирован». 8 июля 1944 г. «Разведчики-артиллеристы взяли в плен командующего 4-й армией генерал-лейтенанта Мюллера». 7 мая 1945 г. «После ожесточенных боев в Польше, Германии и героического форсирования Одера вышли к Эльбе, где встретились с союзниками. 1302 человека награждены орденами и медалями, а полк — орденом Красного Знамени».

— Это и есть ваша идея?— спросил я у командира, который стоял в сторонке, по привычке щелкая секундомером.

— А что, плохая идея?— смутился он.— Я так подобрал боевые донесения артиллеристов, чтобы гордость пробудить, чтобы нынешним двадцатилетним захотелось показать, что они достойны своих сверстников, которые вызывали огонь на себя, брали в плен генералов и прямой наводкой били по фашистским танкам.

— По-моему, солдаты уже выставили оценку вашей идее,— сказал я.— Смотрите, как оживленно они обсуждают «Боевой листок». На чем же воспитывать молодежь, как не на подвигах артиллеристов?!

Да, Виктор Побожный не зря изучал боевые донесения. Результат был, как говорится, налицо. Но я подумал и о другом. Скоро демобилизация, многие снимут солдатскую форму и снова придут на заводы, фермы и в студенческие аудитории. Что греха таить, сплошь и рядом приходится встречаться со снисходительным отношением молодых к отцам и дедам. Сколько слышишь жалоб: «Нет контакта с сыном», «Начинаешь рассказывать внуку о своей трудной юности, а он в ответ: «Ну-у, это когда было. Теперь все не так. Ты, дедуля, лучше подкинь десяточку: в магазине клевый диск выкинули».

В дни моей юности был обычай: на стенах наших коммунальных квартир обязательно висели фотографии отцов — живых и павших. Мы видели их погоны, их ордена, интересовались, какой за что получен, иногда рядом можно было разглядеть их танки, пушки и самолеты. До сих пор самой ценной реликвией я считаю фотографию отца у штурмовика, сделанную перед его последним вылетом. Шли годы, отцы, у кого они живы, старились, сыновья становились старше их изображений на фотографиях, но мы всегда могли сравнить себя с лихими боевыми ребятами, которые смотрели на нас со стен.

Теперь этого обычая не стало, да и семейные альбомы куда-то исчезли... Словом, мне кажется, что старший лейтенант сделал большое дело. Я не уверен, что отстающие расчеты сегодня же перекроют нормативы, но через неделю или две,— вполне возможно. Уверен, что если б сейчас каким-то чудом здесь оказался комиссар полка, который отражал танковую атаку у деревни Лихорадово, он одобрил бы поступок Виктора Побожного и, наверное, сказал бы так: «Секундомер секундомером, нормативы нормативами, без этого не обойтись. Но и без «Боевых листков» тоже не обойтись! Не случайно мы их выпускали перед прорывами, боями с танками и форсированием рек. Иной раз такой листок заменял ящик снарядов. Так заменял, что мы дошли до Эльбы».

...А старший лейтенант подождал, пока все прочтут «Боевой листок», в очередной раз щелкнул секундомером, вызвал дежурного по батарее и приказал сыграть сигнал «Сбор».

Командир реактивной батареи В. Побожный.

Братство по оружию.

ОБКАТКА ТАНКОМ

Вы знаете, что такое обкатка танком?.. Шел как-то фильм на эту тему. Несется танк. Грохочет, лязгает, дымит, стреляет... Ты же должен так укрыться, чтобы многотонная громадина прошла над тобой, а потом сзади поразить ее гранатой. Только и всего! Так вот, в фильме один паренек ужасно боялся, что танк его раздавит: в последний момент новобранец вскакивал и убегал в сторону, разумеется, «прошитый» пулеметной очередью. Над ним смеялись, его убеждали, показывали, как все это делается, а он... снова вскакивал перед самым носом громыхающей машины.

Сидя в кинозале, я и злился на нескладного, трусоватого солдата и в то же время понимал его: а что, если механик-водитель дрогнет, задумается или зазевается и свернет чуть-чуть в сторону...

И надо же такому случиться: в тот день, когда я приехал в Н-ский мотострелковый полк, темой занятий пятой роты была именно «Обкатка танком». А когда я узнал, что механик-водитель в части всего месяц и, как он сказал, «пугать пехоту» будет в первый раз, стало как-то не по себе. Когда рота построилась и старший лейтенант Александр Фирсов рассказал, что и как надо делать, а потом показал крошечную ямку, на дно которой надо лечь, в глазах многих солдат можно было прочесть смятение.

Командир все понимал и видел. В такой ситуации очень важно найти солдата, который бы наверняка не испугался: если он не выдержит, дрогнут даже смельчаки, если не шелохнется, в себя поверят самые боязливые.

— Рядовой Зейналов!

— Я.

— Три шага вперед! Получите гранату... Приступить к выполнению упражнения!

Рафик Зейналов... Он из Кировабада. В армию попал сразу пос-

ле школы. Потом он мне скажет: «Бояться, конечно, боялся. Но ведь на меня смотрела вся рота».

Рафик облизнул вдруг пересохшие губы, взял гранату и лег. А вот механик-водитель Иван Воронов был удивительно спокоен. Надвинул пониже шлем, захлопнул люк и тронул танк с места. Потом развернулся, набрал ход и понесся прямо на Рафика. Дым, грохот, лязг... и ослепительная вспышка. Рота грянула: «Ура-а!» Это Рафик так метко бросил противотанковую гранату, что она попала прямо в башню. Эх, видела бы его в этот момент мать, а еще лучше — одноклассница! Герой, да и только! А в глазах показное безразличие: «Подумаешь, мол, ничего особенного. Для солдата — обычное дело».

После этого все пошло как по маслу. Ребята один за другим принимали исходное положение, спокойно ждали, когда танк пронесется над ними, а потом ловко бросали гранату.

Когда обкатку танком прошла вся рота, почему-то осталась неиспользованной одна граната. И тут случилось неожиданное: все вопросительно посмотрели на меня. От такого прямого намека я сначала оторопел, а потом... взял гранату. «Ну, Иван, давай жми! Быть или не быть репортажу из вашей части, теперь зависит только от тебя»,— подумал я и выдернул чеку.

Если говорить честно, ничего почувствовать не успел, хотя в тот момент, когда танк был метрах в десяти, какая-то пружина пыталась вытолкнуть из гнезда. Потом — грохот, лязг, гарь, вонь и... вспышка от гранаты.

В тот же день я попал в другой мотострелковый полк. Дело в том, что в этом полку обкатку танком проводят по-своему. Александр Фирсов решил посмотреть, как это упражнение отрабатывают соседи. Я считал себя «крупным специалистом» по обкатке танками и увязался со старшим лейтенантом.

Но так случилось, что попал не на полигон, а на комсомольское собрание. В этом полку служил Герой Советского Союза Мелитон Кантария. До сих пор на поверках первым называют имя почетного солдата сержанта Кантария, вместе со своим другом Михаилом Егоровым водрузившего знамя над рейхстагом.

О боях за Берлин, о подвиге однополчанина, о боевом пути части подробно и обстоятельно рассказал рядовой Айдар Сафаров. Это его принимали в комсомол, и Айдар отвечал на один из вопросов. Потом А. Сафарова попросили рассказать о себе.

— Я из Узбекистана. Учился в сельскохозяйственном техникуме. Агрономом буду, хлопок выращивать буду. А сейчас — пулеметчик.

— Недавно были учения. Расскажи, как стрелял,— раздался вопрос.

— Хорошо стрелял. Неплохо стрелял. Все мишени в решето превратил.

— Верно. Пулеметчик он отличный,— подтвердил командир отделения.

Потом было голосование: рядового Сафарова единогласно приняли в ряды ВЛКСМ. Так же единогласно в комсомол приняли бывшего горного мастера из Воркуты, а теперь командира боевой машины пехоты младшего сержанта Александра Прокушева, и рядового Александра Черных — сына фронтовика-орденоносца, работавшего до призыва слесарем-инструментальщиком в Кургане.

Армия есть армия. Здесь все расписано по минутам и все неожиданно. Только-только ребят поздравили с приемом в члены ВЛКСМ и они по традиции прослушали выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола, как прозвучал сигнал «сбор». Каждый солдат твердо знает, что по этому сигналу должен быть в строю своей роты, своего батальона, полка и в соответствии с присягой всегда готов выступить на защиту священных рубежей Родины.

РУКОПАШНАЯ

Старший лейтенант Абдулла Темирбулатов родом из Ташкента. Характеризуя его, командир полка сказал:

— Очень напористый и целеустремленный командир. Офицером хотел стать с детства, но, поступая в училище, не прошел медицинскую комиссию. Значит, прощай, мечта? Нет, Абдулла не из таких. Он начал заниматься спортом, стал боксером-перворазрядником, отслужил действительную и поступил в училище! В полку Темирбулатов уже три года. Здесь стал командиром роты, здесь вступил в партию, здесь завоевал репутацию офицера, который любит браться за самые сложные дела.

Взять хотя бы отработку приемов рукопашного боя: хлопотное и, я бы сказал, небезопасное занятие — тренировки-то идут с боевым оружием, когда колют настоящим штыком и бьют настоящим прикладом. Но Абдулла так этим увлекся и так увлек не только свою роту, но и батальон, что теперь все в совершенстве владеют различными видами рукопашного боя. Честное слово, любо-дорого смотреть, когда весь батальон абсолютно синхронно выполняет такие сложные приемы, что... Да что там говорить, идемте на стадион, и увидите сами!

— Но ведь в штыковые атаки вроде бы давно не ходят. В век ракетно-ядерного и автоматического оружия ни штыком, ни прикладом противника не достать.

— Еще как достать! К сожалению, одно время действительно приемы рукопашного боя предали забвению. Но поди-ка постреляй из автомата в траншее, в развалинах дома, во время встречного боя или когда кончились патроны, а тебя хотят взять в плен. Короче говоря, рукопашному бою мы уделяем очень большое внимание. У современного мотострелка могут быть ситуации, когда он увидит противника в глаза, сможет воспользоваться и штыком и прикладом, при этом, естественно, он сам должен уметь защититься от каски, сапога, саперной лопатки и всего остального.

Хотите верьте, хотите нет, но то, что я увидел, по-настоящему поразило. «Синие» с примкнутыми к автоматам штыками молча несутся на «зеленых». Те тоже молчат. Осталось семь... пять метров, и вдруг с яростным криком, при этом резко изменив направление бега, «синие» наносят разящий удар. «Зеленые» делают всего один, но очень быстрый шаг в сторону и молниеносно бьют прикладом. Сверкнув на солнце, штыки взлетают вверх, а нападающие получают по крепкому удару ногой. Впрочем, «зеленым» тоже достается — приклады «синих», как топоры, обрушиваются на каски. И все же «зеленые» успели по-кошачьи мягко присесть, так что удар смазался.

Но старший лейтенант Темирбулатов остался недоволен: оказалось, что «синие» бежали медленно и нерезко наносили удары, что «зеленые» встретили их в лоб, вместо того чтобы отступить в центре, а потом ударить с флангов. Короче говоря, бой пришлось повторить. А когда это сделали в третий, а потом и в пятый раз, когда от батальона валил пар, когда солдаты сражались, сцепив зубы, ни за что не желая уступать друг другу, старший лейтенант довольно улыбнулся.

— Теперь вы похожи на настоящих бойцов! Корень-то слова каков? Бой. Значит, боец должен уметь биться. Не только стрелять и окапываться, но и биться, когда глаза в глаза. Молодцы! Думаю, что еще месяца два тренировок — и вы сможете уверенно сражаться против любого противника. Даже если будете с голыми руками. Да-да, не удивляйтесь, и безоружный солдат всегда вооружен. Посмотрите, что умеют сержант Шкомар и младший сержант Колбасов.

В рукопашной схватке саперная лопатка, пожалуй, самое эффективное оружие. Так вот, младший сержант Колбасов набросился с этой лопаткой на совершенно безоружного сержанта. Сначала никто ничего не понял, но лопатка почему-то отлетела далеко в сторону. Когда ребята повторили прием, все стало ясно: в момент удара сержант успел снять свой ремень, взмахнул им, как пращой, зацепил лопату и вырвал из рук нападающего. Потом они показали, как бесшумно снять часового, как одному управиться с четырьмя нападающими, как взять и доставить к своим «языка».

БРАТСТВО В ТРУДЕ — БРАТСТВО ПО ОРУЖИЮ

— Меня зовут Ульрих Хеккер. Я главный технолог завода железобетонных изделий,— представился молодой специалист в строительной каске.— Есть ли среди вас мои коллеги?

— Есть! Младший сержант Леонид Березюк. До армии работал на строительстве животноводческого комплекса в Хмельницкой области. Был шофером.

— Александр Баклушин. Работал электросварщиком на Тбилисском заводе железобетонных изделий.

— Сергей Монтика. Я из Молдавии. Был электриком на строительстве мебельной фабрики.

— Очень хорошо! — обрадовался Ульрих.— Тогда вам будет интересно. А то ведь заводы вроде нашего для экскурсантов неинтересны — везде цемент, щебенка да песок. Наша продукция — стеновые панели, перекрытия и лестничные марши. Предприятие молодое, но мы уже вышли на проектную мощность и сдаем ежегодно две тысячи квартир. Наши дома можно увидеть в разных городах республики.

— Я вижу, на заводе много молодежи. Где вы ребят учите? — спросил Сергей.

— У нас свое профессиональное училище. Это наша гордость. Выпускники школ охотно туда поступают, а потом... их сманивают на другие заводы,— улыбнулся Ульрих.— Но мы этому даже рады: раз гоняются за нашими специалистами, значит, готовим мы их неплохо... Ну что, коллеги, нет желания поработать, тряхнуть, так сказать, стариной?

— Есть! — в один голос ответили ребята.

Так обычная экскурсия на завод превратилась в семинар по обмену опытом. Леонид Березюк уселся в кабину панелевоза и показал, как лучше всего задним ходом подавать машину под погрузку. Сергей и Саша пошли к электрикам и сварщикам. Потом все вместе помогали формовать стеновую панель, а когда она была готова, погрузили на панелевоз, который тут же уехал в новый микрорайон.

Надо было видеть лица молодых немецких рабочих и наших солдат, надо было ощутить теплоту их пожатий и силу похлопываний по плечам, чтобы понять надежность и этих рук и этих плеч, чтобы воочию убедиться в искренности и прочности их дружбы.

А на следующий день мне представилась возможность, если так можно выразиться, увидеть на деле, что такое братство по оружию. Штаб одной из немецких частей пригласил группу советских солдат, чтобы вместе пристрелять новые автоматы, посоревноваться в преодолении полосы препятствий и вообще поближе познакомиться.

Капитан Герд Вильярд представил унтер-офицера Томаса Шедлиха, который до армии работал зоотехником, а тот — своих товарищей: бывшего токаря унтерфельдфебеля Гернорда Клауша, бывшего слесаря ефрейтора Хельмара Шрёдера, техника по ремонту средств связи рядового Боркарта Нашке и студента-политехника унтер-офицера Донарта Вернта.

Рассказали о себе и наши ребята. Сержант Геннадий Валяев работал помощником мастера на хлопчатобумажном комбинате, Олег Сурков был шофером, а Рифат Шамсутдинов — строителем, да не где-нибудь, а в Самарканде. Немецкие друзья засыпали Рифата вопросами. Пришлось рассказывать о Самарканде, Бухаре, Ташкенте — и не только о том, какие это прекрасные города, но и о горах и реках Средней Азии, о хлопковых полях, о тающих во рту дынях и ароматном винограде.

Потом пошел разговор о делах чисто военных. Ребята разбирали и собирали автоматы, проверяли прицелы, стреляли, внимательно изучали мишени и снова стреляли. Причем, если кто-нибудь говорил: не попал из-за того, что автомат, мол, плохо пристрелян,— из него тут же стрелял сосед и объяснял, почему пули ушли «в молоко».

В тот же день я побывал на полигоне немецкого танкового полка. Два советских экипажа отрабатывали там упражнение. И надо же, у одного танка что-то случилось с трансмиссией. С полчаса наши ребята возились сами, а потом на помощь пришли немецкие танкисты. Командир роты старший лейтенант Хельмут Нойгеборер привел лучших механиков-водителей, и они тут же включились в работу. Вскоре выяснилось, что этот танк несколько иной, не знакомой им модификации. Тогда Еркен Ташканов усадил на свое место Бернда Дюрфельда и начал объяснять, где какая кнопка, что включает тот или иной тумблер, как работают рычаги.

Это ли не братство по оружию в высшем его понимании?! Советский и немецкий солдаты стреляют из одного автомата, немецкий танкист помогает советскому устранить неисправность, а тот учит его водить танк...

Думаю, не ошибусь, если скажу, что одна из величайших побед нашего времени заключается именно в том, что вот уже тридцать с лишним лет советские и немецкие солдаты служат бок о бок и вместе защищают завоевания социализма.

* * *

Ровно неделю был я в Группе советских войск в Германии. И все это время — из части в часть, из подразделения в подразделение. Чем больше видел и узнавал, тем больше убеждался: там, вдали от России, служба нелегкая и чрезвычайно ответственная.

ЧЕХОВСКИЙ ТАГАНРОГ

**Владимир ЕНИШЕРЛОВ,
фото Николая КОЗЛОВСКОГО,
специальные корреспонденты
«Огонька»**

Земля родная

Казалось, он, покинув город в девятнадцать лет, должен был стараться как можно скорее забыть его, вычеркнуть из памяти годы детства, которого, в сущности,— как он это понимал и как страдал от этого! — не было. Конечно, не случаен для Чехова несчастный Ванька Жуков — в грустном рассказе отразились детские воспоминания писателя. Брат его, Александр Павлович, очень тонко почувствовал это: «В его произведениях внимательному читателю бросается в глаза одна... черта: все выведенные им дети — существа страждущие или же угнетенные, подневольные... Этот тон и мастерски написанные, с оттенком грусти, портреты детворы выхвачены прямо из жизни и находят себе объяснение в далеком прошлом автора и в его собственном детстве. В зрелые годы своей жизни он не раз говаривал в интимном кружке родных и знакомых: «В детстве у меня не было детства...» Он, уехавший из города через два года вслед за бежавшей от долговой ямы, неминуемо ждавшей отца, семьей; испытавший здесь унижение бедностью, побоями, на которые не скупился отец; мучимый нескончаемым сидением в опостылевшей лавке, где привыкли опрокидывать рюмку-другую местные обыватели; страдающий от скуки бесконечных церковных спевок, до них был так охоч тот же благочестивый неудачник — отец,— удивительно, как мог он впоследствии не только вспоминать об этом городе с любовью и нежностью, но и непрестанно стремиться сюда, а главное, всю будущую жизнь, все такие краткие оставшиеся ему четверть века отдавать городу часть души, действенно, беззаветно служа его просвещению, благоустройству, изыскивая любую возможность что-то сделать для города. Даже в Ницце в октябре 1897 года он вспоминал страну своего детства — Таганрог: «Вчера я видел, как около училища школьники играли в мяча, по-видимому, в беглого. С ними были учитель и поп. Игра была шумная, как когда-то в Таганроге, и поп бегал взапуски, не стесняясь присутствием посторонних». А последнюю посылку книг в родной город он отправил уже из Баденвейлера всего за месяц до смерти.

Да, все это было бы удивительно, если бы мы говорили не о Чехове. Когда-то Бунин, понявший Чехова как никто и как никто написавший о нем, заметил проницательно, как каждый год менялось у Чехова лицо и каким оно стало тонким, одухотворенным в конце жизни. Внутреннее благородство, свойственное Чехову, так проявившееся и в его внешности, небывало напряженная жизнь, с детства исполненная страданий, лишений и тягот, и чуткость к людям, чьи нужды и заботы понимал он,— все это, вместе взятое, было побудителем поступков Чехова. Прежде всего он воспитывал себя, методично и беспощадно. Он постоянно помнил о той глухой провинции, которая была истоком и причиной многих его бед, и с истинно чеховским упорством стремился нести свет в эту провинцию.

Чтобы понять тайну Чехова, недостаточно лишь читать его книги, переписку, воспоминания современников о нем. Следует всерьез задуматься над поступками Чехова. Конечно, они служат лишь фоном, на котором выделяется писатель Чехов. Но вряд ли у кого даже из больших русских писателей столь глубоко насыщенный жизненный фон.

Он не только видел нелепость и грубость окружавшей его жизни, не только описывал ее в своих произведениях, не только верил в будущее ее благоустройство, но и, поистине не щадя времени, здоровья, скудно отпущенного ему судьбой, средств, избытка которых у него никогда не было, щедро расходовал их, чтобы самому внести свою лепту в ту «будущую» жизнь.

И именно в Таганроге начинаешь по-новому задумываться над сложностью и необычайным благородством этого характера.

В метрической книге Таганрогской соборной церкви о рождении Чехова говорится: «1860 года месяца Генваря 17-го дня рожден, а 27-го крещен Антоний; родители его: таганрогский купец третьей гильдии, Павел Георгиевич Чехов и законная жена его Евгения Яковлевна; восприемники: таганрогский купеческий брат Спиридон Титов и таганрогского третьей гильдии купца Дмитрия Сафьянополу жена».

Уездный город на берегу почти пресного Таганрогского залива мелкого Азовского моря. Не согласимся с Буниным, что некоторая меланхоличность Чехова происходит от характера этой скучной и глухой в ту пору стороны. Прямые и светлые центральные улицы Таганрога сохранили по сей день облик оживленного южного портового города, который видел в детстве писатель. Не много столь гармоничных, продуманных создателями старых городов осталось в неприкосновенности до наших дней. Идеально прямые Петровская, Греческая, Монастырская, Полицейская улицы *, застроенные великолепными, выполненными в стиле русского провинциального классицизма особняками, поражали в свое время блеском витрин, богатством лавок, продуманностью архитектурных решений. Бурлила жизнь на припортовых улицах, где в летнее время можно было встретить моряков из многих стран. Александр Чехов вспоминал: «В разгар навигации жизнь здесь била ключом. Здесь собирались моряки-иностранцы, прибывшие в Таганрог на судах всех наций... Бывало, весь тротуар перед кофейнями в ясные дни был запружен целыми толпами греков, турок, итальянцев и представителей других национальностей. Все они оживленно беседовали, каждый на своем языке и в своем национальном костюме, производя впечатление какого-то маленького международного уголка в русском городе».

В 1844 году в этот сверкающий контрастами южный город, в гавани которого теснились корабли под многими иностранными флагами и где на улицах слышалась разноязыкая речь, приехал из глухой воронежской деревни Ольховатка Егор Михайлович Чехов, бывший крепостной помещика Черткова, деда секретаря Л. Н. Толстого. Дед Антона Павловича сумел выкупиться на волю задолго до освобождения крестьян. Он отдал старшего сына Михаила в Калугу учиться переплетному мастерству, а Павла, отца писателя, устроил на службу к таганрогскому купцу Кобылину. Отсюда пошли таганрогские корни Чехова.

Среди предков Антона Павловича было много людей предприимчивых, с крепкой волей и рσмантическим миросозерцанием. По одной из версий Чеховы возводили свою родословную к славному «Ондрею Чехову», отлившему за свою жизнь около двух десятков пушек, и среди них знаменитые «Единорог», «Царь-пушка», «Скоропея», мортира Лжедмитрия, «Царь Ахиллес». Возможно, сын или внук знаменитого пушечного мастера в XVII веке, во время освоения Московской Русью «дикого поля», пришел на воронежскую землю, а его потомки подались на юг, к теплому морю.

Осевший в Таганроге дальний потомок того Чехова, Павел Егорович, женился в 1854 году на Евгении Яковлевне Морозовой, дочери торговца сукном. Вскоре у них появился первый сын — Александр, а в 1858 году — второй сын, Николай. Павел Егорович нанял для семьи маленький глинобитный флигелек в центре города, на Полицейской улице. Здесь и появился на свет Антон Павлович Чехов. В одном из писем 1902 года он писал: «Родился я в доме Болотова (так говорит моя мать) или Гнутова, около Третьякова В. Н., на Полицейской улице, в маленьком флигеле. Дома этого вероятно уже нет». К счастью, писатель ошибся. Флигель сохранился — и в наши дни это драгоценнейшая реликвия чеховского Таганрога. Удивительное ощущение испытываешь в крохотных комнатках, где жила дружная чеховская семья. Как непохож домик Чехова на те ампирные усадьбы, в которых теперь расположены многие мемориальные музеи великих русских писателей. Граничащая с бедностью обстановка, комнаты-клетушки с подслеповатыми окнами, несколько скромных икон, конторка отца и теснота, теснота — нет воздуха, простора, дышится тяжело под низким, нависающим потолком. Невесело было жить в этом чистеньком доме, грошовый доход давала Павлу Егоровичу лавчонка, в которой торговал он неподалеку — семья едва сводила концы с концами.

Район Таганрога, где чудом сохранился домик Чехова, буквально напоен памятью о писателе. На той же улице нам показали небольшой двухэтажный дом, казалось, мало чем выделяющийся среди соседних — типичных домов для Таганрога XIX века. Но здесь в годы юности Чехова жил инспектор Таганрогской мужской гимназии Дьяконов, один из прототипов Беликова, «человека в футляре». А немного далее, там, где сейчас разбит сквер и стоит памятник писателю, находилась базарная площадь с Митрофаниевской церковью, где писал иногда Антон Чехов старушкам «за здравие» и «за упокой». Церкви уже нет, да и бывшая Полицейская улица мало похожа на ту, о которой упоминал в письме Чехов в 1887 году, когда проезжал он родной город: «Все дома приплюснуты, давно не штукатурены, крыши не крашены, ставни затворены. С Полицейской улицы начинается засыхающая, а потому вязкая и бугристая, грязь, по которой можно ехать шагом, да и то с опаской».

Теперь бережно возрождены и благоустрое-

Памятник А. П. Чехову в Таганроге. Скульптор И. Рукавишников * В этом доме родился и Чехов.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

В фондах таганрогского музея А. П. Чехова. Научный сотрудник И. И. Давыдова и заведующая литературной экспозицией С. А. Щеглова за подготовкой новой экспозиции * В таганрогской библиотеке имени А. П. Чехова * Гостиная в доме, где родился писатель * Памятник Петру I в Таганроге. Скульптор М. Антокольский * Азовское море * В лавке, принадлежавшей отцу писателя * Мемориальный чеховский класс таганрогской гимназии. Парта Антона Чехова.

---

* Здесь мы приводим старые названия улиц Таганрога — Ленинской, III Интернационала, имени Фрунзе, имени Свердлова, имени Чехова.

АНТОН ПАВЛОВИЧ
ЧЕХОВ
1860-1904

ЧЕХОВА

Чай Сахаръ Кофе
и другіе
колоніальные товары

ны чеховские уголки Таганрога. А литературный музей города обладает такими сокровищами по истории отечественной культуры, что легко может соперничать с наиболее крупными литературно-мемориальными музеями мира.

Сам Антон Павлович стоял у истоков таганрогского музея и библиотеки. В письме городскому голове Таганрога, написанном с пути на Сахалин, Чехов писал: «Уезжая из Москвы, я поручил выслать на Ваше имя три своих книги. Четвертая моя книга — «Пестрые рассказы» — вся распродана и будет напечатана следующим изданием по моем возвращении, т. е. не раньше начала будущего года. Между прочим, я поручил послать Вам экземпляр «Власти тьмы» Л. Толстого с собственноручною авторскою подписью; я прошу городскую библиотеку принять от меня этот небольшой подарок, как со временем буду просить принять от меня все те книги с авторскими факсимиле, какие у меня теперь имеются и какие я собираю и сохраняю специально для библиотеки моего родного города».

Литературный музей ныне находится в здании бывшей мужской таганрогской гимназии, где учился Чехов. Нам показали здесь книги, присланные когда-то Чеховым в Таганрог. Бережно открываются старые переплеты. На титульных листах автографы Гиляровского, Розанова, Меньшикова, мелкий почерк Рахманинова, надписи самого Чехова... Это книги личной библиотеки писателя. Она ждет еще своего внимательного исследования и, несомненно, откроет в будущем много интересных черт в сложном духовном мире Чехова.

В музее хранится и совершенно уникальная коллекция фотографий известных русских писателей с автографами Чехову. И эти фотографии присылал он в подарок городу, уже при жизни своей как бы создавая основу будущего музея. Перелистываем страницы этого необычного, единственного в мире альбома. Н. С. Лесков — «Антону Павловичу Чехову на добрую память от уважающего его Н. С. Лескова. СПб. 4 нояб. 1892 г.». Л. Н. Толстой — надпись на портрете предельно лаконична: «А. П. Чехову. Л. Толстой 1896, 14 февр.». Более пространен автограф публициста М. О. Меньшикова: «Ценю я вас, дорогой Антон Павлович, как одного из немногих, посылаемых в мир для того, чтобы увидеть правду и мужественно сказать ее людям,— мужественно и убедительно. М. Меньшиков, 19-1-00».

Несколько экзотична надпись на книге Бальмонта:

«А. П. Чехову
Одному из немногих, читая кого
Я познал, что красивы людские страдания,
И что сладко сплетать из мучений мечтанья,
И что сердце мое не мертво.
К. Бальмонт».

Можно представить, как грустно улыбнулся Антон Павлович, прочтя эти строки, но и подарок Бальмонта передал в Таганрог.

Фотографии с автографами Бунина, Л. Андреева, Вересаева, Телешева, Горького, Станиславского, Кони и многих других выдающихся людей сохранились в замечательной, собранной Чеховым для города коллекции. Безусловно, альбом следует издать,— интереснейший документ этот вызовет интерес у всех любителей и исследователей истории русской литературы.

Радует, что работа музейщиков, краеведов находит действенную поддержку, помощь партийных и советских организаций Ростовской области и Таганрога. Много сил, энергии, знаний отдают охране, сбережению и реставрации исторических памятников города заместитель председателя Ростовского облисполкома П. И. Маева; первый секретарь Таганрогского горкома партии Б. Ф. Зубрицкий, прекрасный знаток истории города; председатель Таганрогского горисполкома А. И. Косьмин. А с каким проникновением в существо очень сложных проблем, связанных с чеховским Таганрогом, рассказывала нам о будущем города начальник отдела культуры горисполкома Т. П. Бувалко. Не для официального упоминания я пишу об этом. Лишь при таком действенном «синтезе» устремлений — употребим чеховское выражение—«отцов города» и специалистов-исследователей можно добиться реального результата в сложнейшем деле восстановления и охраны памятников культуры. К сожалению, не везде подобный «синтез» существует. И хочется, чтобы пример Таганрога был не только замечен, но и изучен, в этом городе есть чему поучиться.

В недалеком будущем в Таганроге появится еще один чеховский мемориал — родовое гнездо Чеховых, как называют его в городе. На улице Розы Люксембург стоит домик, приобретенный когда-то дедом Чехова, Егором Михайловичем. Четыре года здесь жил Павел Егорович с молодой женой Евгенией Яковлевной, а в 1859 году в домике поселился дядя писателя Митрофан Егорович. Сейчас в домике Митрофана Егоровича, где любил бывать юный Антон Чехов, живет Татьяна Владимировна Чехова, дочь двоюродного брата писателя. Сам дом, его внутренняя планировка, мебель сохранились такими, какими были при А. П. Чехове. Мы рассматривали пожелтевшие семейные фотографии, письма Марии Павловны Чеховой, ходили по небольшому садику со старинным затейливым колодцем для сбора дождевой воды, слушали рассказ Татьяны Владимировны о Чеховых и были благодарны этой женщине, сумевшей сохранить многие бесценные семейные реликвии. Мы всматривались в ее простое приветливое лицо, и постепенно открывались в нем фамильные черты Чеховых — широкие скулы и немного суженные добрые глаза — черты, которые позволили когда-то Бунину говорить о капле восточной крови в жилах Чехова.

Наверное, когда будет восстановлено родовое гнездо Чеховых в Таганроге, Татьяна Владимировна будет так же приветливо встречать многих гостей, поклонников великого писателя, как когда-то Мария Павловна Чехова встречала гостей в его ялтинском доме.

Чехов прожил в городе девятнадцать лет. Мещанская уездная бедность семьи, гнетущая бездуховность, провинциальная среда, с которой сталкивался юный Чехов,— вот атмосфера детства писателя. И уж ежели искать причину его прирожденной меланхолии, то в безотрадной духовной глуши старого Таганрога, «грязного, пустого, ленивого, безграмотного и скучного», как с горечью писал он позже.

Писатель не раз приезжал в город детства, его письма отсюда исполнены грусти и сарказма, но подобно одному из своих героев он мог сказать: «...есть ли порядок и законность в том, что я, живой, мыслящий человек, стою надо рвом и жду, когда он зарастет сам или затянет его илом, в то время как, быть может, я мог бы перескочить через него или построить через него мост? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нет сил жить, а между тем жить нужно и хочется жить!» Помощь Таганрогу была одной из составляющих жизни Чехова. В музее писателя в Таганроге бережно собраны свидетельства этой помощи и письма, рассказывающие о заботе Чехова о родном городе. Вот в 1887 году Чехов приезжает в Таганрог, останавливается у дяди Митрофана Егоровича. Письма этого года из Таганрога полны иронии и горечи: «Совсем Азия! Такая кругом Азия, что я просто глазам не верю. 60 000 жителей занимаются только тем, что едят, пьют, плодятся, а других интересов — никаких... Местоположение города прекрасное во всех отношениях, климат великолепный, плодов земных тьма, но жители инертны до чертиков... Все музыкальны, одарены фантазией и остроумием, нервны, чувствительны, но все это пропадает даром... Нет ни патриотов, ни дельцов, ни поэтов, ни даже приличных булочников».

Таким видит он город своего детства, безрадостного, омраченного «деспотизмом и ложью» отца, бывшего плотью от плоти таганрогских провинциальных обывателей. «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать. Вспомни те ужас и отвращение, какие мы чувствовали во время оно, когда отец за обедом поднимал бунт из-за пересоленного супа или ругал мать дурой...» — писал Антон Павлович брату Александру в 1889 году, предостерегая его от тех же проявлений деспотизма, которые Антон Павлович наблюдал у брата, и особенно нажимал на то, что Александру Павловичу, как образованному человеку, нет оправдания. Деспотизм родителей, начальства, богатых, вообще вышестоящих неизбежно подавляет личность подчиненного, зависимого человека, будь то ребенок или взрослый. Оскорбление личности, унижение человеческого достоинства с детства болезненно, мучительно переживал Чехов. Кроме непосредственного эмоционального страдания, деспотическое принижение личности деформирует ее, принижает, порождает рабские инстинкты.

«Чувство личной свободы»,— признается Чехов в 1889 году,— «стало разгораться во мне только недавно. Раньше его у меня не было...» С болью и страстностью пишет он Суворину о той личной свободе, которая приобретена им «ценою молодости»: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества,— напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая...»

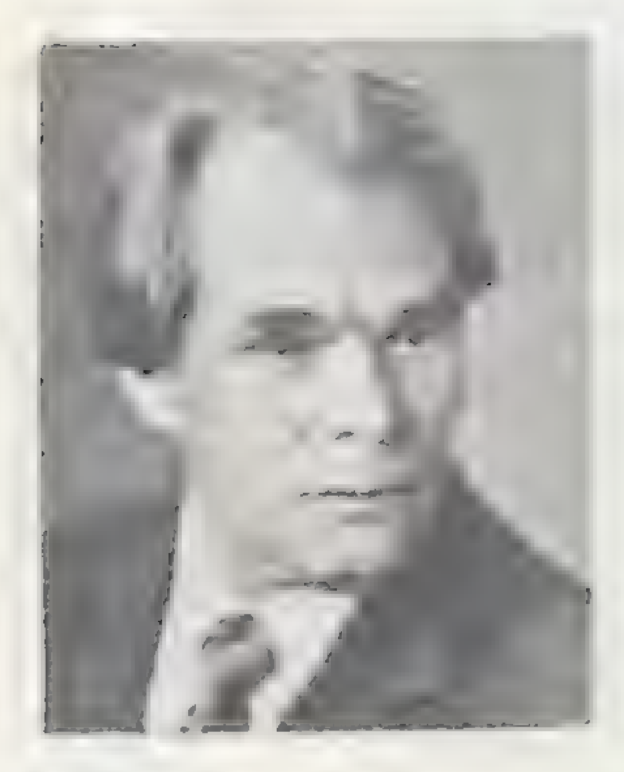
Духовное развитие, приобщение к культуре, постоянное самовоспитание позволили Чехову преодолеть рабскую приниженность, ощутить свое человеческое достоинство, свою свободную личность. Испытав на себе весь гнет деспотизма, обусловленного бескультурьем, Чехов всю жизнь старался действенно служить просвещению. Служение это проявлялось в многообразных формах: и художественное творчество, и врачебная практика, и устройство школ, больниц, библиотек. И где бы он ни жил, родина его — Таганрог — никогда не ускользала из поля его зрения. Снова вспомним и про книги, которые из Москвы, из Петербурга шлет Чехов в таганрогскую библиотеку. Из Франции посылает он «всех французских классических писателей, 319 томов...». И все это на свои деньги! Будучи в Париже, договаривается он со скульптором М. М. Антокольским о памятнике Петру I для родного города. В связи с 200-летием Таганрога предлагает план устройства исторической выставки. И в подмосковной Лопасне, и в Ницце, и в Ялте Чехов регулярно читает «Таганрогский вестник», чтобы постоянно быть в курсе жизни города. «Читаю «Таганрогский вестник», изредка приходится разговаривать с актерами и певцами,— радуюсь за родной город, делающий в последние годы такие крупные культурные успехи». Ему даже хочется купить «домишко поближе к морю» в Таганроге, и не только потому, что «воздух родины самый здоровый воздух», но и затем, чтобы действенно служить родным местам: «Если бы не бациллы, то я поселился бы в Таганроге года на два, на три и занялся бы районом Таганрог — Краматоровка — Бахмут — Зверево. Это фантастический край. Донецкую степь я люблю и когда-то чувствовал себя в ней, как дома, и знал там каждую балочку. Когда я вспоминаю про эти балочки, шахты, Саур-могилу, рассказы про Зуя, Харцыза, генерала Иловайского, вспоминаю, как я ездил на волах в Криничку и в Крепкую графа Платова, то мне становится грустно и жаль, что в Таганроге нет беллетристов и что этот материал, очень милый и ценный, никому не нужен». Он и всех знакомых (и незнакомых) таганрожцев, осевших в других местах России, постоянно побуждает к участию в просветительской работе.

Все эти заботы не прошли бесследно для Таганрога и оставили глубокий след в судьбе самого Чехова. «Я счастлив,— писал он,— что могу хотя чем-нибудь быть полезен родному городу, которому я многим обязан и к которому продолжаю питать теплое чувство» (письмо 3 мая 1890 г.). Таганрог отвечал Чехову неизменной любовью. Его авторитет был непререкаем, пьесы писателя постоянно шли в замечательном таганрогском театре, после его смерти в 1904 году улице, где он родился, было присвоено имя Чехова.

Счастливая теперь судьба у чеховского Таганрога.

Сегодня это важный индустриальный центр Юга страны. У самого берега встали корпуса металлургического завода. В панораму Таганрога хорошо вписались громады известных заводов — комбайнового и «Красного котельщика». Высотные жилые дома, учебные корпуса радиотехнического и педагогического институтов, новые красивые площади, улицы и скверы преобразили архитектурный облик Таганрога. Недавно принято постановление Совета Министров РСФСР о преобразовании Таганрогского краеведческого музея и Литературного музея А. П. Чехова в Таганрогский государственный литературный и историко-архитектурный музей-заповедник. Город сполна отдает дань своему гениальному земляку, с великой бережностью сохраняя и восстанавливая все, что связано с его памятью. Как бы сбываются слова Чехова, вложенные им в уста Вершинина из «Трех сестер»: «Мне кажется, все на земле должно измениться мало-помалу, и уже меняется на наших глазах. Через двести—триста, наконец, тысячу лет,— дело не в сроке,— настанет новая, счастливая жизнь. Участвовать в этой жизни мы не будем, конечно, но мы для нее живем теперь, работаем, ну, страдаем, мы творим ее — и в этом одном цель нашего бытия и, если хотите, наше счастье».

Серебряный венок с надписью «Святой памяти А. П. Чехова» * Книги, подаренные писателем Таганрогу * Лавка отца писателя * Т. В. Чехова живет в Таганроге * Чеховские реликвии.

Владимир ЖУКОВ

ПОЭМА

ДВОЕ

1

Жни-пожинай, что сам посеял,
душой и сердцем привечал,
чтобы и днями снился север,
один лишь север — по ночам.

Какая блажь или причуда
ей примерещились опять,
чтобы воскресло все, покуда
еще не поздно воскресать?

Беги, хватай билет на поезд,
а нету мест — наверняка
влети в вагон с разбегу, то есть
уговори проводника.

2

Смещаясь влево с перекосом,
от букс отринулся перрон.
И, как квадратные, колеса
уже мотают твой вагон
то взад-вперед, то с боку на бок,
в согласье с тамбурной доской,
где облако и моря запах
смешался с пылью городской.
Уплыл за горы Севастополь,
угас, как жемчуг в скорлупе.
Устал вагон по стыкам топать,
пока ты втиснулся в купе.

3

Доколь на плахе быть, доколе
менять флота и берега?
Как катеришке на приколе,
о кранцы судеб рвать бока.

Чего и не было — как было,
а что и было — тлен, зола...
Она не то чтоб полюбила —
из состраданья снизошла.

4

Уже совсем не молода,
она с годами все моложе...
И с правой груди в никуда
стекали родинки по коже.
То ли в безгрешности святой,
то ль с избалованности сытой,
она затеяла с водой
игру, сверкая наготой,
забыв, что дверь полуоткрыта.

Ты на нее смотрел в окно.
Оно бесстрастно отражало
все, чтоб бушлатное сукно
до шкуры зноем прожигало.
Ты это чудо знал давно,
что лишь избранницам дается.
То ль наваждением оно,
то ль биотоками зовется.

Когда, бывало, от реки
она шла городом, гуляя,
балдели мичманы с тоски,
жен капитаны оставляли.

— Не поздно ли
вперед-назад
тебе по комнатам слоняться?..
Забрось на вешалку бушлат,
как раз ролями поменяться —
смой пыль вагонную. А мне
пора и ужином заняться...—
и, как двум теням на стене,
казалось, уж не оторваться
им друг от друга...
Боже мой,
ужель все это только прихоть?
Но из бездомности глухой,
пусть никакой, а все же выход.

5

Как на штык напороться,
оказаться под танком,—
если влюбится боцман
в жену кавторанга.

Неприкаянно будешь
по «загранкам» мотаться,
только б с ней не встречаться,
если насмерть полюбишь...

Разговор не короткий
был наветами вызван.
По рапо́рту с подлодки
на «торговец» ты списан.

Со студеного моря,
с неизбывного горя
приписался не споря
к горю Черного моря.

6

Коль ни вином, ни табаком
в жилье подводника не веет,
он в полушарии другом
или под полюсом потеет.

И все ж вопрос получше взвесь,
спроси хоть взглядом — легче это:
на взгляд не налагают вето...
— И полно... В городе он! Здесь.
С какой-то кастеляншей где-то.
Уж скоро год, как я одна,
то ли жена, то ль не жена,
не осененная разводом.
Но о разрыве голос подан,
проблема жизнью решена.
— Но как же так?.. Да вы с ума...
— И вовсе нет, не посходили.
— Ведь вы друг друга
так любили!
Всегда. Подумай-ка сама.
— Я объясню... Мела зима,
когда впервые он остался
у этой женщины... Подался
с другими, общество деля,
«налево» прямо с корабля.
Не так ли говорят на флоте?
Молчите! Все равно соврете.
Но он и раньше попадался
с поличным, так сказать, не раз.
Не поднимал блудливых глаз,
молил простить. И я прощала.
Я ничего не понимала
в происходящем. Но теперь
поотстоялось все, остыло,
когда навек за всем, что было,
сама собой закрылась дверь,
мне ясно...
Не перебивай!..
Что все мы, бабы, просто дуры,
а вам бы только шуры-муры,
штоф да закуску подавай.
Не правда? Так ли?!.
Правда есть!
Отнюдь не обобщаю толков.
Но где же офицера честь
перед женой, семьей и долгом?
Пусть виновата я сама.
Но он достаточно был тонким
психологом, чтоб сбить с ума
подростка, чуть ли не ребенка.
Была не то что молода —
заплесть косичек не умела.
В неделю раз — а-ля капелла —
в каком-то детском хоре пела.
Кончала техникум тогда...

Лихой пахну́вшие бедой,
в тот мир влетели из вагона
кокарда, флотские погоны,
улыбка, кортик золотой.

О, как же мать была права,
как отговаривала мама!
Но я была глупа, упряма,
все уговоры — трын-трава...
А через год родился сын,
а через два — явилась дочка —
двойник мой... И на этом точка
из-за походов да седин.
Сам знаешь, вдвое старше он,
а хоть и втрое был бы старше,
когда б не отжатый лимон,
не адмирал, не бог, не маршал.
Стал попивать, потом пошли
одни взыскания по службе,
раздоры и в семье и в дружбе,
и притязанья, что пошлы.
Я прогнала его... Он пил,
он дважды бил меня, «жалея»,
как за свое бессилье мстил,
чтобы все рухнуло скорее.
Я задыхалась, как во мгле,
о том никто не знал на свете,
не то что в части... Знали дети!
Теперь они уж на крыле.
Я приневолила себя
к работе истово и свято.
Прости, что изо всех тебя
душа отметила когда-то.
Все остальное — бред, брехня
иль домыслы...
За мелодраму
не засчитай. Прости меня
за взбалмошную телеграмму.

7

Еще по-северному сер,
рассвет был в силе.
Едва полумерцал торшер,
глаза — светили.
Раскрепостилось естество —
сияли очи.
И белой ночи колдовство,
их первой ночи.
Скости, ханжа, им этот грех —
мгновенья длились.
Как будто души женщин всех
в нее вселились.
Гудело жизни торжество,
и кровь гудела,
соединяя душ родство
с всевластьем тела —
в тот невесомости полет,
восторг и замять,
когда сознание плывет,
теряют память.

И если, правда, где-то есть
Седьмое небо,—
оно над ними, только здесь —
там, где я не был,
в плену волос ее льняных
на том рассвете...

Сегодня только двое их
на всей планете.

Иваново.

●

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Самолет опускается на посадочную полосу, подруливает к стоянке. Вы сходите по трапу, и уже через пять минут информационно-справочная система сообщает вам, в каких гостиницах есть свободные места и какие именно, что идет в московских театрах, где можно купить интересующие вас товары... Не сходя с места, вы заказываете гостиничный номер, нужную вам покупку. Но с театром — это уж как повезет.

Автобус мчит вас по подмосковному шоссе, въезжает в город, едет по шумным улицам. Несмотря на довольно большой поток машин, почти без остановок: об этом позаботилась автоматизированная система управления движением городского автотранспорта. Неудивительно, что вы не заметили, как оказались у здания аэровокзала. Здесь заказанное вами по прилете такси уже ждет вас.

Поселившись в гостинице, не забудьте нажать в своем номере нужную клавишу и сообщить, куда и когда вам необходимо выехать либо вылететь,— назавтра билет уже будет на вашем столе...

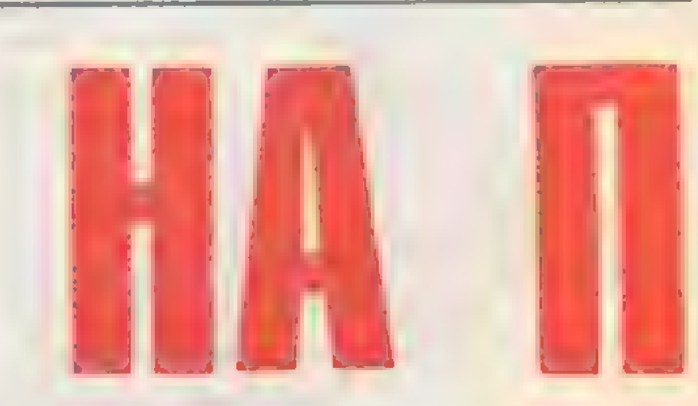
Так с одного из сюжетов будущего начался наш разговор с генеральным директором научно-производственного объединения АСУ «Москва» профессором Юрием Михайловичем Черкасовым.

Избавиться от издержек лавинного ритма жизни столицы, связать в единую, гибкую, податливую систему все сосуды и даже капилляры города стало целью и содержанием работы многих коллективов ученых и инженеров, которые несколько лет назад приступили к созданию комплекса АВТОМАТИЗИРОВАННАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНИЯ «МОСКВА». В конце прошлого года межведомственная комиссия, возглавляемая заместителем Председателя Совета Министров СССР, председателем Государственного комитета СССР по науке и технике академиком Г. И. Марчуком, приняла первую очередь комплекса.

Комплекс АСУ «Москва» включает в себя более тысячи взаимоувязанных различных автоматизированных систем управления технологическими процессами, промышленными предприятиями и научно-исследовательскими организациями, отраслями и городом в целом. Строительство, транспорт, торговля, общественное питание, здравоохранение, охрана окружающей среды — все это в круге внимания комплекса.

ТЫСЯЧИ СТРОЕК

Столько объектов в ведении одного лишь Главмосстроя. Для этих объектов работают многие

десятки предприятий. Одних только узлов, готовящих цементный раствор, десять. Причем используется около двадцати марок цемента, каждая имеет свое назначение и адрес. Не более простая картина с бетоном и другими материалами. Чтобы доставить все стройматериалы на места, ежедневно заняты до десяти тысяч специальных автомобилей.

А если сбой на заводе железобетонных конструкций? А если повреждение у автомобиля? А если... А если... Кажется, и у робота может закружиться голова: как увязать работу всех служб и предприятий?

Небольшая зарисовка о системе управления городским строительством. Действующие лица: автор и дисплей. Многоликий, большой эрудит, всегда готов к мгновенному ответу пусть не на все, но на очень многое. Меня интересует бурно развивающийся район Тропарево. В распоряжении моем два десятка клавиш. Итак, начинаю задавать вопросы.

— Какие объекты будут строиться в нынешней пятилетке в соответствии с генеральным планом развития Москвы?

Есть. Ответ получен.

— Какие сейчас строятся и в каком они находятся состоянии?

Читаю ответы.

— Как обстоят дела с инженерными коммуникациями?.. Есть ли пробелы с комплектацией отдельных объектов и какие именно — по составу и объему?.. Как идет благоустройство?.. Как освобождаются площадки под новое строительство? Клавиша — ответ, клавиша — ответ...

Еще ситуация. На одном из объектов сегодня по графику завершение возведения последнего этажа. Но строители застряли на предпоследнем. Нет, они не виноваты, сообщает дисплей, дело в поставщиках. В ком именно — все знает ЭВМ.

Вряд ли нужно будить воображение, чтобы представить себе такие картины: дом заселен, а тротуаров еще нет, кругом строительный мусор. Другая картина: дом заселен, с «окружающей средой» вопросы улажены, но зияют огромные проемы, предназначенные для витрин магазинов, ателье, парикмахерских, руки до которых у строителей не дошли. Или еще одна: закончено и одно, и другое, и третье, но поликлиника еще будет готова нескоро.

Увы, пока все это сегодняшняя реальность.

Но не вечная. Уже сейчас с помощью ЭВМ решаются задачи проектирования микрорайонов и отдельных объектов с учетом всех требований и потребностей. Реконструкция микрорайонов, домов, встраивание новых объектов, которое должно быть логичным, органичным.

Сегодня вычислительная машина участвует в составлении годовых программ работ Главмосстроя, учитывает количество используемого цементного раствора на каждом строительном объекте, «движение» материалов, контролирует ход строительства, решает многие другие оперативные задачи отрасли.

В перспективе — автоматизированное управление всем московским строительным конвейером, начиная от проектирования и кончая благоустройством. Причем управление пообъектное. Так быстрее, надежнее, дешевле.

ГИДРОДИНАМИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

Шел ясной летней ночью по улице человек, и вдруг его чуть не сбил с ног бурлящий поток. Кинулся человек к автомату, позвонил в аварийную службу. Вскоре в диспетчерскую АСУ «Водоснабжение» поступил запрос: «Дайте номер планшета, где произошла авария. Какие номера колодцев?»

Планшеты — это квадраты километр на километр, на которые здесь условно разбит город. Точное место аварии пока, конечно, неизвестно, но зато ЭВМ знает всю картину гидрокоммуникаций на участке. Есть его паспорт. Глубина заложения труб, их длины и диаметры, расположение кабелей, сведения об учреждениях и жилых домах, находящихся здесь (а вдруг рядом больница, оставить без воды которую нельзя ни на секунду), а также о том, когда и кем именно выполнялся профилактический или аварийный ремонт,— все известно компьютеру. «Посовещавшись» с ним, специалист высылает на место аварийную бригаду с четкими рекомендациями.

Семь тысяч километров водных магистралей проложено под Москвой, пять с половиной миллионов кубометров воды расходуется здесь ежедневно, по меркам любого крупного города мира это весьма щедро. Заметим также, что далеко не одинакова потребность в воде отдельных районов, что потребление ее колеблется, даже пульсирует в зависимости от времени суток, дней недели, сезона, погоды, что перепады географической высоты достигают у нас 125 метров, что московский водопровод начал строиться 175 лет назад. Так что полным, планшетным банком данных по городу АСУ пока не насыщена.

Однако для одного из районов Москвы, Зеленограда, автоматизированная система управления водоснабжением уже переживает пору отрочества. Вычислительные машины учитывают здесь расходы воды и электроэнергии, выбирают режимы работы насосных агрегатов, выписывают счета для потребителей, помогают предотвращать и устранять аварии.

Но то, что Зеленоградский район оказался при этом на несколько лет впереди, понять легко. Район построен недавно и по единому плану. Труднее понять и описать всю гидродинамику водопроводной сети города. А в далекие годы ее создания отношения с планами у строителей были весьма непринужденные.

Но, конечно, гидродинамическая модель будет создана. Так же, как и полный банк данных. Ничего, что компьютеры пока не все умеют. Они все умнеют.

В МОССОВЕТЕ

С Леонидом Васильевичем Дербиным, заместителем председателя исполкома Моссовета, мы встретились, когда он готовился узнавать о положении дел в торгующих организациях города.

— Видите,— он показал мне тоненькую папку,— еще недавно она была вот такой пухлой. Одни только сводки, сколько времени уходило на них и у меня и у тех, кто их составлял. А теперь — смотрите.

И Леонид Васильевич развернул небольшое полотно бумаги, «изданное» вычислительной машиной.

— Все очень просто и наглядно. Ну и, конечно, дисплей, неизменный наш помощник. Хотите спросить его о чем-нибудь?

— Хочу... Например, ...какова цена на лук на московских рынках?

Откровенно говоря, я хотел поставить информационную систему в тупик.

— Пожалуйста, вот вам цены на лук, вот на картофель, помидоры, огурцы, морковь, капусту.

— А цены на те же продукты в магазинах?

— Пожалуйста.

— А цены на те же продукты в магазинах и на рынках в этот же день прошлого года?

— И это мы можем.

Каковы запасы, как идет поставка различных товаров, как спланировать распределение основных продуктов питания в городе? ЭВМ — первый помощник.

Июль — август. Покупатели стали брать больше сахара. Все понятно, и к этому готовы: начался сезон варенья. А у компьютера во все времена напряженный сезон.

Я произношу восторженные слова о том, как теперь все удобно и хорошо организовано.

— Нет, нет, что вы, далеко не все,— говорит Леонид Васильевич.— Вот, к примеру, пока что передача данных в наш вычислительный центр идет по телефону. Либо так: работники торговли печатают справки на машинках, а потом везут их сюда. Тратится время, допускаются ошибки. Передачу такой информации нужно автоматизировать. Такова предстоящая задача.

НЕ МЕЧТА, А ПРОГНОЗ

Мы продолжили беседу с профессором Ю. М. Черкасовым.

— На сегодня комплекс АСУ «Москва»,— говорит Юрий Михайлович,— дает экономический эффект в семьдесят миллионов рублей. И это немного в сравнении с тем, что мы прогнозируем даже на конец нынешнего пятилетия.

Почему мы говорим, что создаваемая система не имеет аналогов? Прежде всего потому, что столь крупная задача, как управление таким городом, решается комплексно. Здесь любая отдельная задача управления непременно оказывается связанной с другой, а та с третьей...

Давайте остановимся на здравоохранении, ведь человек — это всегда самое главное. Итак, в Москве сейчас около ста двадцати тысяч больничных коек. Уже в этой пятилетке мы намерены создать единую информационную систему коечного фонда города. Больной с его диагнозом будет направлен туда, где ему окажут быструю помощь.

Или несчастный случай на улице. За пострадавшим приедет та машина, которая в данный момент ближе других к месту происшествия и при этом оборудованная с учетом специфики травмы. Но вот неожиданная сложность с диагнозом или методом оказания скорой помощи. Полученные на месте обследования данные направляются по радиоканалу в вычислительный центр, откуда немедленно приходят и диагноз и рекомендации по дальнейшим действиям врача в автомашине.

О важности единого информационного фонда по аптекам города и говорить, наверное, не стоит. Но банк данных будет и здесь.

Банк данных по трудоустройству уже есть. Теперь можно обратиться в бюро по трудоустройству, где вам дадут полученную с помощью ЭВМ информацию, куда можно поступить на работу.

Гостиничное хозяйство. Уже сегодня в московские гостиницы стало неизмеримо легче устроиться, чем в былые времена. Вы считаете, дело здесь в том, что гостиниц стало больше? Это верно. Но не менее важно и то, что значительно улучшилось информационное обеспечение внутри самого гостиничного хозяйства.

Обмен жилья. Сколько недель, месяцев тратят люди! Как можно здесь без вычислительной техники? «Электронная сваха»? Я — за!

Очень много вспомогательных операций: уборка улиц, мытье витрин магазинов, погрузка и разгрузка товаров. Но город без этого жить не может. Предстоит все максимально автоматизировать.

Лет этак через двадцать будет создана абонентская вычислительная сеть города, подчеркиваю: для отдельных граждан. Человек, будучи дома, подключится в сеть и сделает любые сложные расчеты. Либо, если угодно, потребует для чтения любую книгу из хранилища, соизмеримого по объему с фондами Ленинской библиотеки.

В общем, жизнь станет совсем иной,— улыбнулся Юрий Михайлович.

И это была не мечта. Это был прогноз.

УЛЬТЕ—ГОРОД МОСКВА

гастроли

Ирина
ПИРОГОВА

ВЕРНОСТЬ ПОЗИЦИИ

В Московском театре на Таганке давали пьесу из современной крестьянской жизни. Публике следовало проходить в зал... через сцену.

Замысел, очевидно, состоял в том, чтобы «окунуть» зрителей в атмосферу русской избы, чтобы они убедились: и хомут, и икона, и деревянное ведро с водой — да все вообще предметы крестьянского быта — все это настоящее, без подделки.

Ход, весьма эффектный, был рассчитан, однако, на людей, никогда в деревне не бывавших и потому готовых смотреть на всамделишные чугуны и ухваты как на некую экзотику.

А когда экскурсия зрителей по сцене завершилась, когда начался спектакль, я почему-то все думала о вещах, которыми окружили актеров художники и режиссер: кому принадлежал нехитрый ларь, сработанный сельским умельцем? Кто носил старенькое коромысло или просил бога о милости перед той иконой?.. И подумалось мне тогда, а теперь я просто убеждена, что вещи в спектакле переиграли людей.

Вспомнилось же виденное на вовсе не похожем спектакле «Человек и человек», которым открыл свои шестые московские гастроли Таллинский академический театр драмы имени В. Кингисеппа.

Театр скромно обозначил свое произведение как сценическую композицию по пятой части романа-эпопеи «Правда и справедливость» классика эстонской литературы Антона Таммсааре. Но эпическая широта и сила национальных характеров, сложность судеб и взаимоотношений позволяют назвать спектакль народной драмой. Сценография Мари-Лийз Кюла лаконична, выразительна. И такому мастеру, как Вольдемар Пансо (он поставил этот спектакль девять лет назад), не пришлось прибегать к каким-то особо оригинальным «приемам», чтобы убедить в достоверности происходящего зрителей. Со сцены дышит сама жизнь эстонского крестьянства во всей ее строгой самобытности. Здесь не «играют». Здесь, на хуторе Варгамяэ, мы встречаем двух суровых и сильных духом людей. Это Андрес (Хейно Мандри) и Пеару (Рейн Арен). Они отдали земле все: силу, молодость, надежды — и теперь больше всего озабочены тем, чтобы и дети их и внуки достойно продолжили их дело, их честное имя.

Все они тут очень разные: старики Андрес и Пеару и молодые их потомки.

Кажется, что перед нами повседневная, будничная жизнь. Но за ней встает главное, что объединяет этих людей,— верность родной земле, стремление жить по правде, органическое неприятие бесчеловечности, подлости и насилия, так ярко сконцентрированного Р. Трассом в образе Оття, очень напоминающего потенциального фашиста. Но прежде всего хочется назвать имена тех актеров, которые силой правды и мастерства делают спектакль уроком нравственности и гражданственности. Это, конечно, Хейно Мандри и Рейн Арен; Ита Эвер (Марет) и Мээли Сёэт (Ида); это Тыну Аав, играющий Ээди — взрослого сына Пеару... Сцена, где Ээди уходит в реку, свершив правосудие и убив Оття, потрясает.

Не сломиться в испытаниях, а обрести силу духа в жизни, в тех, кто твой друг,— вот о чем рассказывает «Человек и человек».

Философский образ обновления земли, осушенного болота напоминает о том главном долге, который в той или иной форме стоит перед каждым из нас. Тут именно видятся отчетливые поиски нравственного идеала, осознание того, как прекрасно делать добро другому, нести помощь.

Театр добивается успеха, сохраняя свои лучшие традиции: стремление к большим, значительным по теме произведениям, интернационализм, острый интерес к нравственному состоянию человека. И особенно радует ответственное и бережное отношение коллектива к русской классике, о чем свидетельствует «Живой труп» Л. Толстого, поставленный рижским режиссером А. Шапиро.

Верность есть верность, но вовсе она не отрицает поиска. И снова хочется вспомнить разные «оригинальные переосмысления» классики. Хотя бы недавних чеховских «Трех сестер» в театре, с которого начался этот разговор,— случай, увы, не единичный в сценической практике обращения с произведениями авторов, которые уже не могут сами постоять за себя... Тем более радостно видеть спектакль, стремящийся сберечь «и дух и букву» толстовской драмы, одновременно привнеся в нее свое личностное, духовное отношение к характерам и судьбам людей...

Осуществляя постановку «Живого трупа», театр, быть может, сознавал, что не все творческие задачи им разрешены. Иные же просто не доведены до конца. К примеру, сцены с цыганами труппе оказались словно бы не по характеру, и даже красавице Маше (Элле Кулль) не удалось передать то завораживающее волшебное «нечто», что так влекло к цыганам Федора Протасова, мучительно отыскивающего внутреннюю свободу. Фонограмма вместо «живых» песен, неточно поставленные танцы, некоторая скудность оформления гостиных, странные манеры князя Абрезкова, который свой цилиндр опускает на пол, или неумеренно яркий наряд Лизы — все это, конечно, издержки... Но в спектакле есть главное. Есть Федя Протасов с его неугасаемым душевным благородством, с его отчаянными поисками правды. Поисками самого себя.

Микк Микивер, играющий главную роль, вначале представляется слишком скованным, статичным, слишком погруженным в свои проблемы, чтобы тонко чувствовать и страдания других и ложь других, как это мы привыкли видеть в Протасове; он не кажется крупной личностью. Но Протасов — Микивер очень близок нам по своей способности воспринимать сложнейшие коллизии жизни. Реагировать на них сдержанно. Быть может, даже рационалистично. Он напоминает иных нынешних людей... Однако огромный душевный взрыв в третьем акте как бы подготовлен предыдущей замкнутостью и кажущейся подчас глухотой Протасова — Микивера. Душа героя выплескивается наружу, и мы видим его во всей чистоте и силе нравственного богатства. Видно величие души, сделавшей выбор. И возвысившейся над трагическими обстоятельствами судьбы.

В этом спектакле тоже много интересных и убедительных актерских работ: это Мари Лилль (Лиза Протасова), Ита Эвер (мать Лизы), Лисл Линдау (Каренина), Хелле Пихлак (Саша), Рейн Арен (Александров)...

Ансамблевость, как и умение героя жить на сцене единым дыханием с партнерами, в то же время позволяя герою быть самим собой,—это, как уже говорилось выше, одно из примечательных свойств коллектива таллинцев. Еще одно доказательство тому — «Кругосветное путешествие» Айгара Вахеметса — спектакль, тоже ставший как бы визитной карточкой театра, ибо здесь мы знакомимся с Виктором Кингисеппом, чье имя носит театр,— идеологом и практиком эстонского революционного движения. Мы узнаем его, когда он приезжает в поместье Германа фон Кайзерлинга (сосредоточенно и углубленно сыгранного Мартином Вейнманном). Приезжает на суд, который крестьяне устраивают над своим бывшим господином... Тут скрестились пути и взгляды философа-метафизика, проповедующего уход от борьбы своего времени в область абстракций, и яростного революционера-ученого, беспощадного к врагам, пожертвовавшего уютной тишиной кабинета ради любви к своему обездоленному народу. Кингисепп Мати Клоорена чем-то напоминает Ф. Э. Дзержинского. Но здесь нет усилий гримера; Кингисепп полон внутренней энергии, стремителен, зорок и сдержан одновременно. Вокруг него возникает своеобразное силовое поле. И диалог, вернее, спор Кингисеппа и Кайзерлинга о путях, которыми пойдет мир,— спор, который мог бы превратиться в некие риторические умозрительные упражнения, обретает страсть и напор живой жизни.

Спор этот идет в присутствии крестьян, призванных, по существу, решить вопрос жизни графа... Молчаливы эти крестьяне. У них в пьесе даже нет имен. Но благодаря актерам Айну Лутсеппу и Рейну Коткасу они наполняют горячей кровью спектакль, который без огромной их самоотдачи не смог бы так ярко высветить главную тему: только революция может раскрепостить сознание народа, пробудить высшую гуманность и благородство, веками убиваемые в нем бесправием.

В «Кругосветном путешествии» Микк Микивер — постановщик спектакля и главный режиссер театра — снова заявляет о себе как достойный продолжатель идейных и творческих устремлений Вольдемара Пансо, способный определить и поднять большие социальные проблемы, развивая психологический реализм, подлинную народность театра.

Однако нельзя не заметить, что не всегда поиски этого интересного художника венчает результат бесспорный. Иногда, стремясь уйти от хрестоматийного толкования пьесы, придать ей, на свой взгляд, современное звучание, Микивер прибегает к слишком неожиданным ассоциациям, к произвольной перегруппировке внутренних сил произведения, к несколько, я бы сказала, насильственным акцентам. Так случилось в поставленном им «Гамлете», на первый план в котором, по существу, выдвинут Клавдий в исполнении Микивера, а Гамлет становится как бы одним из участников этого трагического хоровода, страдающим, беспомощным участником. Тут есть о чем поспорить. Хотя в искренности творческих побуждений (и заблуждений) режиссера сомневаться оснований нет.

По-настоящему радует главное: театр живет ярко, мощно, как жил и работал, сражался за революцию человек, чье имя носит этот прекрасный творческий коллектив.

В роли Протасова — Микк Микивер.

«Человек и человек».

Фото А. Зубкова

ИСТОРИЯ БЕЗ ГЕОГРАФИИ

«...Точно такая же история случилась и у меня. Я живу в Москве недалеко от вновь выстроенного Дома быта. Принесла туда ручной пылесос, прошу отремонтировать. А мне говорят: «Поезжайте с вашим пылесосом...» И дают адрес. Другой конец города. Несколько остановок от метро «Таганская». Представляете, каково мне в 76 лет тащить даже ручной пылесос в такую даль? Пенсионерка Б. Зонгер. Москва, Каляевская, 5.

Таково одно из писем, полученных редакцией после опубликования в № 27 репортажа «История с географией», — речь шла о недостатках в организации ремонта бытовой техники: приходится ездить из конца в конец большого города, чтобы отремонтировать электромясорубку или стабилизатор к телевизору.

А случается в домашнем быту и такое, что ни в одной мастерской тебе не помогут, хотя ремонт требуется пустяковый. Москвич Н. Татаринов справедливо негодует:

«Стерлись заклепки у ручки чайника, а сам он в хорошем виде. И вот нигде, ни в одной ремонтной мастерской не поставишь новых заклепок. И в продаже их нет. Как же так — в космос летаем, а заклепку поставить не можем?! В мастерских отвечают: «Не предусмотрено расценками и планом работ. Клепайте сами».

Требуются ли тут комментарии?

Читатели вышли за пределы службы ремонта бытовой техники. «В Мурманске 25 пошивочных ателье и всего одно ателье — «Рыбак», — где «можно» покрыть цигейку материалом», — негодует Б. Аранович. Автор не случайно слово «можно» взял в кавычки: срок исполнения заказа — полгода.

Л. С. Сыч из Днепропетровска переносит нас из сферы ремонта бытовой техники в сферу «ремонта»... человека

«В статье «История с географией» вы употребляете слово «лечат» в кавычках. Пожалуйста, раскройте кавычки и тогда поймете, о чем пойдет речь в моем письме. Я жительница Днепропетровска, его отдаленного района, жилмассива Игрень. Существует у нас на Игрене детская консультация, до которой нужно добираться двумя автобусами с интервалами движения 20—30 минут. Это только консультация. А вот если маленькому пациенту, скажем, двух лет, потребуется врач-специалист узкого профиля? Вернемся вновь к вашей статье: «...У нас специализация, — с гордостью было объявлено мне...» Вот с такой же гордостью скажут об этом вам и в нашей детской консультации. Например, к врачу-дерматологу вы должны будете поехать совсем в другой район, и тоже с пересадками. Если повезет с транспортом, то за 1,5—2 часа сможете туда добраться. Вы скажете: кроме общественного транспорта, существуют такси. Совершенно справедливо. Правда, таксисты — народ привередливый (это уже другая тема), но если вам повезет и вас повезут, то за удовольствие прокатиться в такси только в один конец вы уплатите 4 рубля (по счетчику). А если у вашего малыша заболит горло, то его придется везти (опять же с пересадками) совсем в другую сторону, в район, который еще недавно считался совсем другим городом — Приднепровском. Опять пересадки, опять нудное ожидание автобусов...»

Но вот история «без географии», о которой хочется поговорить подробнее. Москвичка Н. Лебедева сочла нужным послать нам, так сказать, для размышления, копию своего письма министру бытового обслуживания РСФСР тов. И. Г. Дуденкову. Читаем строки, исполненные горечи, большой обиды...

«В своем интервью ко Дню работников жилищно-коммунального хозяйства вы сказали следующие «золотые» слова: «Чтобы создать удобства для заказчиков... мы постоянно думаем... чтобы они могли получить разнообразные услуги с минимальными затратами времени и сил». А почему вы ничего не сказали о затратах нервов и вообще здоровья при получении этих «услуг»? У нас за последние десять лет скопились сломанные кофемолки, тостер, часы настольные и т. д. Пытались как-то починить все эти приборы, да неизвестно где, а если известно, то большие очереди. Поставили все в кладовку, решив, что и без этого жить можно. Но сейчас у нас испортился холодильник. Мы живем на Кутузовском проспекте, дом 2/1, а мастерская бытовых приборов находится на Кутузовском, 24. Близко! 23 июня вызвали мастера. 25-го он пришел, повытаскивал внутренности холодильника, определил причину, взял по квитанции 6 рублей и сказал: «Все это — мотор и агрегат — доставляйте своими силами, можете на троллейбусе»... Мой муж—участник войны, имеет три тяжелых ранения (перебита правая рука, пробито легкое — осколок и сейчас там). Последствия войны — язва желудка, радикулит, грыжа, эмфизема легких, гипертония и т. д. Ему нельзя поднимать более двух килограммов. Он персональный пенсионер союзного значения, заслуженный геолог РСФСР, ветеран труда. Мы позвонили в мастерскую и просили помочь нам. Ответ был краток: «Шофер в отпуске, машины нет». С большим трудом 26 июня взяли такси — до мастерской рукой подать, шофер везти отказывался, пока не уплатили ему, как за дальний рейс! Муж этот тяжелейший холодильный агрегат с мотором потащил до такси и от такси в мастерскую (мастерская во дворе, и заехать туда нельзя). В мастерской сказали, что отремонтируют... к 8 июля. Мы стали просить, нельзя ли пораньше, муж даже ссылался на свои заслуги и на льготы, которые он в этой связи имеет. К 3 июля сделали. Опять брали такси, опять инвалид тащил эту непомерную тяжесть... Мастер, сказали, будет 8 июля. Приемщица трясла множеством квитанций и очень нехотя написала на нашей квитанции о льготах, на которые имеет право мой муж. Что же это такое, товарищ министр? Неужели у вас никто не воевал?

Прошу вас ответить мне по существу, а если хотите, то я вам расскажу и о химчистке, и о парикмахерской, обувной мастерской, и еще о массе неприятных вам вещей. 6/VII 81 года».

Получив это письмо, редакция связалась с автором. Нина Павловна все еще не могла прийти в себя от холодильниковых мытарств, длившихся почти две недели. В условиях московской жары это уже было ЧП. В беседе со мной Лебедева не сетовала на цену услуги — ремонт стоил 70 рублей, одна пятая стоимости холодильника. Досадовала на высокую «цену» потерянного мужем здоровья, потрепанных его нервов, огорчений, доставленных людьми бездушными, черствыми. История холодильника Лебедевых не связана с «географией» — повторяю, мастерская почти рядом. Тем больше оснований для тревожных раздумий.

Лебедева рассказывала нам: «Я умоляла кого-нибудь из работников мастерской, крепких молодых людей, приехать к нам — это же рядом, рукой подать! — и помочь доставить тяжеленный агрегат в мастерскую. Взывала к их сердечности: «Муж болен, пострадал на войне. Я уплачу за услугу». Ответ был краток: «Машины нет, доставляйте сами».

Слушая Лебедеву, я невольно задавался вопросом: почему же «левый мастер» (зачастую это тот же работник мастерской) за соответствующую мзду ремонтирует холодильник за один вечер и сразу находятся у него и машина и нужные запчасти, а главное— в избытке вежливость, предупредительность («Вы, хозяюшка, занимайтесь своим делом, я тут все сам...»).

Ну, а как же ответ министра на жалобу Лебедевой? Ответ пришел. Точнее, пришла копия письма начальника Главного управления ремонта бытовой техники тов. Б. Фишмана в Управление бытового обслуживания населения Мосгорисполкома — туда переслана жалоба Н. Лебедевой с просьбой «внимательно разобраться... и принять меры к наведению должного порядка в организации обслуживания населения услугами по ремонту бытовой техники». А вскоре (опять же под копирку) Лебедевы получили лаконичную справку заместителя генерального директора «Мосгоррембыттехники» тов. А. Дубовицкого, из которой следует, что закрепленная за мастерской машина с 22 июня по 3 июля находилась в ремонте. И все. Коротко и... не ясно. Ну, а где же уважение к уважаемому человеку, где так и напрашивающиеся в сложившейся ситуации слова — тут копирка не подходит: «Извините, обидно, что так получилось, ваше письмо обсуждалось в мастерских...»?

Я уже слышу полный удивления (а может, и гнева) голос А. Дубовицкого: «А за что извиняться, что обсуждать?..» Позвольте ответить. По инструкции, конечно, все правильно: «Машина в ремонте». Лебедевым говорили: «шофер в отпуске, доставляйте агрегат сами». Ну, а если действовать не по велению инструкции, а по совести, по-человечески, по законам нравственности, повинуясь человеколюбию, душевному порыву — старый, заслуженный человек, с осколком снаряда в легком, эхо войны! Нельзя ли все же помочь ему в беде? Как сообщает А. Дубовицкий, завод «Мосремэлектробытприбор» (это его мастерская № 51) обслуживают 25 автомашин. Неужели так сложно было «выкроить» на часок машину соседней мастерской и не заставлять старого, больного человека самому тащить тяжелый агрегат?

Да при подобных экстремальных обстоятельствах не грех и кому-то из работников мастерской помочь поднести агрегат от такси и в такси. И еще: 3 июля машина вышла из ремонта. 3 июля Лебедев пришел за агрегатом. Допускаю, что в тот час машина еще не вступила в строй. Так скажите же об этом старику: «Потерпите час-другой, и мы сами доставим агрегат вам». Не сказали! По инструкции все, что положено, сделано. Думается нам, не лучшим образом выполнил А. Дубовицкий поручение министерства: «**внимательно** разобраться с изложенными в письме фактами». А тов. Фишман, получив формальную отписку, счел «дело закрытым».

Мы не случайно так тщательно препарировали всю эту историю. Уж больно типичны симптомы болезни, которой страдают иные работники индустрии быта: равнодушие, нехватка человечности.

«Заклепки расценками не предусмотрены...» «Сделано, как положено...» Но, кроме «положено», есть и другое понятие — «должно». А чтобы сделать, как должно, по совести, требуется чуть больше, чем предусмотрено официальной инструкцией. Да, по инструкции не обязан, а по законам социалистической нравственности должен, обязан!

В современной технике (те, кто ремонтирует электробытовые приборы, это знают) отступление от нормы на микрон — брак! Так нельзя ли отсчет меры требовательности на чуткость, заботливость, добросердечность тоже вести в микронах? И тут не могу не вспомнить слышанный мною рассказ об участковом враче, который пришел к больному, беспомощному, старому, одинокому человеку, инвалиду войны. Выполнив врачебный долг, он счел нужным выполнить и долг гражданина, совестливого человека: доктор пошел в магазин, купил молоко, хлеб и принес старику. Задумайтесь над этой историей, товарищи из мастерской № 51 (и многих других). Задумайтесь и сопоставьте...

...В почте «Огонька» есть письмо заместителя начальника Управления бытового обслуживания населения Москвы тов. М. А. Корзюкова.

«Статья «История с географией», опубликованная в журнале «Огонек» № 27 за июль 1981 года, была рассмотрена на заседании коллегии Управления бытового обслуживания населения Мосгорисполкома. Отмеченные в ней недостатки в обслуживании населения признаны правильными.

Коллегией рассмотрен ход выполнения производственным объединением «Мосгоррембыттехника» мероприятий по организации комплексного обслуживания населения услугами ремонта бытовой техники. Намечены меры по устранению имеющихся недостатков в обслуживании населения.

Ремонт мясорубок «Страуме» с 1 августа 1981 года будет осуществляться в восемнадцати мастерских, расположенных в различных районах города. По мере возрастания спроса на их ремонт количество мастерских будет увеличено.

С этого же времени прием в ремонт стабилизаторов напряжения и трасформаторов, кроме мастерской по Селезневской ул., д. 34, будет осуществляться дополнительно в пяти мастерских, о чем население будет проинформировано».

Наше внимание привлекла в этом ответе одна фраза: «Намечены меры по устранению имеющихся недостатков в обслуживании населения». Хотелось, чтобы при этом были учтены и те нравственные проблемы, о которых идет речь в публикуемом обзоре писем читателей. Думается, что парткому завода «Мосремэлектробытприбор» следовало бы хоть с опозданием, но вернуться к письму Н. Лебедевой, чтобы повести разговор не только о нехватке запасных частей, площадей, транспорта, но и о нехватке совестливости. Она ведь тоже оказывается в дефиците у иных работников службы быта. А служба эта особенная, и успехи ее люди оценивают не только количеством оказанных услуг, но и критериями нравственными.

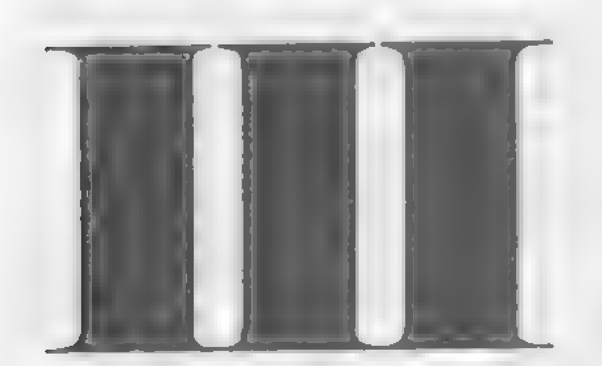
Л. ЛЕРОВ

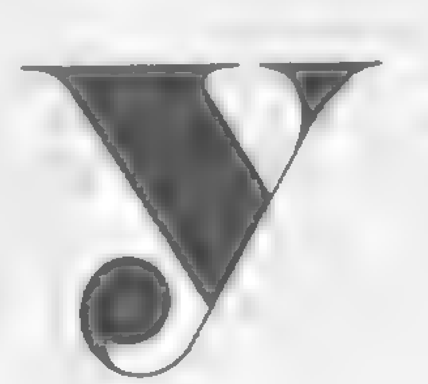

Сергей **ВЛАСОВ**

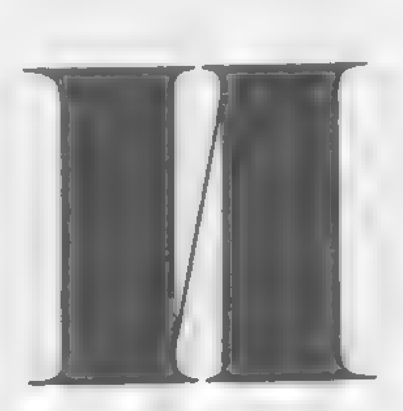
РАССКАЗ

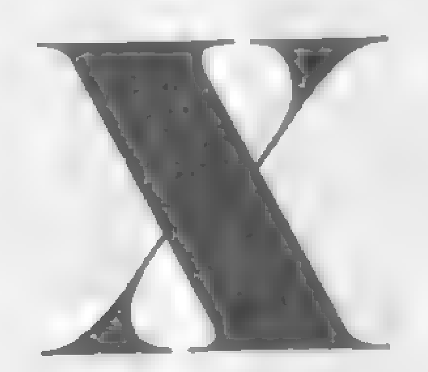
Рисунок П. **КАРАЧЕНЦОВА**

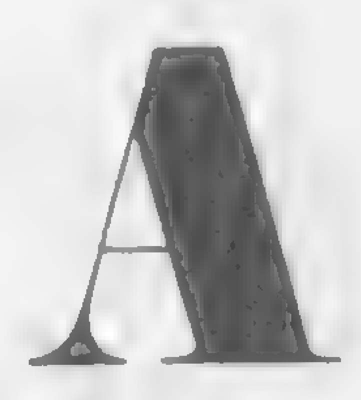

Сколько Андрюша себя помнил, почти всегда его преследовало смутное чувство вины. Вины не только перед людьми, животными, но и перед неживыми предметами. Даже перед тротуаром, по которому шел, стараясь переступать через трещины в асфальте; даже перед трамвайным вагоном (обычно почему-то больше перед вторым); даже перед высыхающей на солнце лужей...

Может быть, кто-то назвал бы это болезнью, если бы Андрюша рассказал ему о своих чувствах, но он никому не рассказывал о них.

Он мечтал стать писателем. Большим писателем. Быть обыкновенным, средним — кому это надо! Когда он читал слабый роман или повесть, он чувствовал себя виноватым перед автором. Он не хотел, чтобы кто-то, читая его вещи, испытывал нечто похожее. Вот откуда, вероятно, взялась его уверенность, что писателей, как и поэтов и художников, должно быть очень мало — двадцать, ну тридцать, не больше — и люди должны боготворить их и верить им, как в старину верили прорицателям.

В свои семнадцать он успел о многом подумать. Иногда его навещали мысли нешуточные, и он записывал их в большую красивую тетрадь. За два дня до первого экзамена на филологический его угораздило открыть ее и перечитать. Дочитав до конца, он с тоской понял, что слова сухи и совсем не трогают его теперь, а значит, решил он, не тронут они и никого другого.

Жизнь рушилась на глазах. И сделать уже ничего было нельзя. Он захандрил. Вместо того, чтобы готовиться, целыми днями лежал на диване или шагал по комнате и терзался, в чем находил, впрочем, и некоторое удовольствие.

Первый экзамен, как ни странно, сдал на «пять»; на второй не пошел, матери сказал, что срезался, и расстроенная мама телеграфировала бывшему своему мужу, Лохову, который жил в деревне на Нижней Волге, чтобы встречал сына.

Двадцать лет назад Лохов вернулся с войны инвалидом: гусеницей танка отдавило обе ступни. Пришлось ампутировать. На левой — треть ступни, на правой — половину.

Через год он женился на красивой двадцатилетней девушке Анне. Лохов был первый мужчина, которого она целовала. Он предупредил ее, что детей пока не хочет, она не согласилась. Ссорились долго. Лохов кричал, что не для того он четыре года ходил в обнимку со смертью, чтобы теперь нянчить ребенка, что он хочет пожить хоть немного для себя... Анна родила Андрюшу уже в Москве. Сначала жила у тетки. Потом ей с сыном дали комнату. Последние два-три года Лохов все настойчивее звал Андрюшу к себе в деревню на каникулы.

* * *

С первых же минут Лохов проявлял редкую заботу о сыне, всячески пытался ему угодить, во всем с ним соглашался, но это ничуть не сблизило их. Они по-прежнему оставались чужими.

Отношения с отцом тяготили Андрюшу. Не прошло и недели, его уже тянуло домой. Неожиданно для себя он решил ехать на Зеленый (как называли его в деревне) остров, что лежал в километрах десяти выше по течению. Как отец ни отговаривал его, он все же взял старую, выцветшую палатку, три буханки хлеба, кулек картошки, еще кое-что из самого необходимого и направился к пристани. Увидев идущего за ним отца, Андрюша попросил:

— Не провожайте меня. Я сам...

— Как же, пешком, что ли?

— Кто-нибудь подбросит. Пожалуйста, не ходите.

Он обращался к отцу на «вы», хотя тот и просил говорить ему «ты».

— Иногда, знаете,— пояснил Андрюша,— бывает такое состояние, когда очень хочется побыть одному. Понимаете?

Лохов вроде бы понимал. Но оставлять одного мальчишку, который первый раз появляется в этих местах... Он немного подождал и заковылял к пристани. На своих культях, обутых, как и всегда, в резиновые сапоги, он дошагал не скоро. Притаился за яром, откуда были видны нестройный ряд прикованных к берегу лодок и одинокая фигурка Андрюши, маячившая между ними.

«Ох, горяч»,— думал о сыне Лохов, спускаясь по крутому берегу к реке, где стояла его лодка. Сейчас ему почему-то вспомнился Сталинград. Тогда, в сорок втором, он считался уже бывалым солдатом. А было ему двадцать лет. Вспомнился горячий и задиристый перед боем молодой паренек, который при виде надвигающейся стены танков выскочил из окопа и, обхватив руками голову, побежал назад, подальше от этого ужаса. Лохов кинулся вслед. Рискуя быть подстреленным, повалил парня наземь, дал раза два по уху, подождал, когда в глазах появится нечто человеческое, проговорил: «Ну, вот тебе и боевое крещение. Коли сейчас не убил немец, то, знать, не скоро теперь убьет...»

* * *

Место на Зеленом острове они выбирали недолго. Якорь бросили у высокого берега. Андрюша ринулся наверх и закричал оттуда:

— Как здесь здорово! И никого, ни одной души! Идиллия! Только Пятницы не хватает.

— Дак ведь завтра же.

Андрюша засмеялся:

— А вы «Робинзона Крузо» не читали?

— Слыхивал только.

— Ничего, это поправимо. Неделю можете не приезжать,— возбужденно кричал Андрюша,— рыбы я всегда поймаю, а все остальное у меня есть. Немного похудею если, так не беда. После московского обжорства... Меня мать запичкала витаминами.

— До следующего четверга, значит? А не страшно?

— Это же остров. Ни зверей, ни людей нет — бояться некого. Разве что комаров, так на этот случай у меня топор есть...

Возвращаясь, Лохов думал о том, что Андрюша не выдержит и двух дней в одиночестве, и поэтому решил приехать на остров послезавтра.

Очень скоро «Робинзон» пожалел, что выбрал место для лагеря так поспешно. Через пять минут его ноги до щиколоток были покрыты сплошным слоем муравьев. Сначала он обнаружил муравейник возле того места, где хотел ставить палатку, а потом увидел, что вся земля под деревьями испещрена муравьиными норками. Не было их только у самого берега. Здесь, на обрыве, он и поставил палатку.

* * *

Всем своим широким телом река упиралась в этот высокий обрыв, который отбрасывал ее влево. Став после поворота еще шире, река более плавно омывала все понижающийся берег. Где-то там, вдалеке, он оканчивался желтой полоской косы с темными пятнами кустов, которая, казалось, пересекала реку, как шлагбаум перекрывает дорогу.

День ушел на устройство. Скамейка, столик из выброшенных рекой досок, палатка, полог от комаров. Работать с деревом он любил. И сейчас, строгая, орудуя пилой и молотком, испытывал наслаждение, какого не испытывал давно. Вечером, когда спáла жара, Андрюша решил обследовать окрестности. Он шел по самому берегу, шлепая по воде босыми ногами и перепрыгивая через торчащие из земли обнаженные корни деревьев. Но вот на его пути оказался такой большой завал корней и веток, что обогнуть его можно было только вплавь.

Выходя на берег, он почувствовал, что вода течет в обратную сторону, и это немного испугало его, как пугает человека все неведомое и необъяснимое. Он бросил в воду щепку, ее понесло в сторону, противоположную течению реки.

«Вот так штука! Куда же течет Волга, влево или вправо?»— спрашивал себя Андрюша. Он присмотрелся, теперь широкая водная гладь не казалась столь спокойной. Где-то там, на середине, река катилась плавно, слегка вздрагивая от ветра; ближе к берегу это была уже другая река — она бурлила сотнями водоворотов и завихрений, как бы нервничала, улаживая свои непростые отношения с берегом; а тут, на самой мели, земля будто притягивала воду, гнала ее в обратную сторону, и воде уже не хватало сил сопротивляться этому притяжению, и она некоторое время устало текла вспять, но потом, словно опомнившись, отталкивалась от какого-нибудь едва заметного мыска, поворачивала сперва к середине, а затем, подхваченная основным потоком, с облегчением бурля и играя, неслась туда, куда ей было предписано природой.

Он прошел еще немного. Неожиданно в глубоком изгибе берега ему открылось желтое поле песка, огромным плавным амфитеатром спускающееся к воде. Андрюша невольно приостановился. Он непременно побегал бы по этому песку, кое-где еще сохранив-

шему едва заметную волнистость, повалялся бы на нем, зарылся бы в него, если бы на него не смотрели сейчас четверо молодых людей — две женщины и двое мужчин,— сидящих в глубине пляжа на покосившихся ящиках. Невдалеке Андрюша заметил оранжевую с синим палатку, стоявшую, как и его палатка, на краю высокого берега.

Эти четверо, перестав играть в карты, откровенно рассматривали Андрюшу. Мимо них он решил пройти с независимым видом, молча, как это делается в городе, где людей замечать не принято. Он прошел было мимо, но что-то остановило его, он свернул, чтобы все-таки сказать им «добрый вечер», и вдруг услыхал первые за весь день человеческие слова:

— Долго вы еще будете здесь маневрировать?

Андрюша подумал, что эти слова — продолжение их разговора и что говорящий пересказывает реплику, брошенную кем-то еще, посторонним, но когда оторвал глаза от песка и увидел, что все четверо смотрят на него, понял, что вопрос этот обращен к нему, и опешил. Не оборачиваясь, будто не слышал этих слов, он побрел прочь, но тот же голос догнал его:

— Я ведь вам говорю, юноша... Долго ты еще здесь будешь маневрировать?

Андрюша совсем растерялся, он не знал, что ответить и нужно ли вообще отвечать. Он коротко обернулся, но не сумел выдержать холодного и насмешливого взгляда. Он шел, негодуя больше всего на собственную неспособность поставить на место хама, циника, нахала... Все эти слова вертелись у него в голове, и любое из них готово уже было сорваться с языка. К счастью, он не успел выбрать наиболее подходящее, а когда наконец решился бросить им «Разве так можно, люди?», он отошел уже так далеко, что в его запоздалых словах можно было заподозрить что-то трусливое...

Андрюша брел понурив голову, ничего не замечая вокруг себя. Он дошел до песчаной косы и только тут подумал, что ему предстоит возвращаться обратно, а значит, снова идти мимо них. Он решил обогнуть их лагерь, но тут же спохватился. «Ты струсил»,— стыдил он себя. Нет, он вернется той же дорогой, пройдет таким же неторопливым шагом и... А что «и»? Как он себя должен вести? И тут ему показалось, что все случившееся там, на огромном песчаном пляже, ему пригрезилось. Ведь не может же человек быть таким мелочным, злым и ничтожным! «На всем острове нас всего пятеро, а они!..»

Андрюша почувствовал такую тоску и разочарование, что ноги его как-то вдруг ослабли, он сел на мокрый песок и, может быть, долго бы так сидел, ругая себя, но пришло спасительное: «А ведь они жалеют уже о своих словах. Ну, конечно, жалеют!» Он вскочил на ноги и быстро зашагал по берегу.

Увидев их, по-прежнему играющих в карты, он пошел медленнее и стал соображать, что же все-таки им скажет, но так ничего и не придумал. Он сдержанно улыбнулся им и слегка кивнул. В ответ услышал:

— Что же вы не удовлетворите нашу жажду познания природы человеческой?.. Где же ответ на вопрос, который был задан вам уже дважды?

Андрюша обернулся и, сам, может быть, того не желая, плюнул через плечо.

Тот, что задавал вопросы, кинулся было вдогонку за Андрюшей, но его остановили.

Андрюша этого не видел, он шел, до крови кусая губы от возмущения и недовольства самим собой...

Наутро он проснулся очень рано — еще не рассвело — от тягостного чувства. Сразу же вспомнил вчерашнее, поморщился, как будто лизнул кусочек лимона, и застонал. «Скотина... Но и те тоже хороши»,— подумал он, и от сознания с кем-то разделенной вины ему немного полегчало...

* * *

Начинавшаяся за его палаткой полоса реденького леса, перечеркнув вылинявшее на жаре поле почти по прямой, тянулась от ре-

ки куда-то вдаль, к самому горизонту. Эта даль манила его. Еще вчера днем он решил выследить, куда ведут деревья, и сейчас, не очень сознавая, куда и зачем идет, он шел вдоль этих деревьев. Природа отвлекла и заставила забыть о вчерашнем.

Ему, коренному москвичу, который за всю жизнь и в лес-то заходил раз пять, все здесь было в диковинку. И буйная трава, растущая на сухом, безжизненном, казалось бы, песке; и лохматые деревья, заросшие снизу какими-то светлыми волосами; и обилие чьих-то норок; и бесконечные петли следов — четких, правильных, словно прошел крохотный гусеничный вездеход...

Деревья привели к неглубокому, наполненному водой оврагу, и когда Андрюша вышел из-за них и оторвал глаза от земли, он невольно отпрянул, ахнул и задохнулся, пораженный красотой.

— Господи...— только и сумел вымолвить он.

Перед ним плыл круглый луг.

Посреди высилось десятка два темных скирд, а между ними едва заметно колыхался (поэтому и показалось сперва, что луг плывет) пушистыми легкими хлопьями туман. Луг был в самом деле круглый, словно кто-то очертил его гигантским циркулем и по окружности выставил деревья — сторожить эдакую красоту.

Андрюша перескочил овраг и осторожно, будто по свежевымытому мамой полу, пошел по траве. От тишины у него звенело в ушах. «Надо повесить здесь табличку: «Прежде чем ступить на это поле, вытрите ноги и закройте рот»,— подумал Андрюша и улыбнулся, зажмурив глаза от радости.

Он бродил между скирдами, разгоняя остатки тумана. Запах сена пьянил его. Один раз в жизни, лет десять назад, он спал на сеновале, и теперь этот запах навсегда был связан у него с ощущением детства, сейчас казавшегося ему таким далеким, беззаботным и ласковым.

Край неба, где должно было взойти солнце, сделался совсем малиновым, и вот уже огненная полоса — именно полоса, а не точка, что и удивило Андрюшу,— вспыхнула над горизонтом. Его вдруг повлекло в ту недостижимую даль. Очень захотелось взглянуть за горизонт. Выставив вперед лицо и грудь, как спринтер на финише, он ринулся бежать по лугу. Он кричал, размахивал руками, жмурился, ловил открытым ртом воздух и, наконец, слегка споткнувшись, упал, хотя удержаться на ногах было совсем не трудно, и в изнеможении откинулся на спину. Он смотрел, как голубизна постепенно расползается по небу, вытесняя молочно-серый цвет. Взглянув на солнце, он замер от удивления: только что поднявшееся над деревьями светило казалось не кругом, а эллипсом, приплюснутым сверху и снизу. Уже через пару минут эллипс заметно распух и должен был вот-вот превратиться, как и положено, в круг, но свет солнца стал таким ярким, что смотреть на него было уже невозможно. Солнце словно не хотело раскрывать тайну своих превращений.

Андрюша улыбнулся ему и стал вдыхать красоту восхода.

«Все это принадлежит мне одному, только мне,— ликовал он и тут же встрепенулся: — Разве одному мне?»

Тотчас он вспомнил вчерашнюю историю. Его словно кто-то ударил по лицу.

«Что за мерзкое создание — человек!» — казнил он себя. Он вскочил, глубоко вздохнул, как перед долгим погружением в воду, и побежал. Он спешил к тем четверым. Он хотел сказать им какие-то добрые слова, чтобы они поняли: так нельзя.

— Так нельзя, так нельзя,— задыхаясь от бега, твердил Андрюша.— Я докажу им, что человек создан для красоты и добра и что он не имеет права быть злым. Они поймут меня, они станут другими, как я сейчас на лугу.

Он чуть не споткнулся, когда с тоской вспомнил — который раз за последний год,— что великая мысль: «Мир спасет красота»— пришла в голову не ему первому...

* * *

Уже давно должна была показаться их палатка. Андрюша был уверен, что добежал уже до того места, но палатки не было. «Неужели уехали?» — разочарованно подумал он, глядя на пустые бутылки из-под водки, которые тесной кучей лежали под деревом.

Едва заметная тропка, по которой он шел, вдруг оборвалась в пустоту. Андрюша сделал несколько шагов, отделявших его от кручи, и только теперь, стоя над бурлящей, неожиданно шумной водой, услышал какую-то непонятную возню, ругательства. Все это доносилось откуда-то из-под земли. Откуда именно — он понять не мог. Вдруг раздался жалобный женский крик. Он наклонился и увидел повисшую над водой палатку. Она держалась на единственной веревке, привязанной к дереву.

Брезентовый мешок беспомощно раскачивался. Комки человеческих тел беспорядочно дергались в капкане палатки. С ужасом Андрюша понял, что там идет борьба — за право выбраться наружу. Из палатки высунулась голова того мужчины, который вчера так настойчиво требовал ответа на свой вопрос. Мужчина схватился за веревку, полез наверх. Андрюша хотел помочь ему, попытался тянуть веревку на себя, но у него, конечно, ничего не вышло. Он оглянулся, увидел другую веревку, лежавшую на земле метрах в пяти, бросился за ней.

Едва он успел привязать веревку к своему поясу, как раздался треск, деревце беспомощно качнулось и исчезло с края обрыва. Следом рухнула вниз широкая многотонная полоса земли, где только что стоял Андрюша.

Он забежал сбоку и с изумлением стал глядеть, как земля, подмываемая течением, пласт за пластом то обрывается, то сползает в воду, куда только что упала палатка. На этом месте шумели водовороты, образовывая шапки грязной пены. Покачиваясь, он отошел от обрыва и упал на колени.

«Это ты виноват, ты, ты, ты,— шептал он в исступлении.— Ты виноват в их гибели! Ты!.. Это твоя дурацкая гордость вывела их из себя, заставила их напиться,— наивно рассуждал Андрюша.— Пьяные, они проспали, когда это началось. Если бы ты вел себя вчера иначе, то сумел бы предупредить беду. Ведь нас всего пятеро на этом острове, пятеро!..»

Андрюша стоял на краю обрыва и всматривался в бурлящую воду, все еще надеясь разглядеть в ней палатку. Он слышал под ногами какое-то потрескивание, но не подозревал, что это рвутся корешки растений — последнее, что еще удерживает от обвала землю. Когда она поплыла у него из-под ног, ему показалось, что кружится голова. Он все же успел отпрыгнуть с медленно оползающей кромки, но поскользнулся на траве, упал, ноги его повисли над обрывом, и он почувствовал, что его тянет книзу. Он схватился руками за какой-то куст и уже поверил, что теперь наверняка выберется, но куст медленно пополз из земли, и Андрюша увидел, как посреди травы нервными скачками растет черная трещина и как она движется на него, как обхватывает его и увлекает в бездну.

Последнее, что он увидел,— это была несущаяся на него громада колышущейся земли. Будто он падал не вместе с нею, а летел ей навстречу.

* * *

В то утро Лохов проснулся рано. К сыну он собирался только завтра, но какое-то неосознанное беспокойство заставило выйти на берег, сесть в лодку, завести мотор.

Еще издали он увидел, что с правым берегом творится что-то неладное. Там, где вчера была песчаная полоса, сейчас темным пятном зиял огромный выем. Только теперь Лохов понял, почему сегодня по реке плывет так много грязно-белой пены.

— Это же вертун, бес его размомоты! — пробормотал он и прибавил газу.— Слава богу, сын выше по реке километра на два.

Лохов заметил Андрюшу в тот момент, когда тот, схватившись за куст, пытался выкарабкаться на твердь. Все случилось так быстро, что в падающем человеке Лохов не узнал сына. Те две сотни метров, что отделяли его от обрыва, Лохов прошел на полном ходу.

Земля по всей длине обрыва буквально нависла над водой и готова была в любой момент сорваться вниз. Когда он наклонился над мутным водоворотом и пытался веслом нащупать тело, лысой макушкой чувствовал, как колышется над ним земля, но старался об этом не думать.

Волна от ухнувшей где-то рядом глыбы чуть не перевернула лодку. Лохов оглянулся, кругом никого не было.

«Поиграл со смертью, и будя. Все равно он уже мертв, двое мертвых станет — только того и добьюсь,— убеждал себя он, пытаясь завести мотор.— Пусть рискуют те, кому это положено». Мотор не заводился. Он стал отгребать к середине, и тут весло ткнулось во что-то податливое и мягкое. Лохов стал шарить чуть ниже по течению, куда должно было относить тело. Не нащупав, решил лезть в воду.

Он скинул сапоги, невольно взглянул на свои культи.

— Ничего, сдюжим! — крикнул он, перепрыгивая через борт.

Нырнув в четвертый раз, он локтем коснулся медленно плывущего тела. С трудом перекинув его через борт и перебравшись в лодку, Лохов в изнеможении свалился на дно — не было сил ни встать, ни тем более приводить в сознание утопленника. Тот лежал поперек лавки лицом вниз, вода понемногу вытекала у него изо рта. И тут Лохов понял:

— Сын!

Он бросился к Андрюше, перекинул его через колено и стал трясти что было силы. Потом Лохов вдувал через рот воздух, давил на грудину,— Андрюша не подавал никаких признаков жизни. Лодку относило все дальше от берега.

— Ну же, сынок, очнись, ты ведь живой! — причитал Лохов. В нем вдруг проснулась ему незнакомая отцовская нежность. Страстно захотелось обнять, приласкать, поцеловать сына. Сын был мертв.

Вконец измотанный, Лохов упал головой сыну на грудь и завыл. Сначала тихо, потом все громче. За этим воем трудно было различить судорожный Андрюшин стон, неровный стук его сердца.

Когда Лохов заметил, что Андрюша приоткрыл глаза и силится поднять голову, он в испуге отпрянул — ему показалось, что сходит с ума. Он ринулся к сыну, стал целовать его лицо и руки. В этот миг на земле не было человека счастливее Лохова. И тут он услышал первые Андрюшины слова:

— Это я... я виноват... в их гибели. Это я...

Лохов решил, что Андрюша бредит.

— Успокойся, все хорошо, сынок, все в порядке. Не надо,— успокаивал он сына.— Ни о чем не думай, все глупости, кроме того, что ты жив и что мы вместе.

Нежность к сыну новой волной нахлынула на него. «Вот ведь каверза какая! Вот как шуткует она со мной,— вдруг подумалось Лохову.— Что надо было с нами сделать, чтобы наконец я понял, чего в жизни лишился? Крепко же все мы повязаны...»

— Что это?

Лохов не сразу понял вопрос:

— Ты о чем, сынок? — И, тут же сообразив, поспешно стал объяснять:— Это вертун. Шутиха. Течение такое подводное. Я же тебе говорил, с Волгой шутки плохи. Захочет — срежет берег, захочет — новый намоет...

Через неделю Андрюша был в Москве. Как ни уговаривал его Лохов взять с собой сотню-другую денег, он не взял. Месяц спустя Лохов получил от сына большую посылку, которую тот справил на свою первую получку — он работал теперь на фабрике учеником столяра. В посылке были самые разные рыболовные снасти, среди них лежал потрепанный «Робинзон Крузо».

Всю зиму Лохов писал сыну длинные письма. В них он просил Андрюшу приехать к нему на следующий год.

А. Полюшенко. ВЕТРЕНЫЙ ДЕНЬ. 1980.

А. Полюшенко. ОСЕННЯЯ ТИШИНА. 1978.

ИДУ К ВАМ...

Марина ДМИТРИЕВА

Говорят, что детские впечатления самые сильные. Для Николая Сличенко они связаны с потрясениями военной поры. На глазах мальчика фашисты расстреляли отца.

— Мы рано взрослели тогда,— вспоминает Николай Алексеевич.— После гибели отца я в семье остался за старшего. Помогал маме, у нас ведь росло еще четверо маленьких. Мама моя, Ольга Алексеевна, женщина малограмотная, но она высоко ценила труд. И нам сказала, что мы должны работать, как все. Вот и остановилась как-то наша семья в одном из колхозов Воронежской области.

Навсегда запомнил я нашего председателя Михаила Боброва. Труженик он был великий. Бывало, скажет он нам: «Вижу, что нелегко! Но надо, ромалэ!.. Надо!» И мы шли в поле и работали до седьмого пота. Сейчас, оглядываясь на прожитые годы, хочу сказать: мне удивительно повезло на хороших людей — чутких, умных. Они ограждали от ошибок, от неверных шагов. Они сделали меня человеком... Вот уже тридцать лет я работаю в театре. Но каждый раз перед выходом на сцену страшно волнуюсь. И каждый раз я мысленно говорю себе: «Спасибо, люди. Я иду к вам...»

Мы беседуем с Николаем Алексеевичем у него дома. Множество афиш, фотоснимков, кинокадров... Здесь же фотографии Тамиллы Агамировой, жены Сличенко. Зрители знают ее не только по спектаклям театра «Ромэн», но и как исполнительницу главных ролей в кинофильмах «Дон-Кихот», «Ее большое сердце», «Настоящий друг», «Кубинская новелла».

На рабочем столе актера сотни конвертов; на некоторых — адрес просто невероятнейший: Москва, цыгану Сличенко. Так ведь и эти письма дошли до адресата! Что и говорить, дорого они стоят. При всей своей наивности и бесхитростности они свидетельствуют об огромной популярности художника, недавно получившего звание народного артиста СССР.

— Отвечаю на каждое письмо,— замечает Николай Алексеевич.— Ведь за ними — человеческие судьбы, горести, радости, сомнения, вопросы... Много доброго мне сделали люди, и я тоже всегда готов помочь... Уверен, что каждый человек, работающий в искусстве, должен творить добро. Чем больше вникаю в свое дело, тем острее чувствую его нравственную суть. Добро, которое артист несет, проповедует со сцены, несовместимо со злом в его повседневной жизни. Что ни говорите, зло все равно увидится сквозь маску добра, если актер только для выхода на сцену надел эту маску.

Я знаю Николая Алексеевича много лет. И всегда поражают меня его искренность, правдивость и простота. Его какая-то удивительная естественность. Он увлекается и радуется, негодует и разочаровывается всегда только «по правде», всерьез. Он очень тверд в своих суждениях, взглядах и умеет настоять на своем. Думаю, он поистине «природный» человек; как необычайно трудно сломать ландшафт, изменить климат, так невозможно переделать душевную сущность вот таких, самой природе принадлежащих людей...

Николай Сличенко вышел из цыганской семьи со всеми ее обычаями и традициями. Цыгане — народ музыкальный. С детских лет искусство народа входило в его жизнь во всей его красоте и самобытности. Сегодня Сличенко уже не помнит, когда впервые услышал о цыганском театре. Это была мечта, о которой он боялся даже думать. Только не было более зажигательного танцора и запевалы, когда после работы собиралась за околицей молодежь. Уже тогда всех увлекал, завораживал его талант. «В театр бы тебе, Коля! — говорили ему. И вот однажды он решился: с благословения матери поехал в Москву.

С улыбкой вспоминает сегодня артист, с каким страхом и благоговением открыл он, шестнадцатилетний, двери театра: а на вопрос швейцара, кто ему здесь нужен, ответил: «Хозяин». Он не знал тогда, как надо сказать по-другому.

«Хозяин» — главный режиссер театра Петр Саввич Саратовский приходу новичка не удивился: многие приходили к нему на прослушивание. Но этот парень плясал и пел, как птица в небе поет. И началась для него новая жизнь... Сличенко пел в хоре; играл в массовках, и был безмерно всем этим счастлив. Но он уже тогда ждал свою большую роль. Просиживал на репетициях. Знал наизусть все спектакли. А самостоятельной работы все еще не было, пока не помог ему актер Сергей Шишков, исполнитель роли Лексы в спектакле «Четыре жениха». Сказался он больным перед началом спектакля, и роль поручили Сличенко.

Так в театре «Ромэн» появился новый ведущий актер...

— Каждый человек должен спеть свою песню! — говорит Николай Алексеевич.— Спеть свою песню, значит, сказать о самом сокровенном в жизни. И сказать так, как никто до тебя не говорил... О песне мечтает каждый цыган, но лишь с годами я понял, что признание не к тому приходит, кто наделен от природы музыкальностью и слухом. Надо еще знать свою, особую песню. И это не просто игра слов. Исполнение цыганской песни — проблема сложная. Сегодня многие певцы и вокально-инструментальные ансамбли подражают цыганской песне. Но исполняют ее с надрывом, с хрипом: «рвут» воображаемые страсти. И тем самым песню калечат. Это уже не искусство, а, простите меня, «цыганщина». А ведь песня цыганская складывалась в самых недрах народа, выражая его душу, мысли... Помните, как в «Живом трупе» Лев Толстой цыганскую песню оценивает! Да и все великие писатели России изумлялись силе отраженного в ней чувства.

«В бродячей жизни, среди чужих языков менялись и мешались слова, выпадали строфы, но какой горячей кровью, страстной тоской и пламенной любовью, какой древней первобытной красотой веет от восточной вязи этих песен, подобных красным розам на снегу»,— писал Куприн. И когда поет Николай Сличенко, мы, слушатели, приобщаемся к такой именно красоте. К тому заветному, сокровенному, чем дышит жизнь народа, овеянная легендами.

Есть у Сличенко песня «Душа цыгана»; как он сам говорит,— огонь зажигает она в сердцах. Только не надо бояться этого огня: он согревает и сближает людей... Так было и в знаменитом парижском зале «Олимпия». Казалось, ну, чем можно удивить зрителей, слышавших всех прославленных артистов мира? Но когда пел «цыган из легенды» — так называли за рубежом Николая Сличенко,— многие плакали. Зрители, среди которых немало было русских, когда-то покинувших родину, долго потом не отпускали артиста, просили его поцеловать родную землю.

Но самая любимая песня Сличенко — «Письмо матери».

— Когда впервые запел есенинские строки, тогда проникся величием и ответственностью подлинного искусства,— признается он.— Мы порой боимся, стесняемся выражать свои сокровенные чувства, расплескать их... Я хочу сказать, что именно благодаря Есенину стал до боли, до потрясения понимать поэзию, проникновенность, драматичность искусства вообще. И особенно — могучего, бездонного в своих глубинах искусства русского народа.

Иногда у Сличенко спрашивают, кто же он: эстрадный певец, драматический актер или режиссер? Думается, вряд ли стоит эти профессии противопоставлять.

Начал он жизнь в театре, конечно, актером. Создал многие яркие образы: Василь в «Цыганке Азе», Ринальдо — «Ты герой, я герой», Барбаро и Влад в «Горячей крови». В спектакле «Грушенька» он исполнил все мужские роли: Дмитрия, Проходимца, Князя, Голована, Василия Ивановича... Крупные актерские работы созданы Сличенко в спектаклях «Непоклонов» и «Мы — цыгане»...

Впрочем, он мог бы остаться и «только» певцом. Тут тоже нет ничего необычного для артиста такого театра, как «Ромэн». Но таланту Сличенко свойственна особая «ненасытность». В свое время он ведь и песню сделал своим «маленьким» спектаклем. Потом все его песни стали как бы театром одного актера-певца, театром, где он сам был еще и режиссером. Отсюда — следующий, естественный шаг к большой режиссуре.

Дипломным спектаклем Сличенко выбрал «Грушеньку» И. Штока (по мотивам повести Н. Лескова «Очарованный странник»). На первый план он выдвинул родство душ русского и цыганского народов, величие любящего сердца, показал трагические последствия социального неравенства людей.

А затем гражданская мысль повела Сличенко дальше. Он поставил «Мы — цыгане». Спектакль, жанр которого воплотился как народное зрелище, рассказывает о драматической судьбе цыган, об их тяжком прошлом, о том, как после долгих скитаний и мытарств цыганский народ обрел единственную родину — Россию. Эту же тему продолжают и многие другие интересно осуществленные им спектакли: «Ехали цыгане» и «Огненные кони» И. Ром-Лебедева, «Непоклонов» Н. Мирошниченко.

Первую премию на Всесоюзном смотре работ сцены, посвященных XXVI съезду партии, получил спектакль «Братья» З. Тоболкина.

Мне довелось видеть репетиции Николая Сличенко. И всегда я бываю покорена той увлеченностью, неутомимостью, с которыми он их проводит, работая беспощадно по отношению к себе. Он не сидит за режиссерским столиком, он всегда в движении, предельно напряжен, но никогда не повышает голоса, настойчив, но терпелив.

— Чтобы создать спектакль,— говорит Николай Алексеевич,— мало специальных режиссерских знаний. Работа режиссера не набор «приемов». Прежде всего это твоя гражданская, мировоззренческая позиция: умение постичь мир во всей его сложности и выразить это свое восприятие в сценических образах... О чем я мечтаю? Сделать спектакль о том, как вместе с русским народом шли на фронт и цыгане...

...Вечереет. К нам заглядывают обе Тамиллы — и старшая и младшая Тамилла, дочь Сличенко. Им всем пора собираться в театр.

— Раньше у нас был семейный дуэт,— улыбается Николай Алексеевич,— а теперь — трио. Правда, пока еще Лелька (так зовут родители свою дочь) играет в массовках. Но, кроме того, она студентка, заканчивает Гнесинское музыкальное училище...

Пройдет еще несколько часов. Закончится спектакль. Все вернутся домой. А когда в доме наступит тишина, Николай Алексеевич обязательно зайдет в комнату, где на полках шкафа привольно «разгулялась», словно настоящий табун, изумительная коллекция лошадок, искусно сделанных из глины, фарфора, металла, дерева...

— Знаете,— говорит Сличенко,— в цыганской песне так поется: «Ведь цыган без лошади, как без крыльев птица!» Ну, а где же в Москве, да еще в центре города, цыган может «держать» лошадей, кроме как на полке!.. А если серьезно, то лошадей я люблю с детства. Как бы ни устал, непременно загляну сюда, полюбуюсь на своих лошадок. И кажутся мне они вовсе не игрушечными, а настоящими. А воображение рисует картины далекого детства. Широкое поле. Пение у кочевого костра. И чудится, будто дышит прохладой река, а свежий ветерок теребит и путает конские гривы...

И СНОВА Я ВСПОМНИЛ...

Михаил БОРИСОВ

* * *

Далекая и близкая,
Вздымаясь, как шелом,
Стоит гора Российская
На краешке земном.

Светла она от инея,
Бурлива от ветвей,
И только море синее
Соперничает с ней.

По-над горою этою
Чеканный солнца диск
Глядит, ничуть не сетуя,
На Южно-Сахалинск.

Там, звуковыми створами
Диктуя путь любой,
На все четыре стороны
Морской шумит прибой.

Далекая и близкая,
Вздымаясь, как шелом,
Стоит гора Российская
На краешке земном.

* * *

21.X.1941 г. в сербском городе Крагуевац гитлеровцы расстреляли все мужское население от 15 до 60 лет, в том числе 300 учеников и профессоров гимназий.

Глотая слез невольных соль,
Я сделал шаг
и сник...
Здесь каждый камень —
Чья-то боль
И чей-то хриплый вскрик.
Здесь виден отблеск топора.
Какой фашистский чин
Холодным росчерком пера
Согнал сюда мужчин?!
Отчетлив был его приказ —
И... бьет в плечо приклад.
Он и по мне
в тот черный час
Строчным ударил, гад!
Опять всклокоченная мгла,
Скрывая взгляд косой,
Под сердцем,
кажется,
легла
Глухою полосой.
Я смог бы многое понять,
Любой окопный ад...
Но здесь
Разбойному под стать
Слепой
хлестал
заряд!
И пусть виновные не ждут
Безоблачного дня,
Хоть гнев мой нынешний —
Не суд,
Лишь горький всплеск огня.
За все родство его с тоской
И внукам их нет-нет
Да перед памятью людской
Еще держать ответ.
Попробуй сердце приневоль
Без скидок,
Напрямик,
Когда и камень —
чья-то боль,
Последний чей-то вскрик.

* * *

Вовсю на хлебном поле
Дрожащий свет разлит.
Луна свалилась, что ли,
С космических ланит?
Ей далеко до птицы —
Луна и есть луна!
Но здесь,
В силках пшеницы,
Запуталась она.

Быть может, это просто
Полуночный обман?
Но рядом с ней
И звезды
Сверлят густой туман.
И главное — ни звука.
Ни вздоха.
Ничего.
А ведь такая штука
Взволнует хоть кого!

Луна свалилась, что ли,
С космических ланит —
Вовсю на хлебном поле
Дрожащий свет разлит.
Еще не раз приснится
Мне эта тишина,
Когда в силках пшеницы
Запуталась луна.

* * *

Мой попутчик хоть и глухо,
Но бубнил почти в упор.
Я и слушал-то вполуха
И молчал с недавних пор.
Что с того, что понемножку
Даже вникну,
скажем,
в суть,
Если сам и «козью ножку»
Не могу путем свернуть?
Я колдую над бумагой,
Он же гнет и гнет свое:
— Здесь в селе живет Натаха,
Горе горькое мое.
По годам хоть не девчонка,
Но характер —
не дай бог!
Как паршивого кутенка,
Не пускает на порог.
Так один и бьюсь на свете
Может, дашь какой совет?..
Ничего я не ответил,
Не сказал
ни да, ни нет.
С ним свела меня минута
И она же развела.
Мне сердечные как будто
Ни к чему его дела.
Только фразе этой колкой
И вразрез
И вопреки
Вслед ему,
расставшись,
долго
Я глядел из-под руки...

МАРЬЯНА

Лесная, как в сказке, поляна,
Где травы встречали, звеня.
Совсем пустяковая рана
В санбат уложила меня.
Совсем пустяковая вроде,
А ныла и ныла в ночи,
А если еще к непогоде —
Хоть криком, бывало, кричи!
Но это одно лишь присловье
К тому,
что не раз до утра
Над самым моим изголовьем
Склонялась тихонько сестра.
И снова я вспомнил, Марьяна,
Как дрогнули руки твои,
Когда за палаткою рьяно
Зацокали вдруг соловьи,
Как ты побледнела и стала
Задумчивей всяких мадонн.
А после меня отчитала
За мой неналаженный сон,
А после...
Ты слышишь, Марьяна?
И в лучшие ночи свои
Я помнил, как нежно и рьяно
Нам пели тогда соловьи...

РОМАН

Владимир НИКОЛАЕВ

«Город торчал из пустоты брошенными вставными челюстями. Не было никакой видимой причины, почему его следовало построить именно там, а не где-нибудь еще,— ни большой реки, ни укрытия гор, ни хотя бы морщинки на земной поверхности... Город — как дерево или как болезнь».

В этом Городе «призывно — как проститутка, шепчущая вслед проходящему мимо клиенту,— манили и подмигивали неоновые огни реклам. Затем все небо озарялось адским огнем — знамением столь же ясным, как звезда, сзывавшая мудрецов в Вифлеем, и гласившим, что в электрическом оазисе посреди нефтяной и пшеничной пустыни мутным ключом бьет жизнь и в одиночестве нет резона.

Днем же все выглядело иначе. Становились заметными трогательные потуги на стиль — как будто всю историю прокрутили ускоренным темпом, словно ленту на магнитофоне, а всю эволюцию втиснули в жалкие полстолетия существования Города... Короче говоря, это был Город, ничем не отличимый от многих других, Город, который его обитатели, находившие поэзию и просвещенность там, где чужаки не видели ничего, кроме серости и скуки, считали великолепным местом, здесь можно жить и растить детей, невзирая на марихуану, расовые мятежи, студенческие беспорядки, весьма высокий уровень убийств и, что еще хуже в глазах моралистов, весьма высокий уровень изнасилований».

Так начинается роман «Крамнэгел»[1] английского писателя Питера Устинова.

Есть любовь с первого взгляда. Так и я с первых страниц романа влюбился в него. И не мог начать рассказ о нем иначе, чем словами самого автора. Мне кажется, что в приведенной выше цитате уже улавливается тот сатирический ключ, в котором он так тонко написан. Именно тонко, поскольку сатира на Соединенные Штаты в форме более упрощенной встречается нередко.

Роман назван по имени главного героя — Бартрама С. Крамнэгела, начальника полиции Города (кстати, в нем почти миллионное население). «Это был огромный детина, высокий и одновременно массивный, с тем достаточно внимательным взглядом широко раскрытых глаз, который считается умным, когда встречается у собак, и который своей агрессивной настороженностью производит куда менее обнадеживающее впечатление даже на самых наивных, когда встречается у людей. Беспокойный взор Крамнэгела смягчался, однако, его твердой решимостью быть доступным, человечным, приятным. Он поощрял критику, однако никогда не прощал ее. Он беспредельно верил в простого парня с улицы, однако придерживался самого низкого мнения о нем. Он был американцем...»

Питер Устинов с удивительной точностью и лаконичностью создает мастерскими штрихами портрет своего героя. Скажем, он пишет, что тот считает себя человеком действия, но на самом деле ленив и больше всего любит часами смотреть телевизор, причем обожает боевики, отождествляя себя с сыщиком. Эту, казалось бы, сугубо личную характеристику своего героя автор тут же подчеркивает деталью общей, социальной. Объясняя пристрастие Крамнэгела к телевизору, он пишет: «Его, пожалуй, легко было понять, поскольку ему выпало несчастье возглавлять городское полицейское управление в тот период американской истории, когда единственным видом преступности, борьба с которым приносила успех, были вымышленные преступления на телеэкране».

Свою службу в полиции Крамнэгел начал с самых низов, и тогда же, в конце сороковых годов, произошел случай, определивший его судьбу. Наш герой дежурил на своем участке в деловой части города и увидел, что молодой парень выскочил из ювелирного магазина и заспешил по тротуару. Не раздумывая ни секунды, автоматически, Крамнэгел тут же выстрелил в парня и убил его на месте. Потом выяснилось, что тот только что обручился, забежал купить к свадьбе кольца и устремился к невесте. После недолгого формального расследования начальник полиции сказал Крамнэгелу: «На твоем месте я поступил бы точно так же. С каждым постовым это разок-другой случается, и я такому полицейскому доверяю больше...» В следующем списке на повышение была фамилия нашего героя.

Под стать Крамнэгелу и другие персонажи романа. Вот его жена Эди, которая с ее внешностью «имела бы большой успех в эпоху немого кино: нос пуговкой, чуть водянистые глаза, надутый ротик и невинный взгляд, не лишенный приятного намека на извращенность». Вот его заместитель Ал

[1] Питер Устинов. «Крамнэгел». Журнал «Иностранная литература» №№ 8—10, 1981. Перевод Ю. Зараховича.

ПИТЕРА УСТИНОВА

Карбайд, который отлично знает, что мэр Города и городской судья заодно с главарями организованной преступности, и извлекает из этой своей осведомленности немалую пользу. Вот губернатор штата, который «беспредельно верил в демократию, наделявшую правом голоса даже самых бедных и черных, но позволявшую им отдавать голоса лишь за самых богатых и белых». Вот босс из сферы информации Ред Лейфсон. «Никто понятия не имел, откуда он берет свои данные, да и берет ли он их откуда-то вообще». И тем не менее, продолжает автор, «если бы Реду Лейфсону сказали, что манипуляция информацией является разновидностью злоупотреблений, он прорычал бы в ответ, что свобода печати подвергается угрозе то ли со стороны явных, то ли со стороны тайных коммунистов, то ли со стороны «новых левых», хотя, кто они такие, он себе толком и не представлял». Или вот, наконец, религиозный босс, монсеньор, который, как он сам частенько говаривал, «служил в местном рекламном агентстве, обслуживающем небесную клиентуру».

В таком обществе своеобразны и любопытны полицейские будни нашего героя. Есть видимость деятельности, но не больше! И есть, разумеется, реклама этой бесполезной активности. Один только штрих из многих подобных. Крамнэгел покидает вечером свое управление. В вестибюле он «столкнулся с кучкой типичных ветхозаветных евреев, белых, как сметана, в бархатных воротниках, густо обсыпанных пылью и перхотью, в больших черных шляпах; спускавшиеся на щеки пейсы придавали им какой-то болезненноневинный вид». Что такое?! Это загримированные полицейские, входящие в А. С. П. (антисемитский патруль), изобретение самого Крамнэгела. Но в чем же дело? А вот в чем: «По улицам Города, смутно напоминая восседающих на непомерно больших мотоциклах валькирий, носились орды возбужденных юнцов... и избивали раввинов прямо под стенами иудейской богословской школы. Неожиданное столкновение с более спортивной породой святых людей должно было внести смятение в их ряды». Как и другие затеи Крамнэгела, эта себя тоже не оправдала.

Тем не менее герой наш предстает перед читателем в начале повествования на вершине своего могущества. Город чествует его, «великого полицейского, великого гражданина и великого американца». В главном банкетном зале роскошной гостиницы льются речи в честь Крамнэгела. Банкет шел как положено, правда, в конце нашего героя ожидал сюрприз: ему и его жене преподнесли два билета первого класса на кругосветное путешествие. Крамнэгел подумал, не хотят ли избавиться от него отцы Города в пользу его заместителя. Впрочем, долго отсутствовать он не собирался, да к тому же перед отъездом запустил одну интрижку против своего зама.

Чета Крамнэгелов собирается в путь. «Что у нас там — Греция?» говорит супруг.— «В Грецию едем, да? Колыбель нашей цивилизации, это уж точно... Желудь, из которого проросла наша конституция. И Италия, а? Былая слава Рима! Помнишь тот фильм — «Мантия»? Как раз про это. И Израиль! И Аравия!» На этом известные ему страны кончились».

С таким вот «багажом» они для начала оказались в Англии, дальше которой и не уехали, поскольку с нашим героем там беда приключилась. Напившись в провинциальной таверне, он вступил там в спор с одним стариком, тоже сильно подвыпившим. Старик невежливо отзывался об Америке. Мало этого. Он назвался коммунистом и атеистом. Это просто взбесило Крамнэгела! Когда в самый разгар их горячей дискуссии этот атеист полез в свой карман за носовым платком, Крамнэгел, хотя и в доску пьяный, привычно, автоматически выхватил свой револьвер и убил собеседника. Полицейский босс знал, что во время ссоры в карман лезут только за оружием! И он убил старика в порядке самообороны. Когда прибывшая в таверну полиция не обнаружила у старика никакого оружия, Крамнэгел не поверил глазам своим, он был убежден, что оно было спрятано английскими полицейскими, чтобы покрыть своего соотечественника и свалить все на бедного американца.

Крамнэгел арестован. Его собираются судить. Английские власти в смятении. Как-никак, Крамнэгел далеко не рядовой американец, как бы за него не обиделась на Англию могущественная Америка. К тому же в самом деле нелегко обвинять вполне нормального человека в преступлении, которое для него таковым не является! Причем Крамнэгел вовсе не исключение среди американцев, дело вовсе не в том, что он полицейский. Ведь в США, говорит один из персонажей романа, «ребенку, смотрящему вестерн, никогда и в голову не придет, что ковбои, сходящиеся на главной улице Карсон-Сити, лезут в карман за носовым платком. С какой же стати требовать от людей веры в противоположное?»

Полицейская и судебная машина Англии, превосходно описанная автором, пытается облегчить участь заокеанского убийцы, избавить его от заслуженного наказания, но Крамнэгел сам делает все возможное, чтобы помешать следователям, судьям и адвокатам спасти его. Прежде всего он возмущен тем, что им вообще занялись полиция и суд. За что?! Убежденно звучит одно из основополагающих заблуждений Крамнэгела: «Начальник полиции автоматически остается начальником полиции, куда бы он ни приехал». Как это созвучно с иными мнениями, принадлежащими не только полицейским боссам США! В столкновении Крамнэгела с английским правосудием, в конфликте между воинствующим невежеством и изощренным лицемерием до конца раскрывается вся глубокая символика портрета американского полицейского начальника, который является «образцом ограниченного провинциального деспота» и который при этом «вечно болтает о правах и равных возможностях». И, наконец, он «мнит себя воплощением мужества, чистоты и благочестия».

Итак, не столько из-за совершенного им преступления, сколько из-за собственного невежества и упрямства наш герой попадает в тюрьму. Полицейский босс за решеткой среди уголовников! В данном случае не так уж это парадоксально. Недаром еще во время процесса над Крамнэгелом его адвокат делился в частной беседе: «Я должен — если мне это удастся, разумеется,— попытаться доказать суду, что уголовный преступник и американский полицейский — это не одно и то же».

В тюрьме Крамнэгел сдружился с одним старым неудачливым уголовником Гарри, который, дожив до седьмого десятка, так и остался в своей профессии жалким дилетантом. Крамнэгел без конца рассказывал ему о профессиональном американском бандитизме, поскольку старик был благодарным собеседником и зачарованно слушал Крамнэгела. Последний, сам того не замечая, прочитал старику целый курс повышения бандитской квалификации. А Гарри был не так-то уж прост, он, как губка, впитывал в себя те самые познания, в каких так нуждался всю свою жизнь. Как только он вышел на свободу, он тут же попытался совершить такое грандиозное ограбление крупного банка, что полиция долго не могла представить в качестве грабителя жалкого Гарри. Когда же тот попался и рассказал, что научился всему у своего американского друга, то полиция не на шутку рассердилась. Крамнэгел был тут же переведен в тюрьму для особо опасных уголовников, в тюрьму максимально строгого режима.

Описание этого заведения — еще одна блестящая сатирическая картина, созданная автором. Сидящие там за решеткой мэтры уголовного мира процветают и благоденствуют! Они пишут свои мемуары и получают за них большие деньги. Писали они все, за исключением одного особо одаренного заключенного, не сами, а с помощью литературных обработчиков. Прошло немного времени, и наш герой таким же образом создал свои мемуары «Все расскажу, как знаю».

Но полицейский в Крамнэгеле оказался очень живуч. Когда он вдруг столкнулся с тем, что группа заключенных устроила побег, то тут же встал на их пути и помешал им. За это был избит до полусмерти. Пришлось его перевести в другую тюрьму.

Английские власти устали от такого заключенного и с помощью сложной интриги сделали все, чтобы избавиться от него. Они спровоцировали Крамнэгела на побег и не помешали ему его осуществить.

Итак, наш герой вернулся в США. Место его занял его же бывший заместитель, присвоив себе заодно и жену Крамнэгела. Пока продолжались приключения Крамнэгела в Англии, весь его личный мир в Америке рухнул. Жестокое общество, на страже которого он бдительно стоял всю свою долгую полицейскую карьеру, не желало принять его обратно после всех совершенных им чудачеств. И наш герой решил мстить. Согласно железной логике всей своей жизни, он схватился за оружие и пошел убивать. Кого? Своего губернатора, в котором, с точки зрения Крамнэгела, воплотилось все зло современной Америки.

Сатира П. Устинова обретает еще большую силу и потому, что он, на наш взгляд, глубоко переживает за Америку, любит ее народ, достойный лучшей участи. Любовь и сатира? Да! Салтыков-Щедрин, Анатоль Франс, Ярослав Гашек, Михаил Булгаков... Разве их пример не доказывает того, что без любви, без боли за свою любовь нет и не может быть настоящей сатиры? Иначе будет одно зубоскальство.

И, наконец, хочется обратить внимание еще на такую немаловажную деталь. В романе действие происходит в США и Англии. С последней, как известно, Америка связана пуповиной. Связана через отрицание, соперничество прошлых лет, конечную свою победу над прародительницей... Сопоставление этих двух миров по обе стороны океана, внешне столь отличных, но по сути своей единокровных, еще одна большая удача Питера Устинова, создавшего роман, который, несомненно, является крупным явлением в современной литературе.

К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. А. КРУТИЛИНА

СУДЬБЫ РУССКОЙ ДЕРЕВНИ

Творчество Сергея Крутилина трудно вместить в рамки какой-то одной темы.

Без его сельских вещей невозможен разговор о нашей деревенской прозе. Читатель тепло принял «городские» повести писателя: «Косой дождь», «Пустошель». В ряду честных, мужественных произведений о минувшей войне, о подвиге советского народа видное место занял роман «Апраксин бор». И все же, думается, творческая судьба Сергея Крутилина прежде всего связана с судьбами русской деревни.

Родительский дом Сергея Крутилина — село Делехово на Рязанщине, близ Куликова поля. Ни лесов в том краю, ни больших земельных угодий, но нет ему мест милее и краше. Годы жизни в столице не выветрили ноток певучего рязанского наречия в его голосе, крестьянской основательной неторопливости...

Воспоминания о жизни родного села, рассказы близких, а позже и свое, увиденное в рязанских краях во время журналистских командировок, вошли в его роман «Липяги». Книгу, удостоенную Государственной премии РСФСР имени М. Горького.

Роман создавался в годы обостренного внимания к деревне. Липяги, село, созданное фантазией писателя, сразу зажило своей, реальной жизнью. Сергей Залыгин, одним из первых откликнувшийся на это произведение, справедливо заметил, что тот, кому не чужда любовь к самому обыкновенному и неприметному русскому селению, «будет волноваться, читая «Липяги», будет задумываться, будет вспоминать прошлое и мечтать о будущем».

Читали люди — узнавали себя, близких, знакомых. Просили автора поточнее указать адрес Липягов. Тем более, что тот и дорогу оговорил: дескать, поезжайте поездом до станции Покатилово, что на полпути между Москвой и Ельцом. Но вот беда: в железнодорожных справочниках такой станции не оказалось...

В разных селах, уже далеких от Рязанщины, объявлялись «двойники» липяговцев. Эти свидетельства читателей были лучшим подтверждением того, что писатель отобразил типичную картину колхозной жизни тех лет, обнажил ее приметы.

Широкая картина народной жизни предстает перед нами. Три десятилетия живет обычное русское село на страницах «Липягов». Живет своими радостями, бедами, заботами.

С артелью рок ушел из жизни крестьянина. Кого колхоз оставит в беде... Но исчезают избы с липяговских порядков. Все больше щербатин появляется на деревенской улице. Разоряют отцовские гнездовья, разбирают срубы, перевозят их поближе к железнодорожной станции.

Как же случилось, что утратилась былая власть земли? Та великая тяга ее, о которой говорил в свое время Глеб Успенский.

Писатель работал над «Липягами», и неотступно его мучил вопрос: какими же путями дальше будет развиваться село? «Невозможно писать о современном селе, не заглядывая в будущее,— свидетельствовал Крутилин.— Думал об этом и я, работая над «Липягами». Родной мой колхоз, затерявшийся в бедной степной стороне Рязанщины, к сожалению, не мог дать мне в этом отношении сколько-нибудь убедительных фактов. Пришлось прибегнуть, как говорят литературоведы, к художественному домыслу...» Так появилась глава об идеальном колхозе — Сандырях.

В Сандырях труд колхозников хорошо оплачивается, механизирован. Дома крыты шифером, сады вокруг. Деревенский быт приближен к городскому. В селе — столовая, пекарня, ясли. Женщины высвобождены от многих домашних дел.

Книга писалась в годы, когда сельское хозяйство Нечерноземья еще мало накопило положительных примеров. А уже в начале 70-х годов в очерковой книге «Журавель над колодцем» писатель расскажет о других — сильных колхозах нечерноземной полосы, приведет яркие примеры. Сандыри обернутся явью.

Повесть С. А. Крутилина «Липяги» — правдивое, пронизанное заботой и любовью слово писателя о русской деревне,— была полна ожидания, предчувствия этих близких, отрадных перемен в селе...

...Со времени «Липягов» прошло почти два десятилетия. Жизнь многое разрешила, в чем-то исправила, дополнила писателя, новые вопросы поставила. Появились повести «За косогором», «Старая скворечня»...

«У моей матери все руки в трещинах были,— делился как-то Сергей Андреевич.— Сколько она осота передергала в поле! Вот и старалась всех нас выучить и все думала: у детей лучшая судьба должна быть. Пока не создадим на селе условия — будут молодые уходить».

Мучается писатель заботами села: «Весь я в этом варюсь». Да и кого из истинных русских писателей обошли эти тревоги, раздумья о судьбах российской деревни?

М. ЛОМУНОВА

ФУРМАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Уже в четвертый раз в прозрачно-золотистые дни октябрьской осени в Иванове прошли Фурмановские чтения. В этом городе многое напоминает о создателе славных страниц «Чапаева», «Мятежа» и «Красного десанта»: здания городского училища и бывшей торговой школы, в которых учился Д. А. Фурманов, историческое здание на улице Красной Армии (дом 8/2), где на собраниях и митингах выступали такие выдающиеся общественные деятели, как М. И. Калинин, Клара Цеткин, М. В. Фрунзе, А. М. Коллонтай, А. В. Луначарский, и он, активный участник революционных событий в Иваново-Вознесенске, а потом отважный комиссар на фронтах гражданской войны.

На этот раз чтения совпали с приближающимся девяностолетием со дня рождения основоположника советской художественно-документальной литературы. Невыдуманные герои книг Дмитрия Фурманова завоевывают сердца новых поколений читателей и привлекают пристальное внимание литературоведов. Об этом и говорил, открывая научную конференцию в Ивановском государственном университете, секретарь обкома КПСС В. И. Фомичев. С докладами и сообщениями на секциях выступили известные ученые и исследователи Москвы и Ленинграда, Казахстана и Узбекистана, Ульяновска, Уральска, Волгограда, Саратова... В их числе были и зарубежные гости.

Доктор филологических наук, заведующий кафедрой русской и советской литературы Эрфуртской высшей педагогической школы, профессор Х. Флиге приехал в Иваново не в первый раз. «К восприятию Д. Фурманова в ГДР» — такова тема его выступления. Он сообщил, что «Чапаев» был переведен и издан здесь впервые в 1950 году. С тех пор произведения выдающегося советского писателя выходят регулярно и все бо́льшими тиражами.

Только на секции «Проблемы художественно-документальной литературы» было заслушано около 60 сообщений. В них говорилось о влиянии творчества Д. А. Фурманова на развитие братских литератур.

Фурмановские чтения вылились в праздник столицы текстильного края, бережно хранящего память о своем замечательном земляке.

Б. ПРОТОПОПОВ

ФЕЛЬЕТОН

Велика сила киноискусства. Мы знаем немало примеров его эмоционального воздействия на зрителей. Но такого резонанса, какой имел в городе Орле фильм «Экипаж», конечно, ни его создатели, ни работники кинопроката не ожидали.

Особенный успех здесь вызвали кадры, где герой у себя на квартире кейфует под светомузыку. Именно эта цветовая гамма, сопровождающая поп-мелодии, и поразила воображение орловской молодежи, а затем создала переполох на местном отделении Московской железной дороги...

Но обратимся к истории. Я начну ее с того момента, когда в ночь с первого на второе апреля этого года дежурный по станции Орел-2 И. Паненков случайно взглянул в окно. Взглянул и оторопел: расположенные неподалеку поездные и маневровые светофоры вместо красного горели белым огнем. Этого просто не могло быть, и Паненков сначала подумал: у него что-то со зрением. Но нет, горел действительно белый свет, разрешающий машинисту производить маневры и даже выехать на маршрут, приготовленный прибывающему поезду.

А это — крушение!

Невероятный случай — не срабатывает система сигнализации?! По тревога электромонтер В. Усачев срочно выехал на линию и увидел, что в пяти светофорах нет цветных фильтров, а белые — защитные — линзы разбиты вдребезги. Аварийная обстановка была быстро ликвидирована. Но, надо полагать, еще долго у железнодорожников не проходил стрессовый озноб.

В ночь на тринадцатое апреля дежурный электромеханик В. Гуров обнаружил: исчезли линзовые комплекты на светофоре Ч-4С, лампы разбиты.

Положение становилось угрожающим. Кто это делал — и главное — зачем, понять было невозможно. Маньяк, сбежавший из психиатрической больницы? Полный кретин, не отдающий себе отчета, к чему могут привести его дурацкие забавы?

Над этим ломали головы начальник Орловской дистанции сигнализации и связи В. Сидоров, прокурор Л. Штейман, начальник линейного отдела милиции В. Чильков; по слухам, начало интересоваться орловскими инцидентами МПС.

Работники дистанции винили в нерасторопности дорожных пинкертонов, пинкертоны валили вину на железнодорожников: могли бы и сами получше смотреть за своим имуществом!

Но кого надо ловить — для обеих сторон оставалось загадкой. Никто не догадывался связать ЧП с демонстрацией упомянутого фильма.

Двадцать седьмого апреля, в самый разгар полемики, дежур-

Варварство

ные по той же станции А. Головин и Р. Агеева заметили на табло тревожное мигание огней повторителей сразу четырех светофоров. Оказалось, они разбиты вдребезги.

Наверное, и этот случай остался бы загадкой, если бы не стрелочница тетя Маша (или тетя Даша — имя и фамилию мне, к сожалению, уточнить не удалось). Проходя мимо искореженных светофоров, она заметила возле них группу великовозрастных балбесов, которые, громко хохоча, резвились на путях.

Быстро сообразив, что, пока дежурные по станции будут звонить начальству о происшествии, а начальство — в милицию, хулиганов и след простынет, хитрая тетя Маша постаралась задержать их миролюбивым разговором, а потом и приметить, куда они направились...

Милиция сработала четко, и скоро четверо длинных, как жерди, акселератов с невинными и нарочито глупыми лицами сидели в отделении и представлялись:

Поляков Сергей. 17 лет. Учащийся орловского ГПТУ № 2.

Однозеркин Александр. Того же возраста. Учится там же.

Ильин Сергей. Их ровесник. Питомец того же училища.

Плахов Юрий. Тоже еще не дожил до восемнадцати. Швей-моторист городского объединения «Радуга».

Что делали на линии в такое время? Гуляли. Кто разбирал светофоры? Откуда же им знать?!

Немало нервов помотали они у следователей, пока не стали говорить правду.

С сокрушением признались, что главная их беда в том, что очень любят музыку. Такие уж эмоциональные натуры... Прогуливаясь однажды ночью, Плахов вышел на линию железной дороги и остановился завороженный. Огни сигнализации искрились и бегали разноцветными огоньками. Ну, совсем как в фильме «Экипаж»!.. Только музыки не хватало.

Так возникла идея, которую остальные тоже горячо одобрили. Особенно пленила простота приобретения светофильтров. Сначала Плахов и Поляков «раздели» пять светофоров. Потом на ту же линию Поляков вышел с Однозеркиным — и снова удача: никто их не приметил, а кто и видел — не обидел. В общем, у новоявленных меломанов появилась уверенность, что на железной дороге хоть тепловоз угони — никто не тряхнется!

Двадцать седьмого апреля друзья, как обычно, собрались «на кольце» — конечной остановке трамвая. Дело было вечером, делать было нечего. У Полякова были деньги, которые он «забыл» отдать матери. Купили три бутылки вина. Выпили здесь же из горлышка. Подошел Плахов, предложил навестить своего друга. А к другу надо было идти по железнодорожным путям...

Мимоходом Поляков и Ильин сняли с первого же попавшегося светофора пяток линз. Потом Поляков изо всей силы долбанул по нему каблуком. Зачем? Из чистой любознательности: потухнет или нет? Не потух. Плахов похвастался, что разобьет семафор кулаком. Сколько ни лупил — ничего не вышло, только козырек погнул. «Камнями надо!» — предложил кто-то. Затем подобрали ручку от старой лопаты, и она пошла в дело. Великовозрастные балбесы как с цепи сорвались: разбили один светофор, побежали к другому, третьему, четвертому... С гоготом, ржанием били светофоры ногами, камнями, палкой, отдельные части ломали руками.

— Отдавали вы себе отчет в том, что делаете, знали, к чему может привести повреждение сигнализации? — спрашивает следователь.

Поляков: «Я знал, что такое светофор и для чего он служит, но не задумывался над тем, что делаю».

Юрий Плахов: «Для чего служат светофоры на железной дороге, я не знал и не задумывался над этим».

Ильин: «Значение цветных стекол в светофорах я, безусловно, знал: красный цвет запрещает движение, зеленый — разрешает, но как-то не думал, что там, на линии, по этим линзам ходят поезда... Вообще к разрушению светофоров я отнесся как-то безразлично».

Четвертый — Однозеркин — тоже поумнел только в милиции: «Свой поступок я совершил неверно. Обещаю, что на железную дорогу больше не пойду вытаскивать линзы из светофоров!»

Вот какие умилительные иванушки-дурачки.

Чеховский «Злоумышленник» Денис Григорьев — «тощий мужичонко в пестрядинной рубахе и латанных портах» — и тот сообразительней: гайки-то не все отвинчивал: «Не без ума делаем... Понимаем...»

А нашим недорослям космической эпохи, будущим техникам невдомек, что «поезда по этим линзам ходят», что их идиотские «шалости» могли стоить жизни многим людям.

«Разрушение средств сигнализации железнодорожной автоматики, по которой ведется прием, отправление и маневровые передвижения поездов, в том числе пассажирских, прямо угрожало безопасности движения... Двадцать седьмого апреля выходные светофоры остались неосвещенными и не давали сигнальных показаний. Вместо того, чтобы остановиться у красного огня, машинист, не видя его, мог продолжать движение и въехать в бок отправляющегося поезда или маневрового локомотива»,— свидетельствует начальник Орловской дистанции сигнализации и связи Московской железной дороги В. Сидоров.

«...Разбитые или разоборудованные светофоры ухудшали видимость сигнала, давали искаженные показания, что могло привести к столкновению пассажирских поездов, при котором могли погибнуть люди, разбиты вагоны»,— пишет в прокуратуру ревизор по безопасности движения Г. Чегринец.

— Все, можно домой? — спросили митрофанушки, когда все это постарались им растолковать.

Чем не Денис Григорьев? «Мне иттить?»

А когда хулиганам сказали, что дело передано в суд, они ужасно обиделись: «Мы же не знали!»

Не знали, что нельзя разбивать светофоры?

Этакая наглость, выдаваемая за тупость...

Читатель, наверное, думает, что они вышли из милиции с опущенными головами, полные раскаяния и страха перед наказанием? Ничего подобного: «Пугают... Ничего нам не будет, мы несовершеннолетние!»

Всех четверых я увидел у здания районного суда. Вот-вот должен зачитываться приговор. Беспечные, с сигаретами в зубах, окруженные приятелями и приятельницами, они весело переговариваются, громко сетуют на то, что судья задерживается в совещательной комнате, заставляет ждать...

— Послушайте, ведь решается ваша судьба, неужели вы не испытываете тревоги? О чем думаете сейчас? — решился спросить у миловидного белокурого Плахова.

Он окинул меня с ног до головы медленным взглядом и, удивленно приподняв брови, спросил, кто я такой.

— Корреспондент «Огонька» интересуется, о чем я сейчас думаю? — сказал он, улыбаясь.— Я думаю... Я думаю, скажем, о любви! — И, перекрыв смех приятелей, добавил, твердо глядя в глаза: — Если интересуют подробности процесса, они есть в судебном деле... Ребята! Кажется, Павлова с заседателями явилась. Пошли!

В зале заседаний, пока судья Павлова скороговоркой и не очень внятно читала приговор, я продолжал наблюдать за молодыми людьми. Здесь они стояли смирно. Даже тень страха пробежала по лицам, когда раздались слова — по статьям таким-то и таким-то приговариваются к лишению свободы...— и облегченно вздохнули, услышав: «Но, принимая во внимание...»

Как они и предполагали, принимая во внимание несовершеннолетие, чистосердечное раскаяние, то, что это их первая судимость, и то, что их деяния не повлекли за собой тяжелых последствий, наказание считать условным.

Вот и все!

— Обидно-таки,— сказал сидевший рядом пожилой железнодорожник, провожая глазами ликующую четверку.— Уходят как ни в чем не бывало! Их только заставили полностью возместить нанесенный материальный ущерб. Пусть наказание будет условным, может, одумаются ребята. Но почему бы не дать им в руки лопаты и ломы, пусть исправят все, что натворили,— траншеи для кабеля копают, провода тянут, восстанавливают приборы, которые побили. Тогда поняли бы, каким тяжким трудом создавалось то, что они так варварски разрушили... Да и суд над ними надо бы устроить публичный, а не в такой комнатке. Пусть бы и другим хулиганам острастка была!

По-моему, это справедливое суждение.

Не всем присутствующим в зале были понятны и мотивы, по которым суд счел возможным облегчить наказание злостным хулиганам.

Да, их преступление, к счастью, не имело тяжких последствий, но ведь только благодаря бдительности железнодорожников!

«Чистосердечное признание», но, как рассказывал капитан транспортной милиции В. Стребков, они признались в том, что содеяли, только после длительного допроса. Безупречное прошлое? Даже из характеристик из ГПТУ на Полякова, Ильина и Однозеркина можно понять, что они не эталон для молодежи. Поляков, например, за время пребывания в училище «показал себя ниже своих возможностей и способностей. На практических занятиях норму выполнял не всегда, пропускал занятия без уважительных причин, к общественным мероприятиям и поручениям относился без особого желания».

Это — мнение педагогов и воспитателей.

Сам Поляков откровеннее: «Учусь в основном на тройки. В свободное время слушаю пластинки, смотрю телевизор — спортивные передачи... Поведение удовлетворительное. Доставлялся в прошлом году в нетрезвом виде дежурному мастеру из заводского райотдела милиции. Раза три-четыре попадался мастеру за распитие спиртных напитков».

Не лучше и два остальных питомца училища. Пьют с пятнадцати лет. Отлынивают от работы. Любимое занятие — хулиганить на «кольце».

И уж, конечно, прав был мой собеседник: суд над ними должен быть публичным, потому что, к сожалению, в Орле острастки хулиганам нет.

Не слишком ли либерально подходит иногда орловская Фемида к определению тяжести преступления?

Советские законы гуманны к юношам, только что вступающим в жизнь, но они вовсе не декларируют всепрощение и безнаказанность.

ЧУВСТВА ДОБРЫЕ

...Живет в заповеднике лесник Митрохин.

Была у него лошадка Волна. «Вполне бесполезная», озорная. Очень красивая – потому и за большие деньги не хотел с ней расставаться лесник. И все же соблазнился, продал ее проезжему жокею. А Волна взяла да и прибежала из города обратно к хозяину. Обрадовался Митрохин: «Черт с ней, с пользой, пускай красота дома живет»...

Так заканчивается рассказ «Митрохин», опубликованный в книге Эдуарда Бабаева «След стрелы»... Красота, ее возвышенное влияние на человека — именно она делает жизнь одухотвореннее,— об этом говорится и в других рассказах Бабаева. Свою книгу он посвятил Средней Азии, где родился и жил. Бескрайним просторам и людям. Хорошим, интересным людям. Герои Эдуарда Бабаева — буровые мастера и чайханщики, геологи и работники уникальных заповедников, дети.

И еще звери — угрюмая, озлобленная собака Мерген, брошенная своими хозяевами. Одинокий старый кабан Золотой Клык... Автор пишет о людях и зверях с мягкой улыбкой и юмором. И всегда — дóбро.

В книге есть еще одна тема — жизнь тыла во время Великой Отечественной войны. Произведения эти автобиографичны. Автор, заглядывая в свое далекое прошлое, видит себя как бы со стороны юным, мечтательным, наивным. И это придает повествованию оттенок грусти, легкой иронии и поэтичности.

Повесть «След стрелы», давшая название сборнику, не богата событиями и приключениями, хотя она рассказывает о своеобразном путешествии по Кызылкуму. Изыскательской партии поручено наметить в пустыне трассу будущей автострады. В партии всего три человека, лошадь и собака. Пес по кличке «Геббельс» — единственный отрицательный персонаж повести. Начальник Сергей Ветвицкий — моряк, списанный на берег после ранения. Таня Молибожно — девушка, которая «ходит по пескам в золотых босоножках» (других туфель у нее просто не было). И мальчик-школьник, от лица которого ведется рассказ. Восторженный и немного смешной, влюбленный в небо, солнце, ночь, в Таню...

Война в повести служит только фоном: далеко на западе грохочут орудийные залпы. И как отзвук им проникновенные стихи Ксении Некрасовой в устах одного из героев:

> Тяжелые смерти с стеклянными лбами
> Торжественно плыли на жестких крылах...

Автор — поэт (издательство «Советский писатель» выпустило в свет книги его стихов, которые тематически связаны с прозой). Он чуток к поэтическому слову — в прозу естественно и органично вплетаются поэтические строки старинных газелей, стихи Ахматовой, Гудзенко... Стихи, как выражение той же красоты, пробуждающей в нас «чувства добрые».

Т. ТРОИЦКАЯ

Эдуард Бабаев. След стрелы. «Советский писатель». М., 1980. 240 стр.

Ученые отвечают читателям

КАК «СОБРАТЬ» ДИНОЗАВРА!

«Меня интересует, каким образом ученым удается восстанавливать внешний вид динозавров. Ведь жили они так давно...» — спрашивает студентка из Ставрополя Л. Болотина.

— Давайте сразу уточним: динозавры жили 200 миллионов лет назад, и прошло 67 миллионов лет, как они исчезли совсем,— говорит заведующий музеем Палеонтологического института АН СССР Александр Георгиевич Пономаренко.— А чтобы ответить на письмо Болотиной, мы с вами сейчас попробуем «отыскать» и «собрать» одного из этих представителей древнейшей фауны Земли.

— Желательно вот такого,— предлагаю я и указываю на скелет, голова которого начинается в нескольких метрах от пола прямо над нами, а хвост убегает куда-то в глубь зала и теряется из виду.— Это подлинник или муляж?

— Здесь в основном все подлинники. А это наш любимец — диплодок. Длина — 30 метров, весил он около 20 тонн. Но нам лучше не брать какого-то конкретного динозавра, это сузит наш разговор, мы будем «собирать» обобщенного.— Александр Георгиевич показывает мне цветное фото гигантского каньона — ущелья, но не в горах, а в степи.— Снимок сделан в Монголии,— продолжает свой рассказ Пономаренко.— Там находят довольно много останков этих животных. Вот один из скелетов, видите?— Александр Георгиевич указал авторучкой на груду крупных камней, выступающих из земли.

Так выглядели динозавры.

Скелет ископаемого животного бережно очищается.

— Как... скелет?— не понимаю я.

— Вернее, еще не сам скелет, кости находятся внутри каменного покрытия, которое образовалось за прошедшие десятки миллионов лет после гибели динозавра. Сложность извлечения кости состоит в том, что она мягче, чем окружающая ее порода. Камень мы не разрезаем, кость нужно найти и «вышелушить». Кто-то из скульпторов сказал, что он отсекает от мрамора все лишнее, чтобы получить статую. В какой-то мере это относится и к работе наших препараторов. Не думайте, что из каждого камня мы вынимаем цельную кость. Нет. Извлекаем по мелким кусочкам. Находим место каждого и склеиваем, как большую хрустальную вазу, разбитую на тысячи осколков. И уже тогда из многих собранных в разных местах костей собираем весь скелет.

КАРТА ЦАРЕВИЧА ФЕДОРА

«В трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов» есть такой эпизод,— пишет преподаватель вуза из Москвы Марк Григорьевич Рубинштейн.— Царь Борис входит к своим детям и застает сына Федора за похвальным занятием: тот чертит географическую карту. Что это — художественный вымысел великого поэта или действительно Федор Годунов занимался топографией?»

«Чертеж земли московской; наше царство из края в край» мне показала молодой научный сотрудник Музея истории и реконструкции Москвы Ирина Васильевна Данилова.

— Да, эта карта составлена царевичем Федором Годуновым,— говорит она,— карта была издана в Голландии в 1614 году Гесселем Герардом. Масштаб приблизительный: в одном сантиметре 530 метров. Помните?— Ирина Васильевна читает по памяти: — «Вот видишь: тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, вот пермские дремучие леса, а вот Сибирь»,— она ведет по карте указкой.— Как видите, Пушкин прекрасно изучил исторические документы.

На выставке.

До нас дошел также план Москвы, составленный царевичем Федором,— продолжает И. В. Данилова.—Посмотрите, он здесь висит. В углу карты — уменьшенная и упрощенная копия плана. Внизу надпись на латинском языке: «Москва с оригинала Федора Борисовича». План Федора Годунова датируется 1597 годом. Он издан в Голландии, в Амстердаме...

...Вот какие любопытные документы можно увидеть в новой экспозиции Музея реконструкции Москвы. Большая часть представленных на ней материалов ранее не выставлялась.

Беседы вел Ю. СУРХАЙХАНОВ.
Фото автора

Ю. ЛУШИН,
фото автора

БЫЛИ СТРАННОГО КОРОЛЕВСТВА

Рысь Дикси.

Ежа можно потрогать.

Комментарии излишни.

За синими горами, за темными долами лежит странное королевство. Король там предсказывает погоду, рубит дрова, кормит медведя и вообще трудится изо всех сил, а подданные его бездельничают. Воробей там не птица, а Директор вовсе не директор. Мышей там ловят капканами, а кошек держат в изолированной клетке. Соловьи там не поют, зато отменный хор составили волки... Э-э, да я вижу, вы не верите мне. Напрасно. Я открою вам тайну и покажу дорогу в странное королевство.

Возникло оно по доброте душевной Елены Александровны Крутовской, приехавшей в заповедник Столбы, что под Красноярском, после окончания университета больше тридцати лет назад. Животным отдана вся ее жизнь. В одной из своих книг она пишет: «Очень важно, чтобы и сейчас как можно больше людей стали друзьями и защитниками природы. Вот это и есть дело, которому мы служим».

Ее муж Джемс Георгиевич Дульнейт оказался ее единомышленником, таким же чудаком, влюбленным в природу. Его-то друзья и прозвали в шутку «Королем». Король действительно предсказывает погоду, потому что он заведует метеостанцией, а в свободное время мастерит клетки и вольеры для своих подданных. Кормит и заботится о них.

Теперь пора, кажется, раскрыть тайну — кто же такой в действительности Воробей и почему Директор вовсе не директор. Воробей — это обычный пес-дворняга. Кто-то с каменной душой бросил его совсем маленьким в мороз, а Крутовская подобрала и подсадила к ручной рыси Дикси. Собака так и выросла вместе с рысью и теперь выйти из вольеры даже на минуту не соглашается. Директор — это филин весьма внушительного и импозантного вида, иначе его просто назвать неудобно. Соловьи в королевстве не поют, потому что они не курские, а сибирские. Кошки же посажены в клетку за браконьерство в заповеднике. Живут в королевстве соболь Дарика, колонок Атаман, полярный волк Ларс — совсем ручной, семейство зайцев, которых по мере их взросления выпускают в лес, белки, ежи, косули, журавли, орлы, совы, лисы, волки, морские свинки, джунгарские крошечные хомячки — всех просто трудно перечислить.

Этот живой уголок, как скромно называет свое королевство Елена Александровна, посещают ежегодно более 30 тысяч человек, чтобы получить здесь предметный урок настоящей любви к природе. Давайте и мы с вами возьмем несколько таких уроков.

Зейка

Однажды на берегу реки Зеи ленинградский инженер Владимир Чубаров нашел косуленка. Был он совсем маленький и беспомощный. Может, просто отбился от матери, а может, она погибла в зубах хищника или от злой пули браконьера. Только пришлось Чубарову взять маленькую косулю с собой. Он назвал ее Зея. Зейка стала жить во дворе, подружилась с лайкой по кличке Тайга, а в своем спасителе Чубарове просто души не чаяла. Он отвечал ей взаимностью. Но вскоре инженеру приспело время возвращаться в Ленинград, и встал вопрос: как быть с косулей? Выпустить ее в лес нельзя — слишком отвыкла она от дикой жизни. Зоопарка в городе не было, а некоторых друзей, посоветовавших в ознаменование отъезда приготовить из Зеи жаркое, Чубаров перестал считать друзьями. К счастью, каким-то образом он узнал, что в заповеднике Столбы есть живой уголок, где о зверях заботятся, и написал туда письмо. Крутовская ответила, что у них уже есть две косули, но они согласны принять и Зею, если Чубаров найдет способ переправить ее в Красноярск. Он бросился в аэропорт. Ему повезло. Первый же пилот, к которому он обратился с просьбой, сказал:

— Заповедник Столбы? Знаю, знаю. О чем разговор, давайте вашу Зею...

Ункас

Четыре года назад ребятишки из Дивногорска подобрали в тайге глухаря с перебитой лапой. Видно, лежал он там не первый день, клевать ничего не мог и был ко всему безучастен. Глухарь медленно умирал. Стояла золотая осень, последняя осень его жизни. Но, может быть, не последняя? Ребятишки собрали делегацию и отправили ее с глухарем в живой уголок. Больного поместили на кухне, в которую входили на цыпочках. Двадцать дней лежал без движения глухарь у окна. Он по-прежнему ничего не ел, и Елена Александровна кормила его насильно мелко нарезанными яблоками. Все друзья и знакомые знали, что лучший подарок для нее в то время — несколько яблок для Ункаса (так назвали глухаря). На двадцать первый день Ункас впервые с трудом поднялся на ослабевшие лапы. Вид у него был жалкий, но глухарь стал понемногу клевать и оживал с каждым днем. Вместе с возвращавшимися силами у него обнаруживался характер — независимый и даже драчливый. Конкурентов он не терпел, и первыми, кто обнаружил крепость его клюва, были собаки и... сам Король. Для Ункаса авторитетов не существовало.

Вечерами все смотрели телевизор. Ункас тоже усаживался на отдельный стул, только на спинку, и так сидел весь вечер, как будто тоже что-то понимал. Когда кто-нибудь приближался к его стулу, он сердился и норовил долбануть пришельца клювом. Мир в королевстве стало сохранять все труднее. Назревал бунт. Поэтому к весне Ункаса перевели в новые апартаменты — отдельную вольеру во дворе, правда, без телевизора.

Миха

Миха Тайгиш из всех взяточников взяточник. Другого такого во всем лесу вряд ли сыщешь. До десяти утра он спит себе спокойно в клетке, задрав пятки. Знает: вставать бесполезно, посетителей еще не пускают. Зато после десяти он в полной боевой готовности стоит на задних лапах и смотрит напряженно маленькими хитрющими глазками сквозь прутья решетки. Ага, вот его очередные жертвы — целый отряд туристов. Миха тотчас же начинает представление — кланяется, приплясывает, неуклюже подпрыгивает с медвежьей грацией до тех пор, пока кто-нибудь не бросит конфету. Миха вместе с оберткой элегантно отправляет ее в пасть. Пример заразителен. Целый рой конфет, пряников и кусков хлеба падает к его ногам. Не волнуйтесь, ничто не будет отвергнуто. Но вот карманы у всех опустели, и хитрый Миха уже понял это. Он сразу прекращает представление — какой же дурак будет плясать за просто так — и вразвалку подходит к бадье с водой. Зрители в веселом расположении духа ожидают, какое еще коленце отколет косолапый. А Миха, не торопясь, поднимает мощную свою лапу и как трахнет ею по воде! Вся бадья разом выплескивается на зрителей, и все с визгом отскакивают от клетки. Миха доволен. Теперь освободилось место для тех, у кого запас конфет еще не иссяк. И он снова занимает выжидающую позу...

* * *

Вечер. Все живое устраивается на ночлег. Синие и желто-зеленые попугайчики повисли на ветке, словно елочные игрушки. Журавли грациозно застыли на одной ноге. Рысь Дикси спряталась в своем домике, а на нижнем этаже устроился Воробей. Миха завалился набок, белые пятки задрал кверху и мечтает об угощениях завтрашнего дня. Зайчики сбились в кучу и не обращают внимания на волчий концерт. Соболь Дарика, наоборот, к вечеру оживился. Филины и совы тоже повеселели. Лишь сорока Мурка мечется по всему уголку от вольеры к вольере. Днем она необдуманно покинула свою клетку и теперь никак не может попасть домой. Шурик, ее супруг, относится к этому шуму философски — устраивается спокойненько в гнезде один, иногда, впрочем, отпуская ворчливые реплики:

— Не надо было вылетать, вертихвостка, тра-та-та. Теперь жди до завтра, тра-та-та-тра...

Мурка покорно устраивается на ближней березе. «Привилегированные» перебрались с помощью Крутовской в дом: тетерев Петя устроился на спинке любимого кресла, два малыша глухаренка забрались на теплый бок овчарки Дагни — та не возражает, кенары примостились у окна, а миниатюрные хомячки — на кухне. Где-то в лесу грустно кукует последняя кукушка. Догорает вечерняя заря, кончается день, и другого такого не будет, потому что завтра я покидаю это странное и прекрасное королевство. Жаль. Сколько историй еще не рассказано...

Заповедник Столбы.

«ПРИГОЖАЯ К ЗДРАВИЮ ПИЩА»

Взять грибов белых, сварить и изрезать штуками, положить в кастрюльку луку с маслом, залить сливками и дать кипеть; потом положить зеленого луку, гвоздики и, уварив хорошенько, подавать на стол.

«Новейшая и полная поваренная книга», 1790 г.

Нет, не устарел рецепт этот почти за двести лет. Слюнки текут, когда только прочитаешь его, а уж когда готовишь, тут домашние с кухни не уходят, и потом от тарелки их за уши не оттянешь. А если по грибы сами ходили — тут уж разговоров за столом! О том, как на рассвете в синей дымке видели лосиху с детенышем... А сама охота за грибами! Свинушек да сыроежек уродилось нынче «мост мостом», как говорят в народе. Но уж очень мечталось найти беленьких, ну хоть по одному на каждого! Знали, что должны же быть: и травка подходящая, и света достаточно, и деревья те, что надо; а главное — пахло здесь белым грибом. А поди его найди! Собрались уже уходить. И вдруг: «Скорей, скорей ко мне!» Голос от радости прерывается. Бежим. Стоит грибник на коленях, траву приоткрыл, и диво — вот он, боровик! На крепкой толстой ножке, а шляпка-то — что булочка румяная. По всем правилам и с превеликой аккуратностью его выдернули (грибники опытные не советуют срезать, чтобы оставшийся пенек не гнил). Ну, а раз нашли один, непременно еще должны быть. И вот уж забыта усталость, глаза опять горят. И точно, счастье улыбнулось нам. Недаром говорят, «со счастьем и по грибы ходить можно». С удачей то есть, везеньем.

«Для нас, горожан, сбор грибов — отдых, развлечение,— написал нам в редакцию читатель И. Бондарев из Смоленска.— Но ведь грибы — это большое подспорье к нашему столу. Недаром еще знаток леса С. Т. Аксаков говорил: «Грибы составляют самую питательную, вкусную и здоровую пищу, если они употребляются не в излишестве».

Кто и как осуществляет сбор грибов для государственной продажи? И почему их в последние годы все реже встречаешь на прилавках магазинов?»

В России грибов съедалось великое множество. Вот, к примеру, в 1927 году было собрано 75 400 тонн. Сразу после войны цифры сбора тоже внушительные. Но постепенно этот поток превратился в маленький ручеек и почти совсем иссяк. Сказалось сокращение площади лесов, особенно лесов доступных, близ крупных городов; и, что особенно чувствительно, уменьшение доли сельского населения.

Занимается этим в основном Центросоюз. Нынче по стране его отделения должны собрать 20 тысяч тонн.

Смоленск — не самая грибная область России. Но план — 300 тонн — они выполняют стабильно. А нынче перевыполнили его вдвое.

Переплелись, запутались лесные тропки. Но все они сходятся где-то у околицы села, у неприметного строения, над крышей которого с рассвета допоздна курится дымок. Грибоварня. Сюда несут, везут на мотоциклах, машинах горы грибов. Войдешь — и чуть не задохнешься от крепких лесных запахов — хвои, трав, грибов. Булькают, шипят грибы в больших котлах, горит под ними яркий огонь. Жарко и от электрических сушилок. Только успевай перебирать, мыть, варить, солить, снова промывать, закладывать в бочки. Расторопные тут работают люди.

Наталья Андреевна Войтова из поселка Пржевальский Демидовского района так преуспела в этом, что ее наградили медалью «За трудовое отличие». До четырех тонн грибов в день перерабатывает ее пункт. Вся семья помогает ей, как может. Работают в свой отпуск, в выходные дни. Зарабатывают за сезон здорово, но и труд этот тяжкий.

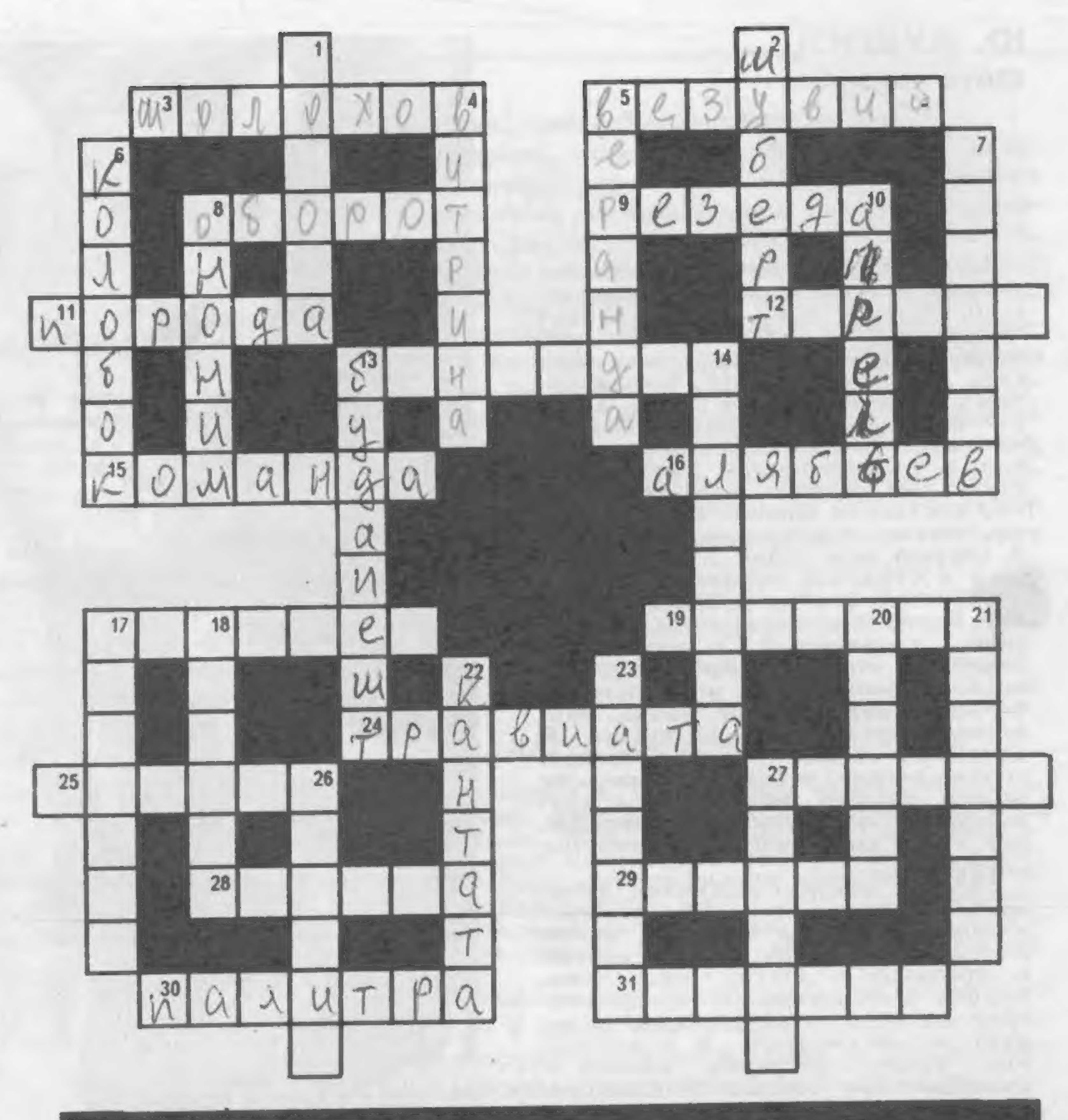
В другом районе — Рославльском — хозяйничает на грибоварне семья Хрипачевых. О своих постоянных сдатчиках очень просили написать. А. П. Семченков — пенсионер, но еще работает на стекольном заводе. Сдал за этот сезон более пяти тонн грибов. Очень, наверное, помогают ему эти прогулки по лесу после трудной работы в цехе.

Н. Е. Васюков. Вырастил шестерых детей, заработал пенсию, а ныне пристрастился к тихой охоте.

Юный грибник Сережа Смородов принес свою добычу. Ставим на весы — 10 килограммов. В четвертом классе учится Сергей, но тоже заработал нынче ценный подарок. Выдадут его на линейке в школе. А что — пока секрет.

До снега будут куриться дымки над грибоварнями. Маловато их еще на Смоленщине — 70. Робко растет их количество. Руководители потребкооперации объясняют это тем, что трудно найти работников. Но этот вопрос решить нужно. И то верно, что в каждой деревне не откроешь пункт. На выручку, особенно в урожайные годы, должны прийти передвижные. И еще — широкая информация о существующих пунктах, в том числе и специальные указатели на дорогах. Тогда и мы с вами, побродив по лесу, нагрузившись тяжелыми корзинами, охотно отдадим часть своей добычи.

Н. БУМАГИНА

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Советский писатель, дважды Герой Социалистического Труда. 5. Вулкан на юге Италии. 8. Полный круг вращения. 9. Декоративное травянистое растение, цветок. 11. Группа сельскохозяйственных животных одного вида с общими признаками. 12. Вид напильника. 13. Русский изобретатель дуговой электросварки. 15. Спортивный коллектив. 16. Композитор, автор романса «Соловей». 17. Действующее лицо музыкальной драмы М. П. Мусоргского «Хованщина». 19. Добавочная кассета к фотоаппарату. 24. Опера Д. Верди. 25. Озеро в Хабаровском крае. 27. Строфа. 28. Река в Канаде. 29. Двухместный велосипед. 30. Дощечка, пластинка для смешивания красок в живописи. 31. Видоизменение, разновидность.

По вертикали: 1. Приток Хопра. 2. Австрийский композитор XIX века. 4. Специальное место для показа товаров, экспонатов. 5. Терраса вдоль стены дома. 6. Русская народная сказка. 7. Персонаж романа Л. Н. Толстого «Война и мир». 8. Слово, однозвучное с другим, но отличное по значению. 10. Месяц календарного года. 13. Столица европейского государства. 14. Река на Дальнем Востоке. 17. Рассказ А. П. Чехова. 18. Режущий инструмент для образования отверстий. 20. Разновидность гонга. 21. Лепное украшение в виде цветка. 22. Крупное вокально-инструментальное произведение. 23. Областной центр в РСФСР. 26. Пушной зверь. 27. Химический элемент, металл.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 1. Барбарис. 4. Катарина. 7. Пашкевич. 9. Азурит. 10. Тент. 11. «Родина». 12. Горн. 14. «Обезьяны». 15. Яхта. 17. Куба. 19. Востоков. 20. Пруд. 22. Огород. 23. Шкив. 25. Карьер. 26. Крамской. 27. Ласточка. 28. Радиатор.

По вертикали: 1. Бумеранг. 2. Бетатрон. 3. Самшит. 4. Корвет. 5. Рапсодия. 6. Анфилада. 7. Петрозаводск. 8. Чернышевский. 13. Румб. 16. Хлор. 17. «Крокодил». 18. Аэростат. 20. Парусина. 21. Директор. 23. Штанга. 24. Вектор.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Народный артист СССР Николай Сличенко. (См. в номере материал «Иду к вам...»)
Фото Л. Шерстенникова

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: По грибы. (См. в номере материал «Пригожая к здравию пища».)
Фото В. Матвеева

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Е. М. КАЗАКОВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 25.9. 81. Подписано к печати 13.10.81. А 00441. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 790 000 экз. Изд. № 2577. Заказ № 1241.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

Пентагон разработал широкомасштабный план проведения в Египте военных маневров.

Из газет

Пентагон
к ближневосточной карте
Ломится
в воинственном азарте.

Дм. ДЕМИН

Рис. КУКРЫНИКСЫ

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663